ВАЛЕНТИН БАДРАК

7 злых гениев, шокировавших мир

FOLIO

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта книга даст вам исчерпывающую информацию о внутреннем мире самых известных в истории нашей цивилизации убийц, насильников и разрушителей. Вы будете знать всё о низменных побуждениях человека.

- Валентин Бадрак
  - ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ
  - Калигула
  - Нерон
  - Чингисхан
  - Иван IV Грозный
  - Иосиф Сталин
  - Адольф Гитлер
  - Саддам Хусейн

Валентин Бадрак
7 «злых гениев», шокировавших мир (Ужасающая правда о жизни тиранов)

Все в мире диктаторы порождены нами самими. Мы порождаем их в надежде переложить на них ответственность. Миллионы людей не могут обойтись без указок сверху – они дезориентированы. Но в тот миг, когда мы отдаем ответственность в чьи-то руки, мы теряем душу.

Восточный философ Ошо

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Калигула, Нерон, Чингисхан, Иван Грозный, Гитлер, Сталин, Саддам Хусейн…

Все они пришли к своему новому облику путем постепенного и последовательного нарушения установленных обществом правил; первым и самым действенным разрушением для всех их было разрушение созданных предшествующими поколениями табу. Шаг за шагом, вступая в область недозволенного, увлекаемые раздражителями беспокойного детства, они шли к своему абсолюту – часу, когда разрешено все, когда сокрушение всего мира становится доступным и возможным. И они тайно упивались этой открывающейся возможностью разрушений устоев, как неисправимые пьяницы непомерными дозами алкоголя. Они так утверждались, приобретали сомнительную славу и эфемерное признание, двигаясь быстрыми широкими шагами навстречу неминуемой гибели. Прикосновение к темным, низменным сторонам человеческого бытия на фоне абсолютной доступности и неограниченной власти привело к рождению антигероев. Безбрежная свобода, от которой они хмелели, неизменно заводила их в безжалостные тупики, откуда оставался только один путь – в Ад.

Соприкосновение с насилием и агрессией, особенно в раннем возрасте, порождает устойчивое желание испытывать ощущение насильника, убийцы или истязателя снова и снова, не покидая человека до самой смерти. Увидев, а затем и прочувствовав грани безбрежной власти, человек оказывается зараженным ею, причем в большинстве случаев эта болезнь неизлечима. Одним из основных раздражителей для будущих демонических личностей и, быть может, одним из наиболее важных пунктов в формировании их мотивационных аномалий является тот факт, что они слишком рано пролили кровь и почувствовали близость смерти. Те, кто в раннем возрасте совершил убийство, а до того нередко присутствовал при истязаниях или сам оказался объектом мучителей, обязательно стремились оказаться в роли угнетателей, отомстить всему миру или просто самим испытать приторную сладость греха насилия или убийства.

Ущербность, уязвленное самолюбие и следующая за ними по пятам ненасытная жажда мести или признания на иррациональном поприще очень часто, если не в большинстве случаев, связаны с прохождением человека через унижение в то время, когда его личность находится на этапе формирования. Это могут быть физические страдания, сознательно вызванные кем-то

из окружения в раннем возрасте, но подобное воздействие оказывает психологическое отторжение социумом, к которому человек изначально принадлежал, или унижение сексуального характера. Страсть к насилию и разрушению так или иначе связана с испытанием их в качестве объекта таких действий или увиденными вблизи проявлениями необузданной агрессии. Порой в качестве наблюдателя восприимчивая натура может получить такую дозу «облучения», что заставит испытывать не меньшие душевные потрясения и сопереживания с происходящим, осуществляя впоследствии перенос этих событий (другими словами, воспринимая действие по отношению к другому в качестве раздражителя, направленного на себя). Часто деструктивные импульсы формируются целым комплексом взаимосвязанных причин, в которых, так или иначе, имеется подтекст унижения и ущемления, вызывающий деформацию личности и существенные изменения восприятия окружающего мира. Это такая мощная и неожиданная детонация души, которую французский психолог и психиатр Пьер Жане определил как шоковые эмоции, то есть такие потрясения вследствие внешних происшествий, которые не только являются по сути неординарными для неподготовленной юной натуры, но и действуют как провоцирующие, вовлекающие в действие раздражители. Эти эмоции, потрясая все имеющееся доселе представление о мире, являют собой мощную дезорганизующую, разрушительную для личности силу. Они становятся факторами, противоположными воле и вниманию. П. Жане отмечает, что охваченный такими эмоциями человек становится «как бы ниже самого себя». При этом эмоция, трансформирующаяся в эмоциональное расстройство, может повторяться и даже длиться годами.

Чтобы понять, можно ли на самом деле управлять деструктивным в человеке, необходимо честно и объективно ответить на вопрос: как могло произойти, что многие деструктивные личности, разрушители, насильники и откровенные убийцы были признаны широкими массами? И не является ли их приход в мир скрытым отражением наших общих ожиданий?

Всесторонне исследуя личность Гитлера, американский ученый Вальтер Лангер сделал следующее замечание: «С научной точки зрения, мы вынуждены считать фюрера не просто дьяволом в своих действиях и философии, а неким выражением состояния ума, присущего миллионам людей не только в Германии, но, в меньшей степени, во всех цивилизованных странах». Действительно, иногда кажется, что природа масс такая же

садомазохистская, как и природа части людей, ибо массы легче поддаются негативному влиянию, чем вдохновляются на какое-нибудь выдающееся дело. Часто осуждаемое обществом иррациональное является не чем иным, как детонацией желаний и ощущений тех, чьи первичные биологические потребности подавлялись на протяжении многих тысячелетий. Именно отсюда проистекает подсознательная готовность масс вершить прикрываемое идеологией или государством насилие, о чем достаточно было сказано выше.

Калигула явил миру «образцовый распад личности», неминуемо происходящий под воздействием совокупности повторяющихся раздражителей. Родившийся в одной из лучших семей Римской империи, стимулируемый безнаказанностью, поощряемый раболепным окружением, он дошел до предела падения человеческого. Император, проживший всего двадцать девять лет и бесславно правивший Римом лишь неполные четыре года, он сумел обратить на себя внимание потомков своей крайней жестокостью, диким нравом и развратностью. Убийства, насилие, мотовство и откровенный грабеж ближнего стали при Калигуле нормой жизни римского общества. Но даже не эти чудовищные побуждения звериной натуры императора стали объектом всеобщего внимания и удивления. Его современников и потомков больше всего шокировало потрясающее и обескураживающее незамысловатостью перевоплощение покладистого и терпеливого молодого человека, с дежурной улыбкой на устах сносившего подковырки всемогущего императора Тиберия, в настоящее исчадие ада.

Нерон – одна из наиболее ярких деструктивных личностей в истории нашей цивилизации. Он маскировал под маской гнусного матереубийцы аморфность духа, слабость воли, женственный характер и подавляющую его неспособность развивать творческое, созидательное начало. Однако то, что сам Нерон слыл далеко не глупым человеком и к тому же был прекрасно образован, заставляет нас заняться поиском ответа на вопрос, не было ли его поведение сознательной и четко отработанной стратегией, направленной на то, чтобы ее автора человечество запомнило навсегда. Ведь и почти через две тысячи лет после его появления на свет многие с волнением вникают в подробности его частной жизни и поражаются, как современное Нерону общество допустило такую вопиющую свободу одного чудовища, способного надругаться над свободой всех остальных.

Чингисхан запечатлел в своем облике поступательную трансформацию личности, идущую навстречу черной бездне. Вереница затеянных им убийств, оказавшихся безнаказанными,

сделали его крупнейшим разрушителем в истории. Страх и смерть, извечные возбудители человеческой психики, прочно связаны с личностью Чингисхана и притягивают взгляды к его деятельности даже через тысячу лет. С точки зрения целостного восприятия, личность Чингисхана в силу инфантильности и извращенности ориентиров цивилизованного человека могла быть отнесена к числу патологически неполноценных, в которых животные инстинкты доминируют над характерными для человека принципами существования. Но говоря же о Чингисхане, невозможно игнорировать существование в его время и в его среде (сформированной задолго до появления самого Чингисхана) системы ценностей, которая во многом предопределяла поведение того, кто намеревался стать лидером. В этом смысле деструктивная ориентация Чингисхана может быть оправдана, особенно если вспомнить, что жестокость порой направлялась на объединение племен и создание из хаоса единой общности людей с идентичными интересами.

Иван Грозный дошел до такого звериного состояния, когда смерть и насилие стали приносить ему состояние удовлетворения. В мировой истории трудно найти схожего с ним маньяка, как, пожалуй, сложно найти такого же изобретательного изверга, который лично наслаждался бы уничтожением столь громадной массы безропотно принимающих смерть людей. Российский самодержец, кажется, впитал в себя все худшие человеческие черты, «прославившись» вовсе не великими делами и удавшимися государственными реформами, а методичным истреблением лучших представителей своего народа, дикими пытками и неуклонным стремлением прикоснуться к смерти, жаждой подчинить потусторонний мир. Историки, справедливо сравнивающие Ивана IV с самыми жестокими правителями средневековой Европы, тем не менее сходятся на мысли о том, что не было равных «московскому палачу».

Сталин – крупнейшая деструктивная личность XX века. Любопытно, что и более чем через полстолетия после смерти Иосифа Сталина многие откровенно восхищаются его угрюмой фигурой и тихой поступью дьявола, обволакивающего души призрачной пеленой фарса, игрой на костях миллионов, искусительной иллюзией всеобъемлющей власти над миром. И если образы вождей, подобных Сталину, все еще кого-то пленяют и манят, значит, мощная волна деструктивного способна снова и снова сокрушать мир, а человек, создавший космические корабли и проникший внутрь атома, так и не научился усмирять этого, пока еще самого сильного и самого неумолимого зверя… При изучении отдельных технологий и ловких тактических шагов

этого дьявола от политики наиболее важным для потомков должно стать понимание того, каким образом чума деструктивного, порожденная небольшой группой одержимых, способна привести к безраздельному властвованию над массами и сделать бессильными целые народы.

Гитлер – темный демон, патологический разрушитель, неисправимый, неизлечимо больной маньяк XX века. Хотим мы того или нет, но физически слабый, духовно бедный, психически неполноценный человек, пораженный паранойяльным стремлением к власти, сумел навязать свою демоническую идею миллионам, полностью перекроить карту Европы и создать условия для геополитических изменений планетарного масштаба. Для живущих после этого мрачного исторического феномена крайне важно постичь как истоки этой удушающей для мира мотивации, так и глубинные причины удручающей податливости масс. При объективном рассмотрении создатель Третьего рейха предстает перед беспристрастным взором не только, и не столько мистическим сгустком энергии и воли, упрямо устремленной к смерти, но и сомневающимся и вечно ищущим в себе, пугливом маленьком человеке, черты черного гения и бессмертного воителя. И самое главное – он предстает беспрерывно анализирующим события, непрестанно учащимся, постигающим законы развития и плетущим свою гигантскую смертельную паутину, человеком-пауком, который рассматривает себя не только как часть политического процесса, а как главного регулировщика этого процесса. Так стоит ли во всем винить фюрера, ведь это унылое и аморфное человечество в своей беспечной спячке прозевало вызревание нарыва чудовищной силы, прорвавшегося вулканическим потоком крови и скорби.

Саддам Хусейн, как и большинство тиранов, является хорошо вызревшим плодом самой тирании. Выживая в обстановке репрессий, сопутствующих борьбе за власть, нескончаемых переворотов, сопровождающихся массовыми убийствами и насилием, он, кажется, попросту не мог быть другим. Он воспринимал власть как свою главную и единственную цель. На первый взгляд, Саддам мало чем отличается от множества других людей, которые потратили свою жизнь на достижение и удержание власти в Багдаде. Но если судить о каждом из иракских правителей, древних и современных, не только по актам жестокости и агрессии, то Саддам может оказаться даже более коварным, более гнусным, чем большинство этих деспотов. Иными словами, окажись этот человек в компании других беспринципных правителей-убийц, он вполне мог бы претендовать на то, чтобы возглавить их. Хотя так же верно, что

Саддам органично вписывается в историю Ирака, которая по большей части представляет собой кровавую летопись, перечень вероломных захватов власти, адских пыток, публичных казней и погромов. И не будь Хусейн по своей природе палачом и агрессором, он никогда не сумел бы вырвать власть из рук других злодеев.

Калигула
Гай Цезарь
(сентябрь 12 года – 24 января 41 года)

Римский император (37–41 гг.), символ разнузданности и разложения человеческой личности под влиянием неограниченной власти

Пусть ненавидят, лишь бы боялись.

Слова, которые часто повторял Калигула

Что представляет собой образ Калигулы в восприятии современного человека? Калигула короткой вспышкой животного естества, ужасающей стороны своего второго, до времени тщательно скрываемого «я», открывшегося благодаря неограниченной власти и уверенности в безнаказанности, продемонстрировал мрачную трансформацию личности. Он как будто носил маску и изображал человека, которым никогда не был. И лишь получив право повелевать и удостоверившись в действии этого права, он начал осторожно снимать привлекательный для окружающих камуфляж; пока не обнажил свою страшную суть.

Пожалуй, именно это превращение больше всего интересовало исследователей. Но слабости человека, как и его сила, сосредоточены в нем самом, и ему никуда не убежать от самого себя. Именно поэтому стоит попытаться понять, было ли появление Калигулы проявлением неких демонических сил или люди сами позволили выпустить деструктивное наружу через образовавшиеся бреши в душе одного из представителей человеческого рода. И, может быть, Калигула был одним из тех зловещих предупреждений человечеству, поучительным намеком и призывом Природы, который должен заставить Человека узнать все о своих деструктивных импульсах и управлять ими.

Детство: калейдоскоп кошмаров

Гай Калигула родился в самой, пожалуй, именитой и популярной семье наследников власти за всю историю императорского Рима. Гай Германик и Агриппина Старшая не только демонстрировали образцовые отношения мужа и жены в начавшем разлагаться римском обществе, но и были надеждой сограждан. Многим казалось, что они сохранили республиканский дух свободы, и в удушливой и пропитанной страхом атмосфере, царящей в империи Тиберия, возник манящий сладкий миф о возможном возрождении прежних традиций. В молчаливой ухмылке живущего в своем странном мире человека мало кто мог рассмотреть будущего тирана и организатора диких оргий. Чтобы не видеть свою властолюбивую мать, неприязнь к которой с годами все возрастала, император построил свою личную резиденцию на острове Капри, где тихо сходил с ума, находя удовлетворение в безудержном разврате, актах насилия и упоении чужими страданиями.

Именно поэтому почти все сословия Вечного города с благоговением взирали на образцовую жизнь Германика и Агриппины Старшей, шестеро детей которых многим римским политикам казались символами возрождения Республики и возвращения к управлению, существовавшему до Юлия Цезаря. Германик, корни которого по матери восходили к Марку Антонию, а по отцу – к Ливии, считался образцом благородства, символом военной славы и олицетворением республиканских взглядов. Агриппина Старшая, в отличие от Тиберия, была родной внучкой и прямой наследницей императора Августа, отцом же ее был один из самых выдающихся полководцев Римской империи и ближайший друг императора Августа Марк Агриппа. Человек, положивший к ногам хилого Октавиана покоренную империю, он фактически сделал его Августом. Вполне естественно, Агриппина понимала, чья кровь течет в ее жилах, и поступала сообразно своему положению. Народ, падкий на героев, искренне гордился этой парой и многими поступками каждого из связанных узами брака наследников. Когда же слава римского полководца в Германии стала слишком явным раздражителем для властвующего в Риме Тиберия, он вдруг велел Германику отправиться в Сирию, где услужливый наместник императора вероломно отравил Германика.

Груз императорской фамилии с самого рождения давил на сознание маленького Гая невероятной силой. Кажется, Калигула впервые начал осознавать себя, находясь в германском военном лагере своего отца. Его самоидентификация подчеркивалась, с одной стороны, крайне бережным, заботливым и нежным отношением матери (ведь они были в настоящем военном лагере,

где смерть всегда рядом), а с другой – скорым осознанием собственной принадлежности к особой касте людей. Он был единственным ребенком на настоящей войне, к тому же сыном блистательного полководца и потенциальным наследником Тиберия, солдаты и офицеры откровенно баловали его и позволяли делать все, что вздумается, забрасывали его подарками.

В сложной, динамично меняющейся обстановке военного времени Гая, которого в лагере прозвали Калигулой («сапожком»), постоянно оберегали от неприятностей, а Кассий Херея, один из лучших офицеров в легионах Германика, носил его на плечах, как великий символ Рима, еще более священный, чем знамена легионов. Необходимость насилия вошла в его жизнь с первых дней осознания себя. Хуже всего было то, что насилие устойчиво ассоциировалось со славой, удачей и признанием в обществе современников. Наряду с глубоким раздражителем в виде желания насилия он с раннего возраста усвоил важное правило: насилие останется безнаказанным и даже может восторженно приниматься обществом, если обществу будет доказано благо этого насилия. Но, по сути, для маленького мальчика ситуация выглядела несколько по-иному: идя по миру с мечом в руках, разрушая чужие устои, убивая непокорных и позволяя (или не воспрещая под страхом смерти) своим солдатам насиловать чужеземных женщин и сжигать их дома, римляне-убийцы возвышались, богатели и делали весь мир доступным для себя. Ощущения превосходства и вседозволенности стали доминирующими для Гая с первых лет сознательной жизни; именно на них он будет опираться в течение всей своей короткой жизни.

Но точно так же с самого детства он понял, что и сам может стать объектом насилия, если потеряет бдительность, не научится обороняться и нападать, а еще лучше – тайно устранять своих конкурентов. Очень скоро он нашел неожиданное подтверждение этому на примере своего отца. Жизнь с самого детства заставила его вглядываться в окружающий мир настороженно и с опаской. И то, что он видел дальше, все больше ужасало своей противоречивостью, фальшью масок и декораций.

В обескураживающей смерти отца-полководца, которую он вполне мог осмыслить в свои семь лет, пожалуй, впервые проявился скрытый конфликт отца и сына. Если не в это время, то несколько позже Калигула наверняка задал себе удивительно простой вопрос: отчего победоносный и успешный военачальник, которого несокрушимые германские легионы просили взять верховную власть в свои руки, отказался от нее и заплатил за свое

благородство бесславной смертью? Может быть, думал Калигула, не стоит становиться жертвой в заведомо подлом мире, лучше избрать иную тактику, ответить на интригу еще более изысканной интригой, обойти ловушку, притвориться глупым, чтобы потом с улыбкой на устах растоптать обидчика, разорвать его на части и насладиться видом растерзанного и уже бессильного противника.

Маленький Гай стал особенно быстро взрослеть после отравления отца. Испытывая ужас от собственной незащищенности и желая мести, он после возвращения из Сирии сумел привязать к себе старуху Ливию. Гай ненавидел старую женщину, которой молва наравне с Тиберием приписывала отравление отца, но одновременно с этим видел в ней защиту, поэтому постарался покладистостью и показной привязанностью усыпить бдительность угасающей «матери отечества». Пока его мать старательно вникала в политику, периодически бесстрашно бросая в лицо Тиберию обвинения в его причастности к гибели мужа, Калигула уже сомневался в необходимости поступать таким образом. Мстительный старик проглотил обвинения, но конец самой Агриппины после этого стал делом времени.

Все эти события происходили на глазах взрослеющего Калигулы, поэтому изворотливость и скрытность стали неотъемлемой частью его формирующейся личности. С одной стороны, его глаза с раннего детства привыкли к сценам смерти и мучений, вид которых вызывал у него приступы трепетного, сладковатого и приторного ужаса; с другой – он ощущал великую опасность и всегда видел рядом край бездонной пропасти. Рим, как оживший вулкан, уже сотрясался от кощунственных обвинений и циничных судилищ. Как отмечал Тацит, многие уважаемые и некогда влиятельные мужи империи добровольно уходили из жизни, чтобы не быть свидетелями человеческого падения и небывалой низости. Болезненная восприимчивость, впечатлительность и ни на миг не оставляющее его ощущение животного страха сделали психику молодого Калигулы неустойчивой, а поступки противоречивыми. Он то впадал в состояние смирения, то, будто соблазненный неуправляемой стихией, совершал мало поддающиеся объяснению непристойности. Принадлежность к обожаемому массами роду, обеспечивающая некий аванс доверия со стороны окружающих, все чаще толкала его на потворство собственным страстям, развивая непреодолимое влечение к насилию и властолюбию. Унаследованные от матери цепкость и воля к жизни укрепили его стремление выжить, актерское же мастерство он – под страхом смерти – усвоил чрезвычайно быстро. Да, решил Калигула для себя, он будет пресмыкаться и раболепствовать, и пусть это

навсегда останется в его памяти, чтобы легче было мстить. Потом он повернет реки вспять, и те, кто сегодня насмехается над ним, будут в страхе ожидать его вердикта. Он еще насладится жизнью, единолично даруя или отнимая у других право на жизнь.

Характер будущего властителя Рима под влиянием неблагоприятных обстоятельств сформировался чрезвычайно рано. Еще будучи совсем юным, он пристрастился исподтишка совершать поступки, которые обычно вызывают неприязнь и отвращение. Как избалованный ребенок, он всегда хотел заглянуть в комнату, ключ от которой от детей прячут. Ему все больше хотелось запретного, а отказать себе представитель императорской семьи был не в состоянии. Ведь с детства ему все было дозволено, он вырос под грубые песни солдат о том, что ему уготована небом высшая власть. Поэтому, несмотря на опасности, где-то глубоко юноша ощущал себя властителем, наделенным богами безграничными полномочиями, которые хотят отобрать какие-то злые люди.

Калигула начал свой путь безумца с, казалось бы, безобидных для юноши своего времени поступков. Он, как пишет Светоний, «с жадным любопытством присутствовал при пытках и казнях истязаемых, по ночам в накладных волосах и длинном платье бродил по кабакам и притонам, с великим удовольствием плясал и пел на сцене». Он позволял своим безудержным низменным желаниям выплескиваться наружу; его завораживала обжигающая мгла жизни, ее дно, на котором все дозволено. Кажется, историк-беллетрист Роберт Грейвз недалек от истины, описывая истинное лицо юного Калигулы: когда его покровительница прабабка Ливия была при смерти, он злорадно смеялся над нею и ее беспомощностью. После долгих лет пресмыкательства и показной любви он позволил этой женщине увидеть настоящего Калигулу. А потом, во время пышной панихиды, он лицемерно произнес проникновенную речь, которую многие назвали блестящей. Играя со смертью, Калигула оказался весьма расчетливым и ничуть не напоминал человека с больным разумом. Прошло еще немного времени, и напористый отрок превзошел самого Юпитера: если тот сожительствовал только с одной своей сестрой Юноной, то Калигула совратил всех троих. Разврат захватил его, но на людях он еще сдерживался и вел себя пристойно, между тем вынашивая такие планы, от которых помутилось бы в глазах у самого Тиберия, прознай он о намерениях тихого юноши.

Отметка богов и выбор императора

Современный историк Джордж Бейкер, подаривший миру замечательное жизнеописание Тиберия, полагает, что римский сенат – то ли из боязни, то ли из желания угодить принцепсу – намеревался привлечь к суду и уничтожить не только Агриппину Старшую, но и ее троих сыновей. Если это так, то Калигула не мог не знать о надвигающейся опасности, грозившей уничтожить несчастную семью Германика. Однако через некоторое время после того как Тиберий с методичной злобной последовательностью видавшего виды садиста довел до самоубийства одного из его старших братьев – Нерона Цезаря, – сам Калигула неожиданно был вызван императором в его резиденцию на остров Капри. В логове умирающего дракона девятнадцатилетнего молодого человека ожидали испытания, преодолеть которые мог только изворотливый и чрезвычайно предусмотрительный человек. Калигула отчаянно боролся за свою жизнь, поэтому все выходки Тиберия сносил с невероятным терпением, скрываясь за маской лести и притворства. Отпрыск прямолинейного Германика предстал таким гуттаперчевым и эластичным, словно был не живым человеком, а роботом, запрограммированным на выживание. Кажется, он подкупил Тиберия, но отнюдь не лестью и готовностью быть рабом ради того, чтобы выжить, а неожиданно обнажившейся порочностью и необычайной черствостью натуры, которые император конечно же почувствовал в нем. Тиберию, так и не сумевшему дотянуться до Августа и имевшему в активе лишь один благородный поступок – отказ от названия месяца своим именем, – необходим был кто-то, кто был бы еще ужаснее и кто мог бы таким образом сгладить контраст между почитаемым Августом и посредственным Тиберием. И потому Тиберий сделал окончательный выбор – в конце концов, кто-то же должен обелить его запятнанное кровью и пошлостью имя, а заодно и уничтожить легенду о славе и величии Германика.

Старик не случайно проверял избранного им преемника различными способами, каждый из которых был хуже предыдущего. Тиберию нужен был отъявленный негодяй, потенциальный убийца, мучитель и насильник. Был, конечно, еще оголтелый и беспринципный Сеян, но сравнив подобострастного юношу и хитрого, пытавшегося возвыситься командира преторианцев, к тому же безродного, Тиберий решительно выбрал Калигулу. К тому же император боялся, что Сеян захочет убить его раньше, чем ангел смерти позовет его в последний путь. Трусливый же Калигула, как казалось Тиберию, будет тихо ждать своего часа, чтобы потом постепенно проявить свою звериную натуру. И чем дольше он будет ждать, полагал принцепс, тем

хуже для Рима. На острове Капри дряхлеющий император убедился, что это юное трепещущее от страха создание готово превратиться в прожорливого дракона, как только придет его, императора, смертный час. Знал Тиберий и о ночных похождениях Калигулы: знал, но лишь ухмылялся, ибо чувствовал, что наследник превзойдет его самого. «Он живет на погибель себе и другим», – такое пророчество всесильного Тиберия сохранила молва. Сделав выбор, Тиберий уничтожил Сеяна, назначил Калигулу понтификом и женил его на девушке из знатного рода. Казалось, что император сделал выбор…

Пока юный Калигула, дрожа от страха и одновременно радуясь своему новому положению, приобщался к императорским утехам, сам Тиберий вернулся к старым долгам. Он намеревался рассчитаться с властолюбивой и гордой Агриппиной Старшей, матерью Калигулы. К тому времени, когда императору пришло в голову вызвать к себе Калигулу, его мать и второй брат (Друз) уже почти два года томились в изгнании. Тиберия потешило, что, борясь за свою жизнь и при этом утопая в роскоши и разврате, Калигула ни разу не обмолвился о судьбе родных, смерть старшего брата (Нерона), казалось, вообще его не беспокоила. Юноша как ни в чем не бывало жил по предписанному императором сценарию и, кажется, не особо удивился, когда узнал о том, что мать с братом умерли медленной и мучительной смертью. Родная внучка императора Октавиана Августа мужественно приняла смерть от голода, а ее несчастного сына, которого Тиберий какое-то время даже держал при себе в резиденции на Капри, еще до кончины Агриппины Старшей также уморили голодом.

Но затаившийся Калигула все-таки действовал, намереваясь обеспечить свою безопасность и приблизить счастливый момент обретения власти. Когда его молодая жена неожиданно умерла при родах, юный искатель счастья решил сделать ставку на сменщика Сеяна на посту командира императорских гвардейцев – Макрона. Для этого он, как считает Светоний, сумел обольстить жену Макрона и с ее помощью обрести доверие первого преторианца. Но, вероятно, оба властолюбивых гражданина Вечного города испытывали тягу друг к другу. К примеру, Тацит уверен, что не Калигула искал дружбы Макрона через его жену, а, наоборот, Макрон, уже достигший высокого положения в обществе, вынудил свою жену соблазнить Калигулу и таким образом сблизиться с перспективным молодым человеком. Говорят, существовала даже расписка Калигулы о том, что он непременно женится на Эннии, когда получит власть. Согласно утверждениям Тацита, Тиберий прознал о хитростях Калигулы.

Но годы брали свое, ограничивая не только свободу передвижения дряхлого императора, но и возможности политического маневра. К старости у Тиберия не осталось ни одного союзника и, тем более, надежного друга. Как Калигуле уже трудно было найти альтернативу, так и Макрона заменить в это время было уже невозможно.

Пока всемогущий старик колебался, предприимчивые Калигула и Макрон начали действовать. Они приблизились к давно ожидаемому финалу, когда во время одной из крайне редких вылазок из резиденции Тиберий фатально занемог. Разные авторы по-разному описывают сцену кончины тирана, но во всех рассказах фигурирует Калигула – то ли как отравитель, то ли как душитель, то ли как сообщник Макрона в этом деле. Но даже если Калигула не срывал с пальца умирающего императорский перстень-печать и не душил его подушкой, эти придуманные эпизоды оказались поразительно точными в отношении нового императора Рима. Трусливый, действующий исподтишка и чаще чужими руками, он мгновенно смелел, как только видел беззащитность некогда сильного противника, и дальше действовал, как бультерьер во время схватки.

После злобного Тиберия молодой жизнерадостный Калигула показался римлянам вспышкой яркого света после тьмы. Его воспринимали как живительный поток, пришедший в край, где долго властвовала засуха. Толпы ликовали в предвкушении лучшей жизни. Но эти несчастные, взывавшие к двадцатипятилетнему «спасителю», недооценили Тиберия, которого так проникновенно проклинали. Молодой император начал с блестящего спектакля. Он демонстративно и с большой помпой почтил память всех своих родственников, отплыв на остров Пандатория за прахом матери «в бурную непогоду, чтоб виднее была его сыновья любовь». Он помиловал осужденных, а «спинтриев, изобретателей чудовищных наслаждений», изгнал из Рима. Калигула «позволил» безбоязненно работать судам, восстановить сочинения запрещенных Тиберием летописцев, а черни – насладиться зрелищами, угощениями и всенародными раздачами.

Что же происходило в действительности? Желал ли новый император измениться, стать противоположностью Тиберия, к смерти которого он явно приложил руку, или Калигула старался усыпить бдительность общественности, чтобы затем проверить границы дозволенного для властителя Рима? Вероятно, в это время имело место определенное раздвоение личности Калигулы. С одной стороны, его поддерживает множество людей, которые взирают на нового принцепса с великой надеждой. В него

искренне верят огромные массы, и чувствительная психика молодого человека, подкрепляемая памятью об отце, толкает его на благородные поступки; какое-то время он, похоже, искренне жаждет соответствовать ожиданиям народа и тех политических сил, которые уже сделали ставку на него. Но вместе с тем, затаившиеся в его душе демоны не могли долго томиться в бездействии, они могли лишь выжидать удобного момента, чтобы явить себя миру. А Калигуле необходимо было утвердиться во власти, ибо как крайне боязливый и осторожный человек, прошедший через жестокие испытания, он просто опасался поддаться тайным, обуревавшим его естество желаниям. Поэтому Калигула пытался сдерживать свои страсти, не позволяя им проявляться явно и неприкрыто. Что же касается государственной политики, то на самом деле в этот счастливый для Рима период лично Калигула не совершил ничего выдающегося. Он лишь «позволял» или «не воспрещал» делать то, что было введено при Августе, но потом предано мрачным Тиберием. В некоторых поступках нового принцепса скрупулезные исследователи находили и более внушительные результаты. Например, Пьер Грималь небезосновательно считает, что торжественное захоронение останков членов семьи Германика на Марсовом поле в мавзолее Августа было не только актом легитимизации власти Калигулы, но и символом династической преемственности. Еще более знаковым стало посмертное обожествление сестры Друзиллы, с которой Калигула состоял в кровосмесительной связи. П. Грималь указывает, что обожествление «придало принципату откровенно «царскую» окраску». И, естественно, стало мощным предупредительным залпом тяжелой артиллерии по позициям сената.

Уродливая и деформированная натура Калигулы настойчиво требовала дрейфа к темной половине, к исполнению мрачных желаний и животных побуждений. Тучи сгустились уже тогда, когда умерла его младшая сестра Друзилла, к которой он, возможно, испытывал нежные чувства. Приблизительно в это же время он решился на разрыв с сенатом, формально обвинив последний в провоцировании жестоких погромов. Калигула выложил оторопелым сенаторам давно заготовленное заявление о том, что он берет всю полноту власти в свои руки. Наконец, еще через некоторое время произошел неожиданный разрыв с двумя другими сестрами, Агриппиной и Ливиллой, которые оказались замешанными в заговоре против родного брата-императора. Этот случай напомнил Калигуле, что когда дело касается власти, никому не стоит доверять и даже родные сестры могут стать опасными конкурентами. Он велел сослать сестер на Понтийские

острова. Эти события пробудили в Калигуле прежние ужасные инстинкты, а месяцы воздержания от низменных поступков не были компенсированы достижениями, за которые он мог бы получить признание сограждан и славу Августа. Призраки, терзавшие его душу, становились все сильнее.

Плоды безнаказанности

Примитивное мышление привело Калигулу к таким банальным шагам, как замена голов изваяний богов своей и создание собственного храма, в котором возвышалось его мраморное изваяние в настоящих одеждах. Чтобы произвести впечатление на окружающих, Калигула сообщал о своем личном общении с богами и даже заявил однажды, что бог пригласил его жить вместе с ним. Сенаторы, поначалу ухмылявшиеся в ответ на речи полусумасшедшего правителя, после начавшихся казней притихли и подумывали лишь о том, чтобы держаться подальше от этого близкого друга Танатоса, олицетворяющего в греческой мифологии смерть.

Если лучшие мужчины Рима считали столь важным демонстрировать физическое превосходство и атлетическое сложение, то Калигула не считал зазорным щеголять браслетами и другими ювелирными украшениями. Полководец-неудачник и никчемный государственный деятель, он мог лишь в качестве возницы носиться на колесницах и пытался компенсировать аморфность мозга шокирующими убийствами и диким разгулом. Правитель-комедиант, он разыгрывал игрушечные сражения, при виде которых старые солдаты, помнившие легендарного Германика, лишь качали головами. Калигула оказался решительно неспособным проявить себя как военачальник. Так, возомнив себя полубогом и без стеснения облачившись в панцирь Александра Великого, он ни с того ни с сего задумал наказать легионы отца, казнив каждого десятого легионера, но, увидев решимость в глазах безоружных воинов драться до последнего, в страхе бежал прямо с военной сходки. Как многие из тиранов, которые достигли своего положения не силою оружия, а благодаря стечению обстоятельств, Калигула был труслив и готов был тут же ретироваться при виде реальной опасности.

Первые преступления Калигула оправдывал необходимостью укрепить свою власть. Например, безобидного и тщедушного Гемелла, своего сонаследника, он убил просто потому, что кто-то мог бы использовать формальное право юноши получить власть. Своему тестю, единственному из сенаторов, в чьей порядочности

и честности не сомневался даже Тиберий, он послал записку с приказом умереть «к завтрашнему утру». Похоже, именно подлинные добродетели раздражали его больше всего. А иногда даже чья-то внешность становилась нестерпимым испытанием для его нездорового тщеславия и непомерной зависти: однажды он приказал убить знатного гостя только за появление в людном месте в пурпурных одеждах, что отодвинуло его, императора, на второй план. Прошло совсем немного времени, и подлый Калигула расправился с Макроном, который все время напоминал о себе и мешал бесчинствовать. Этого человека, помогшего ему прийти к власти, он уничтожил, потому что все еще до смерти его боялся. Чтобы отстранить главу преторианцев от командования гвардией, он назначил его наместником в самую богатую провинцию – Египет. Затем Макрона и его жену Эннию (ту самую, к которой сам Калигула некогда пылал безумной страстью) вынудили совершить самоубийства. Месть, смешанная с постоянным страхом падения, а также непреодолимая жажда заставить весь мир поклоняться стали движущими мотивами вкусившего власти Калигулы. Чем дальше он заходил, тем меньше стеснялся, даже если речь шла о жизни и смерти. И чем больше молчали сенаторы, тем более изощренными становились методы беспринципного властителя. Небывалая тяга к садизму теперь прорвалась наружу в полной мере, ибо Калигула был ослеплен властью. Ему больше никто не перечил, и, не имея никакой высокой идеи, не будучи способным выбрать для себя дело, достойное государственного деятеля, Калигула предался страшной игре в прятки с богами.

Светоний, описывая шокирующую свирепость этого разнузданного человека, указывал, что даже из смерти тот намеревался извлечь наслаждение. «Казнить человека всегда требовал мелкими частыми ударами, повторяя свой знаменитый приказ: «Бей, чтобы он чувствовал, что умирает!» Правда, некоторые исследователи Древнего Рима, как, например, Отто Кифер, настаивают на том, что жестокость и садизм вообще были присущи этой эпохе. Смерть сама по себе не являлась наказанием, и каждая казнь должна была усиливаться предшествующей поркой, указывает историк. Знаток нравов Древнего Рима делает вывод о том, что «среди склонного к садизму римского народа неизбежно бы появился человек, в личности которого этот тип вырождения наглел бы высшее воплощение». Несомненно, это очень ценное замечание. Что было первичным: сладостная развращенность правителей, а с ними и большей части жителей города, сделала всех нечувствительными к чужой боли и страданиям, или формула жизни априори предусматривала

угнетающую современный мир жестокость? И если все дело во временном отрезке истории, то почему в самом Риме находились такие люди, как Цицерон и Сенека, высказывавшие откровенное презрение к кровавым пыткам, нелепым истязаниям и решительно осуждавшие даже неоправданную жестокость на арене амфитеатра?

Нет сомнения, что проявления садизма, невероятной жестокости и склонности выйти за рамки сексуальных запретов в значительной степени являлись для Калигулы заменителями достижений на государственном поприще. Тут принцепс прежде всего жаждал продемонстрировать, что нет границ его власти. И в этом смысле секс и насилие часто выступали, как и у многих других деспотов, в качестве социальной функции. Устрашение и вызывающая демонстрация вседозволенности оказались результатом ограниченности мышления человека при наделении его безмерными полномочиями. Кажется, именно с этой целью Калигула состоял в кровосмесительной связи со своими сестрами, и только для этого, как указывает Светоний, он «не раз даже отдавал их на потеху своим любимчикам». Таким способом Калигула демонстрировал окружающим, что он один имеет право преступать табу, устанавливать нормы морали, диктуя свои законы всему обществу. Многие летописцы упоминают об эпизоде, когда император, приглашенный на свадьбу, во время пира вдруг запретил молодоженам целоваться, послав молодому мужу записку: «Не лезь к моей жене!». А затем увел невесту к себе, объявив на следующий день, что нашел себе жену по примеру Ромула и Августа.

Несколько строк стоит посвятить и психосексуальной основе деструктивных влечений Калигулы, развившейся на фоне отсутствия общей идеи и усиления раздражителей, того воздействия, которое было оказано на него в раннем детстве, юности и особенно в период приближения его к себе Тиберием. Подобно тому, как у несостоявшихся людей секс приобретает особое значение, нередко заполняя большую часть их устремлений, так и у Калигулы секс стал тем полем деятельности, на котором он утверждался и искал признания своего величия. Подобно мифическому Минотавру, начав с претензий ко всем привлекательным женщинам одновременно, император, пользуясь своей властью, вернулся к тому, во что его ненавязчиво вовлек старик Тиберий. С того времени, как Калигула уничтожил потенциальных претендентов на власть, его перестали удовлетворять ночные хождения с ордой бандитов по притонам Рима, ему грезились все новые и новые ощущения. Стараясь придать всему блеск театральной постановки, Калигула

сделал из интимного мира настоящий публичный театр. Он организовывал грандиозные оргии, в которые вовлекал множество людей, причем нередко участниками оказывались и мужья, и их жены. Так, например, происходило с его собственной сестрой Друзиллои, которую он выдал за Лепида, но с которой продолжал поддерживать интимную связь. Любопытно, что когда Друзилла умерла и весь Рим погрузился в траур, ходили настойчивые слухи, что Калигула собственноручно убил сестру в приступе ярости. Им можно легко поверить, если вспомнить переменчивость настроений императора, который с легким сердцем казнил своего любимца Лепида, а двух оставшихся в живых, совсем недавно обожаемых сестер без тени сожаления отправил в изгнание. Кстати, из эпицентра оргий Калигулы произошло явление миру Мессалины: развращенная в юном возрасте императором, она потом явилась примером того, куда может завести женская деструктивная сексуальность.

Когда оскудела казна, изощряясь в выдумках, Калигула приказал организовать дом терпимости прямо во дворце на Палатине: замужние и именитые дамы зарабатывали средства для мота, растаптывающего такие вечные ценности, как семья. В сексуальных увлечениях надменного властителя Рима, похоже, было место и гомосексуальным связям. Источники намекают на интимные отношения Калигулы с пантомимом Мнестером, мужем своей сестры Марком Лепидом и знатным патрицием Валерием Катуллом. Если вспомнить властолюбивую мать Калигулы с ее настойчивыми волевыми попытками вмешиваться в «мужские дела» императора Тиберия, склонность этого человека к бисексуальным контактам может быть вполне объяснима. И если Калигула может не рассматриваться как явный извращенец сквозь призму приемлемого в самом Древнем Риме, да и в терпимую эпоху начала XXI века, все же его половая разнузданность, крайняя степень похотливости и откровенное пренебрежение любовью и институтом брака вызывали неистребимое желание у мужчин Рима отплатить императору той же монетой. Кажется символическим тот факт, что во время убийства ненавистного императора некоторые заговорщики пронзили мечами его половые органы.

Как большинство моральных уродов, трусливых, сомневающихся в себе и осознающих свою никчемность, Калигула любил испытывать других на прочность. Его ущербная личность требовала подтверждения того, что и остальные являются такими же, что мир преступен до самого последнего человека и что животное начало в человеке руководит всеми остальными импульсами. Он, к примеру, на театральных представлениях

раздавал даровые пропуска раньше времени, чтобы воинственная чернь могла захватить всаднические места: императору было интересно и забавно посмотреть, как будут улаживать отношения разные сословия. Для этой же цели он отбирал жен у знатных римлян и рассказывал затем в подробностях, как он обладал ими. А иной раз после нескольких дней забав с чужой женой он приказывал ей развестись и вообще больше не иметь дела ни с одним мужчиной. Однажды на одном из многочисленных пиршеств непредсказуемый император вдруг громко расхохотался; когда же консулы осторожно поинтересовались причиной внезапного приступа веселья, Калигула ошарашил их ответом: он смеялся потому, «что стоить только кивнуть, как вам перережут глотки». Природа этих удручающих поступков не только в демонстрации неоспоримой власти даже над частной жизнью людей, которых он мог устрашить смертью и пытками, но и в желании поиграть со случайной жертвой, посмотреть, как тот или иной представитель рода человеческого будет действовать в условиях, когда его оскорбляют, унижают, травят, низводят до жалкого, вымаливающего жизнь существа. Он нередко заставлял отцов присутствовать при казнях сыновей, а потом, приглашая их на пиршества, с жадным любопытством вглядывался в глаза несчастных, пытаясь понять, насколько болезненно они переносят утрату. Ему нравилось выворачивать чужую душу наизнанку, от этого он получал неимоверное наслаждение. С таким трудом выживший сам, он желал провести как можно больше людей через коридор испепеляющих испытаний и насладиться теми мучениями и сомнениями, которые когда-то испытывал сам в роли жертвы Тиберия. Даже посылая на казнь осужденных, он всякий раз говорил, что «сводит свои счеты».

Разбуженные бесы тянут в пропасть

К глубинной основе мотивации Калигулы, по всей видимости, следует отнести стремление к власти как к обеспечению безопасности. Желание мстить за унижения детства и юности также присутствует в поступках деспотического императора, но оно не доминирует. Наиболее же весомым фактором, определявшим поведение этого человека, стала развращенность властью и абсолютная безнаказанность на фоне вопиющей инфантильности и недоразвитости личности. Никто особо не занимался им в детстве, надеясь на то, что мальчик будет воспитываться на примере своих действительно выдающихся родителей. Но при этом он видел и худшие проявления

человеческого, которые в итоге стали доминирующими во влиянии на формирующийся характер. Это произошло прежде всего потому, что система ценностей его родителей потерпела поражение, оказавшись погребенной под натиском варварства, цинизма и лжи. А сам Калигула выжил за счет проявленных качеств, которые осуждало и общество, и его отец с матерью. Конечно, были и другие причины. Например, отсутствие утонченности и манер выдает огромные пробелы в раннем образовании, восполнить которые в отрочестве стало немыслимо. Да и до этого ли было представителям императорского рода, борющегося за выживание… В итоге жизнь Калигулы стала демонстрацией практически полной деградации личности. Он был слишком невежествен и полностью лишен той самой важной части интеллекта, что позволяет оценить себя со стороны и осознать свою роль в жизни. Он не задумывался над своими действиями; его поступки были импульсивными, эмоциональными и направленными на бесцельное обладание всем сущим. Его неадекватно завышенные амбиции не были подтверждены ни единым положительным качеством личности, поэтому вызывали в обществе единодушное раздражение и осуждение.

Калигула бесновался, но его слабое духовное начало, как тело рахита, не могло породить ничего достойного. Например, он искренне желал какого-нибудь всенародного бедствия, чтобы хотя бы таким способом его правление запомнилось людям. Но, пожалуй, лучше всего внутреннюю дисгармонию Калигулы иллюстрирует эпизод со статуей Юпитера. Однажды до безумия самолюбивый император встал возле статуи верховного бога и лукаво спросил актера, в ком больше величия. Когда же тот промедлил с ответом, разъяренный Калигула приказал жестоко отхлестать его бичом. Кажется, он готов был разорвать на части или сжечь весь мир, если бы только мог таким способом выбить из него признание своего величия. Ведь не случайно он, томимый все тем же желанием признания, с неутоленной горечью безнадежного садиста сожалел, что у Рима не одна шея…

Обретя власть, Калигула с космической скоростью двинулся навстречу смерти. При этом он губил и обрекал на смерть все, к чему прикасался: именно он стал причиной гибели собственной жены и маленькой дочери, ибо своим отношением довел людей до озверения, до ответной инерции разрушения всего, что так или иначе напоминало его имя. Хотя вряд ли этот человек, не умевший любить, так как осваивал вместо законов любви законы выживания в море всеобщей ненависти, муж, не испытывавший к своим многочисленным женам никаких иных чувств, кроме

сексуального влечения, и наконец, отец, признавший лучшими качествами своей дочери «лютый нрав», был бы по-настоящему несчастен, узнай он о судьбе самых близких людей.

Несмотря на то что сам Калигула считал себя отмеченным богами гением, современники презирали его, страшась и ненавидя одновременно. Император, уверенный в том, что ему удалось выжить в дикой мясорубке Тиберия лишь благодаря уверенности, что на его челе оставили свою метку бессмертные боги, почувствовал неприязнь всех сословий после своей странной болезни в конце первого года правления. В то время, когда его жизнь висела на волоске, толпы преданного памяти Германика простого люда стояли у дворца, тихо перешептываясь о состоянии императора. Но тогда в восприятии города он все еще был сыном победоносного и благородного воителя, а после болезни Калигула беззастенчиво открыл всем свое истинное лицо – и наступил перелом в отношении к нему народа. Его детская недоразвитость уже никого не забавляла, а игры с народом, порой совершенно искренние, начали раздражать всех без исключения.

Так кем же он был в действительности – изощренным убийцей или душевнобольным? Возможно, что и тем, и другим, причем сначала первым. Причем его болезнь была из серии тех недугов, что рождаются в людях при «недействующем», больном обществе, при попустительстве окружающих, в условиях, когда маленького ребенка, а затем подростка по каким-либо причинам не одергивают, когда он совершает поступки, в которых только подслеповатые глаза безразличного не усмотрят прообраза будущих великих преступлений. Кажется, что на свете не было такого порока, которого бы этот завистник и убийца не имел сам.

Некоторые современные исследователи, например Э. Берн, В. Грин, И. Лесны, в основе поведенческих реакций Калигулы видят прежде всего психические или даже физические недуги. И. Лесны делает вывод, что жестокие бессмысленные убийства и истязания невинных людей явились результатом тяжелой, возможно, вирусной инфекции, проявившейся в виде воспаления мозга. В. Грин более осторожен в выводах, однако его гипотеза состоит в том, что помешательство Калигулы (в этом исследователь не сомневается) стало следствием органической болезни. Эрик Берн полагает, что император был шизофреником. Такие авторитетные представители современной психиатрии, как Мюллер и фон Делиус, поставили римскому императору диагноз «юношеское слабоумие» (dementia praecox). И все же, очевидно, не стоит все содеянное Калигулой объяснять только психическими расстройствами. С оценками и диагнозами можно было бы согласиться, если бы перед глазами наблюдателя не

разворачивалась удивительно последовательная картина падения Калигулы.

Его поступки отражают неустанное стремление воспользоваться случаем и совершить нечто недозволенное и даже шокирующее. Но иногда Калигула проявлял удивительную рассудительность, порой даже уникальное, абсолютно не вяжущееся со слабостью ума, благоразумие.

Если и имела место болезнь императора, о которой твердят столько ученых, то вовсе не она оказалась причиной всех его ужасных преступлений, болезнь лишь усилила невообразимые пороки, порожденные дисгармоничным развитием и слишком большим разрывом между желанием утвердиться в величии и возможностями совершать великие дела.

Нерон (Луций Домиций Агенобарб) (15 декабря 37 года – 7 июня 68 года)

Римский император (54–68 гг.), символ власти произвола и деструктивной системы ценностей

Будем действовать так, чтобы ни у кого ничего не осталось.
Пока я живу, пускай земля огнем горит!

Нерон

Кажется, в истории человечества нет ни одного образа, который бы в восприятии любого человека оказался более черным и более гнетущим, чем римский император Нерон. Словно выходец из мрака, явился он на землю, став олицетворением Смерти, посланником самого Дьявола в качестве неоспоримого доказательства человеческой порочности. Римское общество сначала вскормило грудью людоеда, а затем выпустило его из клетки, разрешив действовать по собственному усмотрению.

Скорее всего тем, что он выжил, как, впрочем, и диким нравом, он обязан матери, сумевшей привести в действие тщательно разработанные механизмы захвата власти. Мальчиком и юношей наблюдая за интригами знаменитой правнучки Октавиана Августа, Нерон не мог не испытывать смутного страха и щемящей тревоги, связанных со своим двусмысленным положением. Эти обстоятельства рано сделали Нерона неравнодушным к власти, а испытанные им в детстве страхи, когда он часто находился под прямой угрозой истребления, стимулировали в нем развитие деструктивных мотиваций. К тому оке эти импульсы старательно возбуждались его матерью, а затем противоречие углубилось решительным нежеланием взрослеющего сына находиться под чрезмерной опекой Агриппины и одновременно осознанием неспособности совершить нечто неординарное в качестве государственного деятеля.

Под знаком предначертанности

Когда в семье Гнея Домиция Агенобарба и Агриппины Младшей родился сын, его имя начали сразу же окружать легендами. Мать, всецело ориентированная на власть в империи, постаралась, чтобы после его рождения по Риму и окрестностям поползли слухи о знамениях, говоривших о рождении будущего царя. Еще не минуло и года со дня восшествия на престол молодого императора Калигулы, ее брата, который, казалось, очень любил Агриппину Младшую, значит, их отношения вполне позволяли распространять подобные слухи. Подтверждение правильности своего шага она получила через пятнадцать дней, когда во время торжественной ритуальной клятвы консулы наряду с именем Калигулы произнесли и имена его трех сестер. Политическая обстановка благоприятствовала тому, чтобы заявить о появлении своего чада как о приходе нового мессии. Мать Нерона с первых дней его жизни стала выстраивать героический сценарий его жизни, при этом в значительной степени рассматривая сына в качестве механизма своего собственного восхождения к власти, что конечно же отрицательно сказалось на его восприятии жизни ребенком. Она создавала в душе мальчика факел, который обязательно предстояло зажечь; в этом она была уверена, и эта неуклонная уверенность постепенно заполнила и рожденное ею юное создание.

С матерью Нерону повезло: она всегда ходила по краю бездны, вложив в него готовность действовать всеми дозволенными и недозволенными способами. Она заразила его собственным пренебрежением к людской жизни и страстью властвовать. Пока Агриппина строила планы своего восхождения к вершинам власти, отец мальчика, Рыжебородый (так переводится имя Агенобарб), бесцеремонно заявил, что «от него и Агриппины ничего не может родиться, кроме ужаса и горя для человечества». Но скорее всего, Светоний намеренно приписал эти слова Агенобарбу, он этим хотел подчеркнуть не столько предопределенность порочности Нерона, сколько гнусные качества его отца. Действительно, Агенобарб, будучи внуком Марка Антония и сестры Августа Октавии, не унаследовал ничего достойного от своих именитых предков. Разврат, инцест и убийства были характерны для этого пресыщенного и на редкость циничного человека. И, безусловно, маленький Нерон, подрастая, ощущал удушливое и разрушающее его личность действие недоброй славы как отца, так и матери. Как и Агриппину, Агенобарба обвиняли в кровосмесительной связи со своей сестрой, и так же, как у дочери почитаемого Германика, у него напрочь отсутствовали моральные принципы и даже малая толика желания прислушиваться к общественному мнению. Он

умер, когда сыну было три месяца, поэтому в наследство Нерону достались лишь нелестные слухи о его беспутном родителе.

Женская идентификация Нерона очевидна, и во время взросления мать не столько перестаралась с внушениями, сколько со способом их подачи. Хотя в первые годы жизни он видел лишь женщин любящих и заботливых, ободряющих и предсказывающих его будущее царствование, мать всегда навязчиво доминировала над всеми. Сначала она, а затем, когда Агриппина вместе с младшей сестрой Ливиллой была сослана Калигулой на Понтийские острова за участие в заговоре против него, его тетка Лепида занимались воспитанием будущего принцепса.

Каждый день мальчику настойчиво нашептывали, что он родился великим и что сами бессмертные боги благословили его. Первые годы жизни вместо того, чтобы равняться на отца, он отождествлял себя с матерью, которая по стремлению к лидерству и желанию навязать свою волю заметно превосходила всех окружающих. Агриппина являла собой тип волевой, неуступчивой и безжалостной женщины, более склонной к мужским поступкам. Она слишком часто и, кажется, без меры подавляла сына. Наверное, если бы не годы ее ссылки, способность Нерона к исполнению мужской социальной роли вообще стала бы сомнительной. Позднее это нашло отражение в странном и неоднозначном поведении Нерона, который, властвуя и повелевая, тем не менее испытывал постоянное искушение играть женскую роль. Именно отсюда проистекает и его бисексуальность, сменяющиеся желания ощутить себя и могущественным мужчиной, и пассивной женщиной, а также его слезливое стремление достичь совершенства в игре на сцене и добиться славы в стихосложении. У принцепса можно было отыскать множество женских черт, начиная с мягких контуров его фигуры и кончая нерешительностью и слабостью натуры. Он всегда относился к себе с удивительной сентиментальностью и необычайной жалостью. Высокий уровень эмоциональности, склонность к слезам и экзальтированным выходкам странным образом уживались в нем с поразительной жестокостью и жаждой смерти соперников. Мазохистские порывы в сочетании с садистскими устремлениями стали прототипом, кривым отображением материнской природы, и своим внутренним миром он очень походил на Агриппину.

Никто так не повлиял на мотивацию его поведения, как родная мать. Но, вбивая ему в голову идею власти, она лишала сына возможности принимать решения самостоятельно, и в результате он рос зависимым от мнений окружающих: матери, учителей, советников, близких женщин. Именно это будет

впоследствии иметь решающее значение в изменении его мотивации – от государственной и военной деятельности к театральному, поэтическому и музыкальному самовыражению, не свойственному в его времена людям с высоким статусом и тем более олицетворяющим верховную власть. Стремясь позже к кифаре и поэзии, Нерон как бы компенсировал эрозию воли и отсутствие склонности как к государственному управлению, так и к проявлению таланта полководца. Он не мог превзойти даже свою мать, не говоря уже о таких выдающихся личностях, какими были, например, Александр и Юлий Цезарь. Зато Нерон будет стремиться затмить Августа, поддерживая поэтов и философов, фактически заняв во времена своего правления место августовского Мецената. И еще, кажется, как раз из этой подавленной возможности управлять государством проистекает и тайная злость на мать, которая всегда отбирала у него возможность принимать решения самостоятельно, навязывая свои собственные. В силу развития реакции на материнскую власть он, достигнув признания его власти как императора, постарался во что бы то ни стало избавиться от комплекса зависимости от матери. Убивая потом собственную мать, он одновременно уничтожал следы своей неспособности как властителя и пресекал действие старых комплексов, не дающих покоя и давящих на самолюбие мужчины.

Кажется, исследователи феномена Нерона придают слишком мало значения периоду после возвращения Агриппины из ссылки и до ее замужества с императором Клавдием, когда будущий цезарь был предоставлен сам себе и его характер формировался под влиянием множества обстоятельств и факторов. И хотя о них часто упоминают лишь вскользь, эти годы имели ключевое влияние на становление Нерона. Когда начался период властвования Клавдия, Нерону пошел лишь четвертый год, но он вступил в период чуткого наблюдения за взрослой жизнью и начала смутной самоидентификации.

Его воспитатели, Анникет и Берилл (танцовщик и цирюльник), были простодушными людьми, далекими от понимания того, что надо было лепить из этого податливого человеческого материала. Подобное окружение никак не способствовало закреплению у ребенка мужских качеств, желания завоевать военную славу силой оружия, возвеличив империю и свое имя, как это сделали его дед и прадед. Зато они стали незаменимыми посредниками в общении с плебейской частью Рима. По всей видимости, из этих источников взрослеющий Нерон получал оценки деятельности и обезглавленного заговорщиками Калигулы, и нынешней августы Валерии

Мессалины, утопающей в роскоши и нескончаемых пиршествах. С какого-то времени его начинает мучить желание произвести впечатление на народ Рима, который славился своей язвительной откровенностью и способностью запечатлеть и точно воспроизвести в коллективном сознании тот или иной образ. Блистая перед народом, он мог бы прославиться навсегда и заслужить большее признание, чем в глазах скупых на похвалы патрициев. И наверняка от него не ускользнули гибкие, плавные и осторожные, но все же решительные шаги его собственной матери в сторону императорского дворца, ее постоянные встречи с влиятельными императорскими вольноотпущенниками, реально управлявшими империей от имени податливого и аморфного Клавдия.

Наблюдая за изворотливостью матери и ее уникальным даром приспосабливаться к меняющимся обстоятельствам, он невольно всегда старался подражать этому чисто женскому умению притворяться и менять образы. И вскоре Нерон открыл в себе неординарные актерские способности, навыки истинного игрока, управляющего эмоциями, оттенками голоса, мимикой и полутонами. Возможно, он не придал бы этому такого ключевого значения, если бы не одно обстоятельство. Еще не достигнув десятилетнего возраста, он принял участие в секулярных играх столетия, великолепно исполнив свою роль в конном представлении и завоевав гораздо больше симпатий, чем сын императора Британик. История хранит молчание о роли Агриппины в этом событии, хотя на редкость коварная женщина наверняка приложила руку к тому, чтобы ее сыну публично воздали должное. Но этот случай потряс самого Нерона, ибо дал ему основания полагать, что всякая слава имеет одну и ту же природу. Так зачем препятствовать своим склонностям в достижении величия, если признание актерского таланта может дать не меньше душевной радости, чем победа на поле брани или введение замечательного закона.

Дорогой матери – к кровавому пути сына

Очутившись в императорском дворце на Палатине, с поразительной быстротой взрослеющий Нерон усвоил: для него нет ничего недозволенного. Теперь его взрослением руководила мать. И он не сопротивлялся этому, а лишь следовал могучему течению, как маленький игрушечный кораблик. Течение вскоре оказалось стремительным потоком, каким была неистовая душа Агриппины, а сами вехи взросления доставляли Нерону

неимоверное удовольствие, ибо были направлены на возвеличивание его имени, превращение в глазах римского общества мягкотелого и слабохарактерного мальчика в волевого мужчину и будущего владыку.

Не стоит винить в том, каким в конечном счете оказался характер Нерона, и оперативно вызванного из ссылки прославленного философа Сенеку, назначенного учителем юного Нерона. Будущему принцепсу шел уже двенадцатый год, когда мудрый и явно уставший от вынужденного затворничества ученый приступил к лепке героического образа. По всей видимости, он с прискорбием обнаружил, что основы характера уже давно заложены, а искоренить доставшиеся от Агриппины и разлагающегося общества пороки невозможно. Задачей философа, четко поставленной Агриппиной, стала непосредственная подготовка Нерона к власти, а вовсе не исправление пробелов его воспитания. Но в самой задаче была заложена бомба замедленного действия, так как сделать из неуверенного мальчика самодостаточного мужчину можно было, только вступив в противоречие с самой воспитательной тактикой Агриппины. Сенеке предстояло выбрать: насытить самовлюбленного подростка неким набором знаний и оставить его подвластным матери либо действительно сформировать самостоятельного и вполне уверенного в себе молодого человека, что неминуемо привело бы его к противостоянию с матерью. Легко разгадав Агриппину, мыслитель сделал ставку на юного наследника. Во-первых, он рассчитывал, что его влияние на юношу может многое изменить. Во-вторых, с еще не сформированным окончательно представителем мужского рода было легче договориться, чем с переменчивой и способной на все женщиной. А в-третьих, именно Нерон мог претендовать на реальную легитимную власть, тогда как Агриппине при любых обстоятельствах предстояло находиться в тени.

С появлением Агриппины в римском обществе в качестве августы началась тайная схватка за будущую верховную власть в государстве. Для начала она заставила наивного старика Клавдия усыновить Нерона, что открыло ее сыну формальную возможность наследовать престол. Затем последовала серия хитроумных трюков, которые преследовали единственную цель: продемонстрировать народу Рима и императорскому окружению, что именно Нерон является будущим правителем, и приучить всех к этой мысли. Например, Нерон, даже не достигший четырнадцати лет, был неожиданно объявлен совершеннолетним и сменил невзрачное одеяние подростка на горделивую мужскую тогу. Агриппина создала резкий контраст между своим сыном и

официальным наследником Британиком. Самому же Нерону нравилось блистать и принимать знаки внимания окружающих. Так мать невольно приучила его, что можно блистать, не совершая ничего значимого, путем ловко продуманных мероприятий, направленных на манипулирование сознанием окружающих. Он учился общаться с миром знаками и языком кощунственной символики, а его тщеславие уже во весь голос заявило о себе и требовало признания и поклонения. После инсценировки совершеннолетия истинный наследник Британик оказался еще дальше оттесненным от власти, когда Нерон однажды по велению матери появился в неподражаемом одеянии триумфатора. Это было настоящим фурором, а заодно – святотатством и попиранием норм приличия, но кто мог посметь возразить августе и ее всесильным советникам, которые умели создавать все новые поводы для возвеличивания еще ничем не отличившегося Нерона. А он, наученный Сенекой, уже с трибуны обещал подарки преторианцам, а народу – раздачу хлеба и денег. Но проблема самого Нерона заключалась в создании искаженного представления о самом себе: не делая ровным счетом ничего, балуя свое тело нескончаемыми гуляниями и пирами, он с подачи влиятельного окружения начал думать о себе как о великом, отмеченном богами, человеке. Причем разрыв между реальностью и представлением рос с каждым годом, с каждым днем…

Наконец, прошло еще немного времени, и Агриппина добилась от дряхлого Клавдия бракосочетания шестнадцатилетнего Нерона с дочерью принцепса Октавией. Незамужняя девушка казалась опасной идущему к власти тандему матери и сына. Кроме того, очень скоро Агриппине пришлось снова спешить: старик Клавдий чуть было не остановил их триумфальное шествие к власти.

Сгорая от желания приблизиться к власти, Агриппина стала слишком пренебрегать осторожностью. Кажется, яркий свет могущества стал ослеплять и обжигать ее, как факел чересчур близко подлетевшего мотылька. А ведь у нее, как прежде у Мессалины, было очень много врагов, желающих возвыситься, спровоцировав падение первой женщины государства. Потому-то после робких нашептываний со всех сторон Клавдий вдруг изменил свое отношение к Нерону и даже намекнул на расправу с зарвавшейся супругой. Ответные действия последовали незамедлительно: отравление грибами, блокирование дворца после смерти принцепса и многочасовое манипулирование информацией о его состоянии – до того момента, пока в сопровождении преданного начальника гвардии и его беспощадных преторианцев миру не явился новый хозяин

Палатина – цезарь Нерон. Многие растерялись от напора Агриппины, а возмущенным не дали опомниться – настолько скоро совершились все события и настолько продуман был «мирный переворот».

У врат ада

Боязливый шестнадцатилетний юноша, посаженный на трон матерью, учителем-философом и начальником городских когорт, он с опаской оглядывался на окружающий мир, не позволяя своим истинным ощущениям завладеть душой.

Император, несмотря на юные годы, был давно сформировавшейся личностью, готовой в полной мере раскрыть свои темные стороны. И может быть, веди Агриппина, Сенека и Афраний Бурр единую и согласованную игру, они бы очень долго манипулировали слабовольным и легко поддающимся внушениям Нероном. Первые годы правления были как заученная речь, умело написанная рукой Сенеки. И хотя Дион Кассий настаивает, что в этот период Нерон больше подчинялся матери, логичнее будет предположить, что влияние на принцепса было умеренным. Так или иначе, он демонстрировал показную щедрость и немыслимую для властителя покладистость, а запомнившейся фразой этого периода стал ответ Нерона на благодарность сената: «Я еще должен ее заслужить».

От имени Нерона был проведен ряд законов и решений, поднявших авторитет сената, судов да и самого принцепса как взвешенного и вменяемого правителя. Но когда наступление началось на саму власть, Нерон, уже вкусивший ее прелести, продемонстрировал свое истинное лицо. Это было лицо слабого человека, волею случая оказавшегося на вершине человеческого могущества, непризнанного, но жаждущего признания, боязливого, но желающего казаться сильным, неспособного, но стремящегося к похвалам и аплодисментам любой ценой. К своей истинной природе он подступался осторожно, шаг за шагом, страшась, главным образом, низвержения и предательства. Он уже был хорошо ознакомлен с пороками и сознательно желал их испытать.

Как и Калигула, познание своих темных сторон он начал с бесшабашных и относительно безобидных ночных похождений по Риму с драками, насилием и демонстрацией силы. Это было испытание власти на прочность: он еще не знал, куда ее можно применить, и потому пробовал, как ростовщик золотую монету, на зуб. Хотя ночные стычки порой оказывались кровавыми, они не

затрагивали интересы правящего класса и потому рассматривались как нелепые забавы принцепса, которые со временем пройдут. Но эти отдающие гнилью развлечения со временем не прошли, и то, что общество легко их приняло, способствовало дальнейшему освобождению Нерона от оков морали. Цезаря начала поглощать пучина истощающих сознание оргий, а он все проверял пределы возможного, разрешенного, не осуждаемого. Первым же действительно вопиющим поступком Нерона стало убийство сводного брата Британика, которого он легко и бестрепетно отравил, обставив сцену не без налета театральности. Вседозволенность настолько захлестнула Нерона, что он удивил даже свою беспринципную мать. Что же касается учителей-советников, то они впервые осознали: монстр вырос и грядут раскаты смертоносного грома.

И что же произошло?! Ровным счетом ничего, ибо пугливые отцы отечества уже просчитали, что лучше не противоречить решениям главы государства. Многие из них еще помнили погромы Калигулы, и образ возмужавшего Нерона не сулил им ничего хорошего. Объясняя причины молчания влиятельных людей Рима после откровенного отравления Нероном сводного брата и кровного родственника, один из исследователей предлагает обратиться к римской мифологии и истории. Уничтожение родни, и в том числе ближайшей, оправдывалось интересами государства. Брат Ромул убил своего брата Рема и стал «божественным основателем Города» – так начинается римская история, в которой этот эпизод лишь первый в нескончаемом списке убийств. Потому в этой цепи исторических событий и интерпретаций сентенция: «Нерон убил своего брата Британика и тем самым спас государство от кровавой гражданской войны» – выглядит вполне убедительно. По меньшей мере, в глазах тех, кто оправдывал действия молодого цезаря. А ведь он совершил это ненужное убийство (Британик был безобидным тщедушным юношей, напоминавшим Нерону своим существованием лишь о том периоде, когда при жизни императора Клавдия у них случались перебранки) еще в первый год своего правления… Может быть, злопамятный Нерон просто решил отомстить за прежние обиды и детские оскорбления? А заодно и испытать, насколько далеко можно зайти в своем желании уничтожать.

Нерону вовсе необязательно было лично рубить головы, пачкая свою изысканную одежду брызгами крови, вида которой он боялся и тщательно избегал. Главной в садизме принцепса была возможность преступить моральные и юридические законы, единолично верша судьбы, отправляя на казнь и «повелевая

умереть». Он упивался своей властью, ибо она подчеркивала его лидирующее положение в среде, в которой его реальные силы не позволяли претендовать на доминирование. Неограниченная власть открывала возможность преодолеть угнетающую недостаточность и духовную ущербность в сравнении с матерью, образами героических предков, окружением.

Поэтому после безнаказанного убийства Британика Нерон перешел в яростное наступление на современников. В развитом окружением параноидальном ужасе перед заговорами он начал уничтожать всех, кто имел хоть какое-то отношение к роду Юлиев – Клавдиев и являлся потенциальным претендентом на власть. Принимая во внимание внедренную Августом традицию браков между дальними родственниками и вообще именитыми родами, черный список получился более чем внушительным. Известных в империи людей по приказу обезумевшего человека объявляли врагами государства и методично уничтожали. Раболепие, лесть и низкопоклонство высшего сословия убедили Нерона в возможности безнаказанно творить все, что ему вздумается. Он становился все более слепым в своей беспричинной агрессии, и чем больше ему потакали, тем более могущественным он ощущал себя, теряя чувство реальности.

Нерон дошел до того, что стал разрушителем всех преград, уничтожал все, что мешало ему жить в соответствии со своими искаженными представлениями о себе. Он все более озлоблялся против матери, которая намеревалась корректировать поступки и решения принцепса. Когда в и без того сложное противостояние сына и матери последовательно вклинились другие женщины, пытавшиеся манипулировать цезарем, положение стало просто угрожающим. Летописцы подтверждают отсутствие сыновних чувств к матери, прямо указывая, что лишь страх перед последствиями удерживал Нерона какое-то время от убийства матери. Но раздражитель в виде беспокойной и традиционно деятельной Агриппины не исчезал, а осознавший прелесть единоличной власти Нерон отнюдь не собирался отправиться в добровольное изгнание по примеру Тиберия. Человек, чьи убийства, блуд и беспутный образ жизни поощрялись до сего времени, легко решился на собственноручное уничтожение родной матери, давшей ему не только жизнь, но и саму власть. Кажется, он боялся матери больше всех из своего окружения, ибо знал, что Агриппина способна на все. Для нее не существовало пределов, и, возможно, поэтому из страха Нерон решился на яростную атаку первым. Историки, соревнуясь в представлении подробностей, описывают зверское преступление императора. К слову, именно преданный простодушный дядька-воспитатель

Анникет, которого Нерон уже успел возвысить, назначив командующим флотом, и осуществил это убийство. Ключевым моментом в этом событии стало отрезвление Нерона, когда он осознал, что акт свершен, а он является убийцей матери. Опять, казалось бы, всемогущий император затрепетал от страха за будущее: а вдруг его осудят?! Но сенат стерпел и это убийство, словно не понимая, что дальше последует цепная реакция и умирать они будут один за другим. Позволяя Нерону заглушить внутренние сомнения, окружающие его люди тем самым подталкивали его к еще большим преступлениям, подписывали среди прочего и смертный приговор самим себе. Это событие произвело удручающее впечатление на самого Нерона: пожалуй, никто не был так поражен реакцией Рима на убийство августы, как сам убийца. И недальновидные запуганные люди сами открыли врата в ад, ибо отныне обезумевший от власти владыка считал себя вольным распоряжаться судьбами всех своих врагов и друзей, всего Рима, всей великой империи. Приговоры теперь выдавались пачками, люди шли на смерть десятками, спеша и толпясь у входа в преисподнюю, словно падший ангел огненным перстом указывал им дорогу туда. Сполна досталось и ближайшему окружению. Нерон оказался обыкновенным завистником, не прощающим даже мелких обид или конкуренции. Пытаясь стать поэтом, он, после того как признал превосходство поэтического таланта Лукана, задумал извести его. Когда же расправлялся с группой мнимых или реальных заговорщиков, беззастенчиво приказал принять смерть и тому, кого однажды признал лучшим поэтом. Кажется, зависть сыграла не последнюю роль и в смерти Петрония, одного из лучших поэтов того времени и личных друзей Нерона. Признавая дар и выдающиеся способности Петрония, Нерон поспешил уничтожить и его. Ему казалось, что, оставив в живых из всего императорского рода одного себя, он обезопасит себя от агрессии, а уничтожив творческую элиту, он один будет блистать во всей империи. Наконец расправился неблагодарный ученик и со своим учителем: как и других выдающихся современников, он отправил на тот свет Сенеку – приказал умереть добровольно. Престарелый философ, который задолго до того сознательно отошел от дел, кажется, даже не удивился: он лучше других знал злобную натуру своего воспитанника. Сенека, Тразея Пет, Петроний и Лукан без показных терзаний и с поразительным спокойствием гордо покинули этот мир. Одним из худших поступков Нерона признают его расправу над своей ни в чем не повинной женой Октавией, которую Клавдий и Агриппина когда-то насильно выдали замуж за упиравшегося Нерона. Тут, кажется, также не

последнюю роль сыграло единодушное признание современников, что Октавия, будучи противоположностью своей матери Мессалины, оказалась кристально чистым созданием. Ей были чужды людские пороки, ибо девушка поклялась не быть похожей на ославленную за разврат мать, и это не на шутку бесило Нерона, уверенного в порочности самой человеческой натуры. Ее просто ненавидела Поппея Сабина, избранница императора, весьма похожая на Агриппину (как это часто бывает, подсознательно он выбирал себе спутницу, похожую на мать). Она же и вынудила Нерона сначала отправить Октавию в изгнание, а затем убить несчастную девушку и доставить в Рим ее отсеченную голову, дабы убедиться, что ее целомудренной и стойкой соперницы уже нет в живых. Но многие современники были уверены: молодую женщину убили еще и потому, что императорской чете не давала покоя мысль о возможном противопоставлении ее непорочной и порядочной души их грязным и мерзким душонкам.

Нерон имел явно противоречивые представления о себе: с одной стороны, он считал себя гениальным кифаредом, безупречным актером и величественным властителем, с другой – он знал, что является всего лишь скверной язвой на теле одурманенной империи. Чего стоит только его знаменитая фраза «Прокормимся ремеслишком» в ответ на пророчества о своем низвержении. Он отчетливо понимал, что является раздражителем для общества, но не мог совладать со своими деструктивными порывами и неуклонно шел навстречу собственной гибели.

Действительно, каждое новое убийство оказывалось для самого убийцы тестом и откровением, словно он продолжал свой пожизненный эксперимент относительно того, как долго люди могут выдержать истязания, лишение свободы и безнаказанные убийства. Ведь не зря же он воскликнул однажды: «Еще ни один принцепс не знал, как далеко он может зайти!» Как у многих тиранов, у Нерона должен был появиться резвый исполнитель его желаний с еще худшим набором качеств. Эти спутники диктаторов и царей-мучителей являются их проекцией, дланью, с помощью которой они, как будто перекладывая ответственность на чужие плечи, вершат недозволенное, шокирующее или слишком грязное, чтобы браться за это самому. Таким поводырем Нерона по черным лабиринтам смерти стал Тигеллин, новый префект претория, сменивший умершего от опухоли Афрания Бурра. Негодяй по натуре, он с радостью воспользовался позволением Нерона, чтобы стать палачом и убийцей. Когда головы посыпались с плеч десятками, Тигеллин проявил чудеса

фантазии в проведении пыток и изощренных убийств. Ему же приписывают и зверское распятие апостола Петра, а также решение обезглавить апостола Павла. Когда в Риме случился известный пожар, от которого выгорел почти весь город, Тигеллин коварно возложил вину за него на христиан. Последовали массовые убийства и травля людей: из живых людей делали осветительные факелы, их облачали в звериные шкуры, чтобы затем травить на арене амфитеатра, их развешивали на крестах и истязали даже без намека на разбирательства, а тем более суд.

Но как еще было проявить себя Нерону?! Он жаждал славы, но мог ли безвольный, женоподобный тип вести военную кампанию; он стремился к признанию во власти, но лишь жестокостью и свирепостью по отношению к людям мог прикрыть свою полную неспособность управлять государством, стремление вероломно завладеть чужим добром и небывалую расточительность. Зная, что является бездарным правителем и что слишком нелестными окажутся сравнения его времени со временем Августа или даже Тиберия, он решил затмить их величественностью и грандиозностью зрелищ, о которых даже подумать не приходило в голову его предшественникам. Со слонами и быками у него сражались четыреста тигров, а однажды он заставил гвардейцев вести бой с четырьмя сотнями кабанов и тремя сотнями львов. Этот сатир пытался поразить размахом пиршеств, переходящих в дикие необузданные оргии, от которых трещала по швам мораль и рассыпалась в прах многовековая система ценностей. Он перевернул в обществе все вверх дном, самовластно дозволив себе и разрешив многим другим выпустить наружу все низменное и звериное, что есть в человеке. Масштабы духовного потрясения общества были столь велики, что достойное презрения неожиданно возвысилось; предательство и подлость процветали повсеместно, отъявленные негодяи оказались в цене, а сам Рим стал эпицентром неудержимого разврата. Сенека успел оставить потомкам описания дыб и других орудий пыток, подземных тюрем и костров, которыми обкладывают посаженного в яму человека, крюков, которыми подтягивают тело кверху, а также неисчислимого множества наказаний. При Нероне простое убийство становилось скучным; люди упражнялись в нахождении самого изощренного способа истязания и умерщвления. Отто Кифер подчеркивает, что даже литературные произведения времен Нерона контрастируют со всем, написанным доселе, отражая чудовищную картину фундаментальных изменений духовного мира нероновского общества. И если «сочные рассказы Петрония» посвящаются

похотливым участникам оргий и ночным разгулам, то драмы Сенеки наполнены ужасающими сценами зверств, мести и убийств. Сам же Нерон, создатель этой невероятной выставки ужасов, часто представлявший себя богом Аполлоном, в действительности, как метко заметил Вил Дюрант, «в свои двадцать пять лет представлял собой дегенерата со вздувшимся брюхом, слабыми и вялыми членами, плоским лицом, прыщавой кожей, курчавыми желтыми волосами и тупыми серыми глазами».

Нерон придумывал оригинальные способы достижения славы и признания. Он замыслил представить себя миру в качестве актера, поэта, музыканта и возничего, даже пытался стать «великим художником». Короче говоря, лишенный талантов государственника, Нерон вознамерился прославиться любой ценой, избирая ориентирами сказочные прожекты. Еще в юношескую пору Сенека научил его сочинять изящные стихи, а другой воспитатель, философ-стоик Херемон, обучавший его греческому, привил любовь к традициям эллинов. Жажда находиться в центре внимания и необыкновенная сила тщеславия, часто заслонявшая действительность, побудили Нерона к необычным для императора действиям. Но Нерон-артист покорил потомков отнюдь не силой своей игры, но изобретением, полезным самовлюбленным натурам. Он нанял пять с лишним тысяч специально подготовленных людей, которые во время представлений императора профессионально аплодировали ему и приветствовали отработанными приемами, типа жужжания или произведения специфических, привлекающих внимание звуков. Нерон не поскупился: только их предводители получали по 400 тысяч сестерциев – больше, чем любой представитель городской магистратуры. Августейший хозяин сцены запрещал кому бы то ни было покидать театр, когда он исполнял номер. Любопытные данные по этому поводу сообщили Светоний и Тацит, отметив, что «некоторые женщины рожали в театре, а многие, не в силах более слушать его и хвалить, перебирались через стены, так как ворота были закрыты, или притворялись мертвыми, чтобы их выносили на носилках». Но и тут цезарь проявил себя болезненно неадекватным завистником: он приказал разрушить и поглумиться над статуями знаменитых певцов-кифаредов древности. Нерон утверждал, что не завидует военной славе Александра или Цезаря, хотя в действительности он просто не смел замахнуться на нее, боясь оказаться осмеянным. Но из страсти к признанию император пытался приблизиться к богам. Не раз он указывал, что Аполлон во всех храмах изображен с кифарой в руке, потому-то и он играет на этом музыкальном инструменте. А управление квадригой он избрал по той причине,

что это было занятием древних царей и полководцев. Удивительнее всего, что, когда предводитель восставших когорт Виндекс назвал его «дрянным кифаредом», Нерон пришел от этого в бешенство, не обратив внимания на сам факт вооруженного восстания против его императорской власти. Возможно, никчемный император искренне считал свои «таланты» единственной зацепкой для истории, где-то в глубине своей прогнившей души понимая, что должен быть проклят за все те злодеяния, которые принес людям.

Но апогеем «творчества» Нерона конечно же стала его «геростратова слава» поджигателя Рима. Неизвестно, действительно ли он отдал приказ поджечь столицу империи, но народная молва приписала этот сомнительный подвиг именно ему. Хотя Нерон, как и Калигула, сокрушался по поводу отсутствия великих войн и потрясений, которые должны прославить его имя, он вряд ли был способен отдать приказ о сожжении Рима. Славу же главного злодея своего времени наряду с убийством матери, уничтожением жены, брата и учителя ему принесло отношение к всеобщему людскому горю. «На этот пожар он смотрел с Меценатовой башни, наслаждаясь, по его словам, великолепным пламенем, и в театральном одеянии пел «Крушение Трои». Слава и самолюбование оказались для Нерона важнее тысяч жизней, важнее величия самого города, утопающего и умирающего в огне, он знал, что таким наверняка запомнится потомкам. Воистину, он был антихристом, пришедшим в мир.

Лишь изредка его охватывала жажда военной славы. Однажды Нерон даже набрал целый легион из молодых людей более 180 см ростом – для движения, подобно Александру, на Восток. Он даже назвал свое войско «Фалангой Александра Великого» и изображал из себя выдающегося македонского воителя. Но, кроме насмешек, не снискал ничего, вскоре забыв о планах похода.

Сексуальная сфера Нерона заслуживает особого внимания, поскольку напрямую тесно связана с общими проявлениями его натуры. Эротизм, так демонстративно выпячиваемый, и экстравагантная интимная жизнь, старательно вывернутая наизнанку (чтобы весь мир мог оценить ее), являются не чем иным, как тайным примитивным желанием запомниться миру. Нерон, будучи человеком далеко не глупым, не просчитался в одном: шокированное его сексуальными выходками общество надолго запомнило его имя. С того момента, когда молодой принцепс полностью осознал свою вседозволенность, он начал совершать поступки, уничтожавшие представления о морали вообще и о пределах дозволенного. Сексуальная развращенность

Нерона проявилась не в силу его склонности к тем или иным интимным усладам, а вследствие реализованного желания перевернуть систему ценностей, доказать, что он является учредителем норм и законодателем правил в обществе. Другими словами, в сексуальной плоскости он утверждался подобно тому, как делал это в своих поэтических исканиях, желании достичь признания блестящего возницы или уникального актера.

Многие биографы единодушно отметили исключительное отличие поражающих воображение актов Нерона от не менее порочных выходок Тиберия и Калигулы. Если предшественники предпочитали наслаждения использовать для насыщения своей разбуженной похоти, не выпуская демонов страсти за пределы императорских покоев, то Нерон удивил мир прежде всего настойчивым желанием продемонстрировать, что он может и имеет право открыто, едва ли не публично наслаждаться всеми сторонами жизни. И конечно же, как и у многих других отъявленных злодеев, влечение к эксгибиционизму последнего отпрыска династии Юлиев – Клавдиев имело в своей основе отсутствие достойной идеи самореализации. В сущности, он, как птица, ограниченная невидимой клеткой своих тривиальных представлений о мире, метался от секса к параноидальным поискам мнимых заговорщиков и от публичных представлений себя в различных ипостасях (поэта, возницы, актера) с оттенками творчества до мерзких убийств наиболее ярких личностей своей эпохи. И полагал, что если сумеет шокировать современников откровениями своего интимного мира, как и игрой на кифаре или актерским мастерством, то непременно запомнится и прославится, войдет в историю как император, выгодно отличающийся от многих других.

Женская акцентуация и наличие возле него в подростковом возрасте такой сильной и волевой матери, как Агриппина, с агрессивными мужскими чертами частично предопределили природную бисексуальность Нерона. Нравы же Вечного города с рассказами о Калигуле и Мессалине, да наверняка и о родителях, не отличавшихся целомудрием, не могли не повлиять на восприятие молодого человека. Инцест, кажется, серьезно волновал Нерона, хотя в кровосмесительную связь с родной матерью поверить достаточно сложно. И скорее не из-за неприемлемости таких отношений для Агриппины или самого Нерона, а потому, что в то время он слишком чутко прислушивался к советам Сенеки и Бурра, которые из опасения возвышения Агриппины не могли не навязать Нерону мысли о политической опасности для него такой связи с матерью. Ведь в представлении цезаря секс для окружающих его женщин был

просто механизмом влияния и откровенно использовался в целях возвышения, мужское же общество рассматривало интимный мир как подаренную олимпийскими богами забаву. В таких условиях неудивительно, что Нерон не научился любить и даже привязанностью к окружающим людям не был отягощен. Некоторые исследователи жизни этого чудовища полагают, что он действительно любил сначала вольноотпущенницу Акте, а затем Поппею Сабину. Это слишком наивное и поверхностное представление о внутреннем мире и самой природе Нерона. С юношеского возраста он находился в плену у своих пороков, и поощрения матери (направленные, правда, на сферу власти) напрямую касались интимных страстей, противопоставленных любви. Сенека, проживший жизнь с одной женщиной и, по всей видимости, искренне любивший ее, по приезде в Рим осознал, что бороться со сформированным у подростка отношением к любви бесполезно – слишком много он видел порочного. Любовь была вырвана из этого рода вместе с жизнями Германика и Агриппины Старшей, и уже лишенная этой способности мать Нерона направила свои устремления к власти, в противоположную от любви сторону. Нерон родился и вырос в пространстве нелюбви, а обстановка вседозволенности способствовала развитию пороков, но не великого чувства. Не было перед ним и отталкивающих примеров, стимулирующих изменение внутреннего мира, как, к примеру, произошло с его юной женой Октавией. И мог ли этот человек кого-нибудь любить, если он привязался к вольноотпущеннице Акте вследствие ее искусных способностей в организации чувственных игр, а женившись потом на Поппее, в пьяной ярости убил ее и их общего ребенка, которого она носила под сердцем, роковым ударом ноги в живот?

Историки единодушны в том, что Нерон слишком рано приобщился к веселью: гуляния и распутство шли у него рука об руку. Он полюбил ощущения насыщения и сладострастия для тела, поэтому «пиры он затягивал с полудня до полуночи», а беспорядочные связи с женщинами у него переплетались с гомосексуальными контактами, в которых он выступал то в активной, то в пассивной роли. Сначала его сумасбродство проявилось в том, что он сыграл свадьбу с мальчиком, а затем организовал свое «замужество». Его сознание будоражило все запрещенное, и он особенно любил ломать установленные нормы. Он, например, изнасиловал весталку (служительницам богини Весты вообще запрещалось иметь интимные отношения), а однажды, отправляясь в Грецию, он взял в свою свиту жену, кастрированного мальчика, с которым как-то обвенчался, и самую искусную в Риме устроительницу сексуальных оргий. Все это он

совершал с одной-единственной целью: продемонстрировать свою способность переступать любые грани, презрев все законы, глумиться над традициями.

Неудивительно, что Нерон шел к неизбежному концу. Поражает лишь факт, что шел он слишком долго. Очевидно, запуганные им терпеливые и скованные страхом люди никак не могли решиться покончить с разрастающимся, как эпидемия, злом. Но и в смерти цезарь сполна проявил себя, оказался и тут трусливым, малодушным и слабым. Он сдался задолго до того, как в Риме появились люди, вознамерившиеся прекратить мучения общества. За свою короткую, как вспышка, жизнь Нерон успел убедить и современников, и потомков, что зерна зла, посеянные в человеке и ничем не сдерживаемые, способны за считанные годы вырасти до размеров гигантской горной гряды. «Какой великий артист погибает!» – со слезливым пафосом воскликнул он незадолго до смерти. И он действительно был артистом, так как все совершал напоказ, словно мир являлся гигантской сценой, а люди – зрителями и манекенами, помогающими исполнять роль.

Чингисхан (Тэмуджин) (ок. 1155 – лето 1227)

Основатель Монгольской империи и символ деструктивной жестокости

И там, где ступала его [Чингисхана] нога, волки и вороны часто оставались единственными живыми существами в некогда цветущих странах.

Гарольд Лэм

Мы принесли пустоту в их грудь… Мы принесли пустоту в их постели… Мы положили конец мужам и их потомкам… Мы насиловали остальных…

Из обращения Чингисхана к воинам. «Сокровенное сказание»

Могущественный кочевник, непобедимый полководец и основатель Монгольской империи для одних и дикий убийца, демонстрировавший вопиющие формы жестокости и свирепости, для других, Чингисхан может объективно рассматриваться как феномен, существование которого на несколько столетий затормозило развитие цивилизации и даже саму эволюцию человека.

Есть еще один неоспоримый аспект, подогревающий наш интерес к личности властелина степи. Это его деятельность. Возможно, именно она как выражение самого первого человеческого побуждения – выжить, победить и покорить себе подобных – и приковывает внимание последующих поколений.

Детство властителя

Тэмуджин был первым ребенком Оэлун, девушки, захваченной в плен воином Есугэй-багатуром, предводителем небольшого отряда монголов и представителя далеко не самого влиятельного рода. Захват женщины являлся у степных кочевников почти обычным явлением, ведь не каждому хотелось работать на семью невесты в течение нескольких лет, чтобы наконец жениться. Древние источники указывают, что у Есугэй-багатура был лишь один конь, которого он мог бы преподнести в дар родителям потенциальной невесты, то есть он был довольно бедным, хоть и горделивым жителем степи. Тот факт, что Есугэй-багатур решился на пленение женщины, принадлежавшей к более могущественному и более многочисленному роду (племени), говорит о его склонности к риску и умению жить сегодняшним днем, подобно большинству кочевников.

За относительно короткую семейную жизнь Оэлун родила еще четверых детей, еще двоих общей семье подарила первая жена Есугэй-багатура. При этом Тэмуджин был немного младше первого сына Сочигел, женщины, вошедшей в жизнь Есугэй-багатура немного раньше его матери. Таким образом, в самом появлении на свет и становлении Тэмуджина уже было заложено противоречие и потенциальное соперничество за то, кто же станет правопреемником в роду. И это прекрасно понимал как сам Есугэй-багатур, так и обе его жены. Очень быстро это осознали и дети. Будь мальчики от одной матери, никто бы не противился праву старшего приказывать младшему, но беспокойный дух маленького Тэмуджина мятежно сопротивлялся желанию его сводного брата руководить им. Тем более что последний часто поступал не по справедливости, а желая унизить и подавить меньшего. С первых лет жизни, с момента своей самоидентификации Тэмуджин ощущал постоянное давление и необходимость ежечасно, ежеминутно сражаться за свои права с другим, которому судьба отводила роль вождя. Есть еще один крайне важный нюанс, связанный со вторичностью роли Тэмуджина в семейной иерархии: постоянно ущемляемый более сильным, но ободряемый и любимый матерью, он привык продолжать борьбу и после поражений, которые рассматривал как временные. Он научился оставаться непреклонным, демонстрируя связанную с этим нечувствительность к чужой боли. Не исключено, что поведение Тэмуджина во многом оказывалось проекцией чувств его матери, которая также ощущала себя второй женщиной в семье. Косвенно это подтверждает ее намерение произвести на свет как можно больше потомства, чтобы доказать свою большую значимость в роду. Но, будучи для мужа сексуально привлекательнее первой жены, она не могла занять

главное положение в роду в силу утвержденного вековыми традициями иерархического распределения ролей в патриархальном мире.

Отношения внутри семьи в значительной степени предопределили намерения отца семейства. Как полагает американский историк Джек Уэзерфорд, отец, словно предвидя борьбу двух первенцев от разных жен, не слишком ценил Тэмуджина. И возможно, неосознанно даже стремился избавиться от него. Однажды он забыл сына на месте старого лагеря, и Тэмуджина, случайно подобрав, некоторое время держали у себя представители другого рода. Затем он нашел для взрослеющего мальчика семью, на которую он должен был несколько лет работать, чтобы получить жену. Но, оставив сына в этой семье, Есугэй-багатур по пути домой снова продемонстрировал вопиющую для обитателя степи неосмотрительность. Как указывает «Сокровенное сказание», встретив по пути в лагерь затевающих пиршество татар, он присоединился к празднику вопреки здравому смыслу, ибо являлся их врагом и убийцей знатного воина из этого рода. В результате Есугэй-багатур был узнан и отравлен.

Смерть отца оказалась наиболее тяжелым переживанием детства Тэмуджина. Лишившись кормильца и защитника, семья вмиг оказалась на грани голодной смерти. Представители небогатого и маловлиятельного клана оставили в степи на верную смерть Оэлун с ее пятью детьми и Сочигел с ее двумя детьми, что соответствовало негласным законам степи, написанным кровавыми инстинктами выживания. При этом девятилетний мальчик увидел, как легко преодолевается грань между жизнью и смертью: согласно преданию, когда один из стариков клана попытался встать на защиту двух несчастных женщин, молодой воин бросил в него копье и оставил корчащегося в агонии защитника умирать на глазах оставленных женщин и детей. Тэмуджин убедился, что жизнь человеческая ничего не стоит, если ее нечем защитить, и это стало сильнейшим стрессом и самым глубоким отпечатком в его психике. Всю жизнь он будет стремиться создать железное кольцо защиты и приобрести влияние, что позволит не умереть презренной смертью беззащитного. Ради этого он будет убивать, постоянно уничтожать других, лишь бы только убедить всех в своей силе и неприкосновенности.

Смерть отца усилила акцентуацию Тэмуджина на матери, которая не только была непререкаемым авторитетом для детей, но фактически возглавила и воодушевила всех оставленных на произвол судьбы на борьбу за жизнь. Ее терпеливое мужество

также отпечаталось в душе будущего монгольского предводителя; в этот самый суровый период своей жизни он приобрел такие качества, как выносливость и умение выжидать. От матери ему передалась и неистовая жажда жизни, звериная изворотливость и необычайная приспособляемость к обстоятельствам. Материнская любовь и вера в первенца вселили в него неистощимую уверенность в своих силах. Кроме того, разделяя традицию степных кочевников в отношении многоженства как признака могущества и высокого благосостояния, он останется духовно верен одной, первой женщине, которую встретил еще в начале своего пути к власти.

Но мать дала ему и другой импульс – непримиримость, неумение делить власть. На поверку непримиримость и стремление к абсолютному лидерству у Тэмуджина оказались на редкость многослойными. Все началось с проявления Эдипова комплекса по отношению к сводному старшему брату, который в степной иерархии замещал отца и реально претендовал на его роль. Любя и уважая свою мать, Тэмуджин неожиданно столкнулся с традицией, которая могла помешать ему осуществить свои мечты. Речь идет о том, что довольно часто в древней воинственной степи с ее всегда высокой смертностью и высокой стоимостью женщины как товара место погибавшего мужчины занимал его сын от другого брака. Таким образом обеспечивалось продолжение рода, удовлетворение эротических влечений быстро подрастающих, но часто не способных выкупить себе жену юношей, и, что особенно важно, все члены семьи связывались узами кровного родства. Последнее формировало у них обостренное чувство военного союза в вечной борьбе за выживание в стычках с противоборствующими родами. Другими словами, мать Тэмуджина, еще довольно молодая женщина, должна была стать женой его сводного брата Бегтера, а сам Бегтер, соответственно, новым главой рода как старший по возрасту. Возможно, Тэмуджин покорился бы традициям, если бы суммарное количество раздражителей не переполнило чашу его терпения. Старший брат и без того постоянно донимал Тэмуджина, диктуя ему свою волю, пытаясь подавить психологически и нередко отбирая из-за этого скудную добычу. Хотя притеснения со стороны старшего брата кажутся многим биографам основой конфликта братьев, они являлись скорее следствием скрытого мужского противоборства и состязанием за любовь женщины. Инфантильный страх Тэмуджина потерять любимого человека вступал в столкновение со стремлением старшего по возрасту юноши закрепить свое лидерство, в том числе и посредством приобретения власти над женщиной,

матерью противника. Похоже, Тэмуджин рассматривал такое внедрение в свое пространство как открытый вызов, поскольку возвышение Бегтера с приобретением власти мужа над его матерью по законам степи означало и пожизненную власть над ним самим и его младшими братьями. Правда состоит в том, что, проиграй тринадцатилетний подросток, быстро превращавшейся в мужчину, этот поединок, он был бы как личность подавлен навсегда и никогда бы не стал Чингисханом. Развитие ситуации ускорила сама Оэлун, когда неожиданно потребовала от Тэмуджина и его младших братьев беспрекословного повиновения старшему в семье – Бегтеру. Она же недвусмысленно намекнула на то, что Бегтер вскоре займет место его отца. Находясь в состоянии длительного стресса в результате унижений со стороны старшего брата, постоянно голодный и, наконец, теряя, как ему казалось, материнскую любовь, Тэмуджин решился на крайний шаг – убийство брата. Это было двойное преступление, поскольку означало не только отступничество от вековой традиции, но и отвержение семьи и своего рода – самой главной и неприкосновенной ценности в степи. Юноша, уже чувствовавший себя мужчиной, как указывает «Сокровенное сказание», бесстрастно пустил смертоносную стрелу в спину ненавистного родственника, заставив своего младшего брата пустить такую же стрелу в грудь Бегтера. Человек убил человека, освободившись не только от психического давления, но и от неимоверной тяжести табу. Отныне жизнь другого человека для Тэмуджина перестала представлять ценность, как внушало некое подобие общества. Сначала он увидел своими глазами смерть и убедился, как тонка нить, связывающая живое существо с этим миром. А затем он сам породил смерть, укрепившись в мысли, что лишь наличие силы дает ему право лишать жизни другого. Он много вынес из своего поступка: деструктивные устремления стали укореняться в нем, приобретая черты единой стратегической линии поведения. Он совершил убийство ради самоутверждения и признания его власти маленьким мирком из нескольких человек. И добился своего, вызвав вместе с трепетным ужасом и уважение менее решительных обитателей микросоциума.

Конечно, юноша осознавал, что последствия будут ужасными, но именно тот факт, что ему удалось их пережить, сформировал у него стойкий иммунитет к ранее установленным традициям и законам. Отныне его стратегия строилась на ломке старых идей и безоговорочном внедрении своих, новых, законов для всех обитателей бескрайних просторов степи. Из этого отчаянного поступка Тэмуджин вынес еще один урок. И Бегтер перед

смертью, и родная мать твердили ему, что отныне он будет лишен союзников.

Поэтому юноша должен был привлечь на свою сторону всех тех, кто готов был вместе с ним нарушить традиции степного народа, изменить иерархию ценностей, а вместе с нею и систему приобретения и обладания властью. Этому он посвятит большую часть жизни, но впервые задуматься над этим заставило Тэмуджина жуткое преступление, которое он совершил безбоязненно.

Но не только это убийство оказалось ключевым моментом беспокойного детства Тэмуджина. Ему суждено было пройти и через тяжелые муки рабства. Историки указывают, что убийство перевело семью Оэлун из изгнанников в преступники, и прознавшие о преступлении представители более могущественного рода тайджиутов решили в назидание разобщенным степным народам наказать преступника. Тэмуджин много вынес из периода рабства, когда унижения и оскорбления заставили его затаиться, превратившись в настороженного зверька, чуткого к любым изменениям ситуации. Он стал терпеливым и еще больше замкнулся в себе, вынашивая планы мести и новых убийств ради своего возрождения и возвышения. Он научился быть живучим и изворотливым, хладнокровным и хитрым; он стал зверем, безмолвно ждущим момента, когда можно будет вцепиться любому в глотку цепкой хваткой хищника. Ибо у жестокости учатся жестокости, а учителя оказались на редкость способными.

И однажды Тэмуджин дождался своего часа: он бежал, воспользовавшись поддержкой незнакомой семьи, неизвестно по какой причине с риском для жизни оказавшей ему помощь. Это не соответствовало традиции, ведь помогать друг другу должны люди одного рода, одного клана.

Территория смерти

Хотя многие историки уверены, что месть лишь служила поводом для набега и редко являлась истинной причиной грабежей и жестокости, на самом деле у многих народов она очень скоро превратилась из заместительных поводов обогащаться разбоем в демонстрацию силы и даже просто оправдания убийств, пыток и насилия. Жажда мести и связанное с ее реализацией насилие, животное наслаждение видом поверженного, растоптанного и затем убитого врага явились могучим деструктивным раздражителем. И этим степные

кочевники (наряду с другими людскими общностями), распространившие вирус мести далеко за пределы своей первичной культуры, очень невыгодно отличались от животных, которым чужда жажда отмщения.

Тэмуджин оказался не лучшим в степи, но наиболее приспособленным, изворотливым и жестоким. И как сила способна притягивать и поглощать не готовых к борьбе, так молодой воин Тэмуджин, не будучи представителем богатого или знатного рода, тем не менее, уверенно продвигался к власти. Он смело начал создавать новую иерархию, чем привлек на свою сторону огромное количество бесшабашных смельчаков, которые не имели никаких шансов выдвинуться на высокие должности при существующей кланово-родовой системе власти. Вместо ориентации на род и так называемую степную аристократию, Тэмуджин неожиданно для других претендентов на власть начал ориентироваться на личную доблесть, преданность и жестокость воинов по отношению к врагам.

Обретя свободу в шестнадцать лет, Тэмуджин словно родился второй раз. Но теперь он пришел в мир закаленным и непримиримым, готовым на все ради власти и отмщения за унижения. Юноша жаждал признания, потому что уже знал, что способен внушить страх и заставить трепетать своих соперников. Он определил свою миссию – быть заклятым врагом всем тем, кто обладал хоть какой-нибудь властью в степи, ибо сам вознамерился отобрать ее. Отныне это составляло смысл жизни человека, которого слишком сильно притесняли, слишком долго топтали ногами его гордость. Суровость породила еще большую суровость, притеснения под видом закона породили дикость и остервенелость. Он был готов нещадно убивать и стоящих на пути врагов, и чересчур лояльных к врагам соратников.

При помощи врагов своих врагов Тэмуджин покорил меркитов, но, уничтожив их лидеров, он присоединил обезглавленное племя к своему быстро разрастающемуся клану. После разрушения некогда могущественных меркитов Тэмуджин заявил своим воинам: «Мы принесли пустоту в их грудь… Мы принесли пустоту в их постели… Мы положили конец мужам и их потомкам… Мы насиловали остальных…» Эти слова как нельзя лучше отражают жизненную философию разрушителя. Когда им овладевала жажда мести, просто разить врага на поле боя становилось недостаточным; ему необходимо было надругаться над психикой побежденного, продемонстрировать власть над ним, возведенную в абсолют посредством изощренных зверств и сексуального насилия над женщинами. И хотя многие историки настаивают на том, что монголы не пытали своих жертв, речь все

же шла об утвержденной традицией форме издевательств. Пробуждая зверя в подчиненных, Тэмуджин приучал новоявленных массовых убийц и насильников к сладковатому привкусу крови и приторному восторгу безнаказанности. Продвигаясь по лестнице власти силой оружия, Тэмуджин покорил множество кочевых племен. Покоряя татар, он, согласно летописям, приказал убивать каждого татарина ростом выше тележной чеки. Таким образом воитель уничтожил всех взрослых, дабы предупредить месть. Но в этом эпизоде проявилась и новая черта будущего хана – неслыханная доселе готовность уничтожать огромные массы людей, стоящих на пути к власти.

Все без исключения ученые заостряют внимание на многолетней дружбе Тэмуджина с не менее смелым и влиятельным воином по имени Джамуха. Рассматривая пристальным взглядом жизненную стратегию Чингисхана, нельзя обойти вниманием его отношения с человеком, который долгие годы слыл кровным братом создателя Монголо-татарской империи. Познакомившись еще в детстве и поклявшись выручать друг друга, они пронесли дружбу и верность клятве ровно до того момента, когда вдруг стали мешать друг другу и превратились в непримиримых соперников. В этом жизненном акте отчетливо видно примитивное противостояние самцов, отчаянно борющихся за пространство и территорию влияния. Их борьба стала подтверждением жутких проявлений человеческой души, пораженной безудержным стремлением к господству. После одного из сражений Джамуха, чтобы внести смятение в ряды противника, сварил заживо семьдесят пленных юношей. И хотя современные историки считают существенным преувеличением число истребленных таким способом людей, в целом война двух предводителей оказалась парадом ужасов и проявлений сатанинского в человеке. После многих битв и стычек Тэмуджин в конце концов оказался более коварным и предусмотрительным: сумев привлечь большее число сторонников, он победил. «Сокровенное сказание» говорит, что Джамуха не пожелал быть вторым при Тэмуджине, добровольно выбрав смерть. Его решение не столько выразило его личную непреклонность, сколько показало коренное отличие человека от животного. Если животный мир способен регулировать и улаживать внутренние конфликты, то человек в своем стремлении к смерти готов идти до конца: и уничтожая, и выбирая смерть.

Создавая государство, Чингисхан казался потомкам мудрым ваятелем, ибо не забыл о таких рычагах управления, как религия или учреждение из числа приближенных чиновников. Многие указывают на вьющиеся реформы в армии и администрации,

но они проистекали не из решимости созидателя, а из страха разрушителя. Действительно, военные и государственные реформы проводились, и в сравнении с периодом, предшествующим объединению монголов, татар и ряда других родоплеменных союзов в единую общность, они имели, с точки зрения эволюции человека, революционное значение. Ряд потерянных в степи нищих племен Чингисхан силой своего влияния сплел в единую могущественную империю, обогатившуюся за счет покоренных и разрушенных культур и превращенную в государство с незыблемыми законами. Но, с точки зрения психических процессов, управляющих жизнедеятельностью создаваемой империи, государство Чингисхана опиралось как раз на жестокое подавление деструктивных раздражителей более мощными рычагами. Рычагом номер один оставался страх смерти, рычагом номер два стало отлучение от социальных благ при насильственном изменении статуса. Другими словами, этот человек доказал, что дьявольские проявления внутри каждого легко сдерживаются не знающей жалости и милосердия рукой властелина, которую он держит на глотке своего народа. Закон Чингисхана сделал едва ли не единственным видом наказания смертный приговор, а наказывались жители новой империи за все – от прелюбодеяния и кражи скота до лжесвидетельства и подслушивания. Более могучее деструктивное поглощает и укрощает одуряющие бесовские импульсы менее сильных…

Примечательно, что практически единоличную власть над всеми, с сохранением возможности применения и деструктивных мер, имел только сам Чингисхан. Власть введенных им курултаев, как и религиозная власть шаманов, должна была оставаться фикцией и заменителем его верховной власти, заканчиваясь там, где начиналась его личная власть. Классическим примером может служить эпизод уничтожения неугодного и получившего слишком заметную власть шамана Теб-Тенгери, которому, как только он начал заслонять собою Чингисхана, просто и безо всяких объяснений переломали хребет. «Все, чем он не мог управлять, Чингисхан уничтожил», – подытожил ситуацию после объединения племен историк Д. Уэзерфорд.

И что же сделал Чингисхан после создания нового государства? То единственное, что он умел, но только в увеличенном масштабе. Если раньше он убивал отдельных людей, которых считал врагами, затем десятки и сотни стоящих на пути к достижению доминирования над оставшимися в живых, то отныне, укрепив свою власть мощью оружия, он мог уничтожать тысячи и десятки тысяч. Нужны были новые и новые военные

кампании, расширение могущества за счет низвержения новых государств и получения новых богатств. Несмотря на совершенствование военных стратегий, жизненная стратегия была хаосом, множеством пересекающихся и противоречащих друг другу линий. Единственной видимой целью воинственного Чингисхана оставался процесс войны, ибо даже победами хан не умел распорядиться. Историки приводят строки из письма географа Якута аль Хамави, отмечавшего, что выдающиеся архитектурные строения монголы «стерли с лица земли, как строки письма стирают с пергамента, и эти обители стали жилищем для сов и воронов, в них теперь лишь сипухи перекликаются и ветры стонут». Военная добыча просто складировалась как хлам, служивший в глазах современников вещественным доказательством побед и материализованным эквивалентом могущества. После смерти Чингисхана его сын Угедей будет швырять богатства из сокровищницы отца прямо в беснующуюся толпу.

Кстати, необратимое устремление Чингисхана к ложным целям любопытно отразилось на его детях. Двое старших смертельно враждовали за власть и были лишены ее отцом (самый старший Джучи вскоре умер при загадочных обстоятельствах), а двое младших (третий сын Угедей и унаследовал империю, едва не развалив ее), понимая, что по обычаю монголов им не светит власть, рано пристрастились к другому пороку – пьянству. По случаю своего восшествия на престол Угедей провел в пьяной оргии несколько месяцев, а самый младший сын, Тулуй, в сорокалетнем возрасте так напился, что отдал Богу душу. Фактически это было иной проекцией неспособности к продуктивности, уходом в противоположную жажде агрессии плоскость, но также лишенную смысла и идей.

Но новые расширения границ, похоже, уже не приносили счастья Чингисхану. Покорив Китай и большую часть Средней Азии, а при помощи сына Джучи и военачальника Субедея дотянувшись едва ли не до центра Европы, Чингисхан стал «владыкой владык». Нет смысла перечислять сожженные города, сметенные с лица земли народы и покоренные государства. В некоторых, ожесточенно сопротивлявшихся городах после осады и штурма неделями полыхали пожарища, а неустрашимые воины великой империи просто резали, насиловали и замуровывали людей в стены. Получившие из рук Чингисхана полномочия убивать, они не преминули воспользоваться своим правом. Разбуженные демоны вырвались наружу, показав истории худшие проявления человеческих качеств. Жаждущий крови дикарь мог

уютно чувствовать себя лишь в шкуре предводителя зверей, воинственного главаря, движущегося к смерти и толкающего в ее объятия тысячи тысяч, которые выкрикивали его имя из Ада, называя великим героем и не менее великим извергом.

Внутренний мир «властелина мира»

Видевший много смертей с детства и с малых лет перешагнувший через табу убийства ближнего и старшего в роду, Чингисхан не тешил свой взор видом отдельных истязаемых и насилуемых. Он «довольствовался» монотонным превращением в золу целых народов и городов. «Величайшее наслаждение и удовольствие для мужа состоит в том, чтобы подавить возмутившегося и победить врага, вырвать его с корнем и захватить все, что тот имеет; заставить его замужних женщин рыдать и обливаться слезами, сесть на его меринов с гладкими крупами, обладающих хорошим ходом, превратить животы его прекрасных супруг в новое платье для сна и подстилку, смотреть на их розовоцветные ланиты и целовать их, а их сладкие губы цвета грудной ягоды сосать!» Эти слова, приписываемые Чингисхану Рашид-аддином, несомненно, говорят об истинных устремлениях властелина степи. И в глаза бросается прежде всего отсутствие целей. В мертвом безыдейном пространстве Чингисхана жизнь заключалась в убийстве врага, грабеже его материальных ценностей и обладании его женщинами. Этот круговорот бесконечен и не несет в себе ничего, что могло бы рассматриваться потомками как достижение.

Как большинство людей, ставших разрушителями во имя своего тщеславия, Чингисхан старался подкреплять свои наиболее противоречиво воспринимаемые действия религиозно-мистическими знаками. К Небу Чингисхан обращался множество раз, как только следовало внушить управляемому им народу веру в необходимость того или иного рискованного шага. Таким образом он не только укреплял свою позицию, подкрепляя свое мнение мнением несуществующих богов, будто стоящих за спиной завоевателя, но и перекладывал часть ответственности за будущие потери и невзгоды на них. Он, определив себе роль полубога, беззастенчиво пользовался посредническим мостиком между Небесами и всем остальным миром.

Но все искусство управления Чингисхана меркнет в тот самый миг, как только появляется осознание того, что ни приобретение исполинской власти, ни завоевание половины мира не открыло перед предводителем монголов никаких заманчивых

просторов бытия, отличных от войны. Дикий и необразованный, лишенный стремления к высшим знаниям, он так и остался воинственным животным, облаченным в доспехи бога.

В войне же Чингисхан совершенствовал искусство истребления народов. Он научился даже возбуждать звериные импульсы у врагов, как во время китайского похода, где монголы искусно провоцировали каннибализм и восстания внутри осажденных городов. Хорошо зная психологию борющегося за жизнь человека, они запирали многочисленных жителей внутри городских стен, чем вызывали такое психическое напряжение, которое на фоне голода прорывалось в животном поедании друг друга и даже восстании внутри осажденных городов. Источники свидетельствуют, что во время одного из таких мятежей при осаде города в Китае армия осажденных уничтожила несколько тысяч своих же мятежных крестьян.

Чингисхан и многие другие завоеватели ради своих побед дали могучий толчок распространению деструктивных идей, закрепивших исковерканное представление о могуществе. Среди прочего, они пробуждали дьявольские импульсы как в своих современниках, так и у тех, кто жил сотни лет спустя. Небезынтересна одна из многочисленных легенд на тему подобного иррационального могущества. Когда при штурме одного из крупных городов был сражен зять Чингисхана, он позволил дочери, потерявшей мужа, решить судьбу жителей. Удивительно, но женщина, ждавшая в тот момент ребенка, распорядилась уничтожить все население, включая маленьких детей. Можно утверждать, что Чингисхан и его воины привнесли в мир такой заряд отрицательной энергетики, импульсы которого, похоже, не иссякли и поныне в противоречивой цивилизации, которая все еще занята совершенствованием своего оружия.

Внутреннем мир завоевателя был тусклым и лишенным продуктивной духовной силы, ибо стремление завоевывать не имело никаких иных целей, кроме как обеспечить себе более безопасное существование. Достигнув беспрецедентного влияния на окружающих, Чингисхан оказался в тупике – он не знал, как распорядиться этой властью сполна. Воин по сути, он старался не позволять себе таких излишеств, как представители его клана и родные дети, но так или иначе без войны он ощущал пустоту. Он не страдал таким диким обжорством, как его лучший полководец Субедей, и не напивался до такого состояния, как его младший сын, но все же не ведал ничего, кроме бессмысленного прожигания времени на пирах и охотах. Беспробудное пьянство и разврат затягивали основателя империи, как трясина.

На первый взгляд кажется, что Чингисхан исповедовал

воздержанность в сексуальной сфере. Это представление имеет место, по всей видимости, потому, что в жизни мужчин-монголов существовало слишком мало эротических запретов. У Чингисхана не было недостатка в женщинах, и, имея нескольких жен, он почти всегда находился на грани сексуального пресыщения. Согласно повествованию китайского генерала Мэнхуна, кроме многочисленных жен и наложниц, в походе повелителя монголов всегда сопровождал оркестр из семнадцати или восемнадцати красавиц, «весьма искусных в игре». Желая шокировать знатных послов, Чингисхан организовывал празднества с участием множества наложниц, взятых преимущественно из аристократических родов. «Когда наш [китайский] посланник, отправленный на Север, представился их царю, то по окончании церемонии встречи ему велено было сесть пить вино вместе с его женой, царевной Лаймань, и восемью наложницами, которых величали дамами; при всяком угощении и после они также присутствовали. Эти наложницы – ослепительной белизны и красивой наружности; четыре из них суть княгини цзиньские, а четыре другие были женами татар; они весьма красивы и пользуются чрезмерной любовью».

Но правда и то, что все внимание вождя монголов целиком было сосредоточено на власти как цели. Власть в его системе ценностей была намного выше женщин, она символизировала выживание и доступ к любым утехам. Власть была несоизмеримо выше, потому что давала переживания более сильные, чем секс. Например, смерть, причем для множества людей. И хотя историки указывают, что монголы никогда не калечили и не истязали пленных, это не совсем верно. Потому что ставший традиционным во время Чингисхана перелом позвоночника означал не только медленную мучительную смерть врага, но и созерцание беспомощности поверженного. Визуальное насилие и упование властью над живым, но уже безнадежно парализованным человеком, несомненно, имело сакрально-сексуальный оттенок. Для Чингисхана важно было сознание вседозволенности, и он много раз демонстрировал, что именно он и только он имеет право совершать то, что запрещено всем остальным окружающим. Это было то единственное, чем он стремился овладеть и на что потратил всю жизнь.

Чингисхан проявлял заметную заботу о своем имени, он желал стать для потомков путеводной звездой, вещателем деяний космического масштаба. Чем старше он становился, тем больше задумывался об этом. Одна из легенд повествует о встрече Чингисхана с авторитетным мусульманским казием Вахихаддином Бушенджи, когда монгольский владыка спросил о том,

будет ли прославлено его имя в потомстве. После обещания безопасности со стороны Чингисхана казий прямо ответил, что о славном имени монгола будет некому рассказывать, потому что он несет смерть всему живому. Разочарованный от таких слов Чингисхан в ярости прохрипел, что о нем сохранят память «другие народы», «другие цари». Подлинность этого случая установить невозможно, но желание признания Чингисхана будущими поколениями очевидно. Это также один из устойчивых мотивов, гнавших его на все новые и новые завоевания. Он полагал, что боль, причиненная современникам, станет в глазах потомков отражением его неугасимого света, свидетельством его неистребимой энергии и желания побеждать.

Если рассуждать об истории человечества, Чингисхан силой вмешался в ее ход и внес свои определенные коррективы. Самонадеянный «апостол смерти» создал империю всепоглощающего мрака для себя и считал вполне справедливым пользоваться ею для распространения своего влияния в мире. Империю, основанную на игре его инстинктов. Страх смерти и жажда возвышения путем доступа к реальной власти завоевателя или использования богатств стали основной опорой этого несокрушимого и вместе с тем фальшивого властелина своей эпохи, распространившего эпидемию разрушений далеко за пределы своего времени. Но если говорить о вкладе Чингисхана как творца истории, то он не создал ничего, оставив потомкам лишь смрадный дух смерти, обрамленный знаменем насилия и безжалостного, остервенелого убийства. А его растянутая до океанических размеров империя вскоре пала, поглощенная более многочисленными народами, что стало свидетельством призрачности кровавого похода на цивилизацию. Могилы павших в фатальных бойнях воинов и их жертв вскоре развеяли долго создаваемый миф о величии героев, их имена стерлись из коллективной памяти, оставив на поверхности лишь раскаленную, как угли, энергетику смерти, код неумолимого стремления одних людей низвергать других и господствовать над побежденным пространством.

Иван IV Грозный (25 августа 1530 года – 17 марта 1584 года)

Русский царь (1533–1584 гг.), небывалый деспот и мучитель, один из наиболее ярких садистов в мировой истории

А я, пес смердящий, кого могу учить и чему наставлять и чем просветить? Сам вечно в пьянстве, блуде, прелюбодеянии, скверне, убийствах, грабежах, хищениях и ненависти, во всяком злодействе…

Иван IV Грозный

Первый русский царь, заметно укрепивший централизацию государственного управления и расширивший границы державы, был между тем отъявленным маньяком-убийцей, неисправимым садистом и редким мерзавцем. Он отличался тем, что издевался над невинными людьми ради потехи.

Как и жажда мщения Чингисхана, враждебное ко всем отношение Ивана Грозного могло бы быть оправдано нравами времени: не будь он таким жестоким и не пролей столько крови, возможно, был бы устранен властолюбивыми боярами, то и дело затевавшими смуты. Можно также принять во внимание выводы ряда ученых о психических заболеваниях царя Ивана Васильевича, и в частности о генетических истоках его поведения. К. Валишевский, например, настаивает на необходимости принимать во внимание и слабость ума прадеда царя Василия Темного, и предрасположенность к нервным заболеваниям его бабки Софьи Палеолог. Н. Михайловский признает Ивана IV маньяком и психопатом, человеком с явно помутившимся рассудком. Р. Скрынников намекает на связь признаков вырождения царской семьи (младший брат царя Юрий был глухонемым идиотом, сын самого Ивана Федор страдал слабоумием) с поведением Ивана IV. А согласно мнению психиатра П. Ковалевского, Иван Грозный страдал паранойей с манией преследования. Таких оценок достаточно много, но они все мое представляются вторичными, поскольку поведение кровавого правителя очень последовательно,

шаг за шагом взлелеяно его ближайшим окружением и им самим. Более того, на фоне довольно высокого уровня образованности самодержца и даже признаваемого многими исследователями неординарного ума поступки Ивана Васильевича кажутся осознанными и вполне логичными. К слову, образование царя, его часто восхваляемая биографами начитанность и отчаянные пробы пера отражают не только стихийность натуры, но и отсутствие четких устремлений, использование творческого потенциала лишь для того, чтобы замаскировать свои живые инстинкты и звериные побуждения. Ведь не случайно В. Ключевский отмечал «беспорядочность» содержания сочинений царя, его «хаотическую память», не приспособленную для служения плодотворным идеям, и наконец, его внутренний идеальный мир, где Иван мысленно пребывал в общении с пророками и великими мыслителями, пытливо стараясь разглядеть свои собственные черты в их нетленных обликах. По сути, образование оказалось востребованным царем Иваном лишь в одном – в поисках многочисленных доказательств божественности своей власти. Человек, не достигший ничего благодаря напряжению собственной воли и силы ума, он тщательно искал «Божьего соизволения» для своих поступков. Собственно, он искал небесного оправдания своим преступлениям, ужасам, ответственность за которые он намеревался возложить на Бога.

Нецарское детство царя: жизнь среди крови порождает тиранию

Уже в самом рождении и первых годах жизни наследного великого князя Ивана содержится немало предпосьшок явления в мир нового чудовища. Не сам он, а аристократическое великосветское окружение обнаружило и развило в новом государе тот нескончаемый перечень вредных привычек, который, в конце концов, и стал основой для формирования его противоречивой личности.

Путь потрясений в детстве Ивана начался еще до того, как он осознал себя. Когда ему было всего три года, его отец, великий князь Василий III, простудился на охоте и умер, успев перед смертью назначить семерых бояр в качестве опекунов сына, чем, собственно, породил раскол в заправлявшей в государстве Боярской думе. Историки единодушно отмечают, что аристократическая элита заметно влияла на решения великих князей, которые фактически делили с нею власть в государстве. Женщины к управлению государства не допускались: и без того

не слишком жаловавший прекрасный пол Василий III не упомянул свою жену среди управителей после своей смерти. Появление новой княгини Ольги на русском троне оказалось невозможным. Это решение великого князя, навеянное патриархальными традициями, оставило один из самых глубоких рубцов на психике малолетнего Ивана. Ибо обладающая сильной, совершенно неженской волей, поражающая прямолинейной решительностью, Елена Глинская при поддержке своего представителя знатной семьи Ивана Овчины-Оболенского перешла в наступление и сумела выхватить власть из рук назначенных бояр менее чем через год после кончины мужа. Само по себе это кажется невероятным кульбитом, совершенным с бесстыдной улыбкой и неотвратимой готовностью крушить сомневающиеся головы. Вместо «вдовьего удела», определенного Елене женоненавистником Василием III, женщина оказалась у штурвала государственного корабля. Конечно, следует помнить, что за спиной влиятельного Овчины-Оболенского стояла обладающая мощью и авторитетом Боярская дума, которая, в принципе, и управляла страной. Но маленькому Ивану эта ситуация представлялась совсем в ином свете; он, не помня отца, видел мать-владычицу, величественную и самонадеянную женщину, наделенную непомерными полномочиями. Свидетельством этого являются как поздние записи самого Ивана, так и летописи страшащихся царского гнева писцов, фиксировавших едва ли законное и единоличное правление Елены. Кажется, именно в этот период и именно тут зарождается акцентуация будущего царя на мать, обретение веры в свою звезду и осознание своей исполинской роли владыки русских земель. Но стоит ли подчеркивать, что и без того ясно: самобытная литовка даже при минимальном участии во власти представлялась горделивым боярам белой вороной, инородным телом. Даже в те времена не казалась случайной ранняя смерть этой цветущей молодой женщины, а более поздние исследования говорят о явном отравлении великой княгини, в останках которой и через пятьсот лет было отмечено повышенное содержание ртути. Уверен был в убийстве боярами своей матери и ее малолетний сын, который стал еще больше угрюм, насторожен и недоверчив. Иван с головой ушел в себя, боясь делиться чувствами с кем бы то ни было. Как маленький зверек, отсиживался он в темном уголке своих покоев, наблюдая за охотой хищников. Подсознание ребенка идентифицировало боярское сословие исключительно с враждебной средой, а болезненная одинокая душа взывала к небесным силам, чтобы те помогли отомстить за любимого человека. Кажется, эти

переживания способствовали тому, что он утратил данную Богом способность любить.

Для дальнейшего анализа необходимо сделать два отступления, чтобы рассказать о тех личностях и событиях, которые заметно повлияли на последующую жизнь Ивана Васильевича.

Первое связано с его рождением, и хотя задевает царя косвенно, непременно должно было дурным образом отпечататься на личности наследника престола. Дело в том, что, как указывает известный исследователь гомосексуальности Лев Клейн, великий князь Василий III слыл непоколебимым приверженцем мужеложства и, будучи ярым женоненавистником, пренебрегал супружескими обязанностями. Его наследник Иван родился лишь через пять лет после его второй женитьбы на молодой и своенравной литовской красавице Елене Глинской, которая была вдвое моложе московского правителя. Более того, как далее указывает Л. Клейн со ссылкой на профессора Саймона Карлинского, для осуществления полового акта Василий III даже приглашал в спальню помощника, некоего сотника. К этому можно добавить устойчивую молву о том, что Иван был сыном не Василия III, а фаворита Елены, князя Ивана Овчины-Оболенского. Хотя эти слухи вроде бы прямо не относятся к наследному великому князю, он не мог не знать о них, а они не могли не влиять на него. Мысли о странностях отца отразились на восприятии окружающего мира будущим царем, который вскоре станет таким же женоненавистником.

Второй ключевой нюанс раннего восприятия окружающего мира Иваном был связан с непрекращающимся противостоянием внутри московской знати. Взрослея среди этих распрей, он был немым вынужденным свидетелем жестоких расправ одних группировок бояр над другими. На будущего правителя не обращали внимания, совершая на его глазах немыслимые поступки. Влиятельные бояре неожиданно попадали в опалу, некоторые из них заканчивали жизнь в мрачных камерах холодных подземелий, а затем выжившие, также неожиданно возвратившись, нещадно мстили недавним обидчикам, заковывая их в железные маски, травя и отправляя с унижением в ссылку.

Слабый и забитый вначале, мальчик постепенно начал осознавать, что сила и могущество, если их достаточно, обеспечивают безопасность и вседозволенность, а если их нет, то человека неминуемо затягивает в ужасающую воронку небытия. Он сам убедился в этом, когда в воронке смерти оказались и его властолюбивая мать, и ее могущественный покровитель Овчина-Оболенский. Как в красочном кино, он видел летящие с плеч

головы бояр, в пугливом и настороженном напряжении слышал зловещий шепот, повествующий, как изводили голодом, ядами и тюремными пытками десятки людей.

Будущему царю жилось в роскошных покоях явно нелегко. Страхи росли, навязчивые мысли преследовали его беспокойное воображение, а каждая темная коморка великокняжеского двора казалась наполненной коварными неосязаемыми и невидимыми, но всегда присутствовавшими врагами. Его, как указывал Василий Ключевский, «ласкали как государя и обижали как ребенка». В его детстве это жгучее омерзительное напряжение было вечным спутником. Под воздействием обстоятельств, во враждебной обстановке всеобщего предательства и угроз, которые начали отчетливо проявляться после смерти матери, будущий самодержец чувствовал себя незащищенным. Он становился все более замкнутым, в нем формировался безнадежный интроверт с затаенными противоречивыми и, по большей части, враждебными чувствами ко всему окружающему.

Уйдя целиком в себя, он с трудом находил в себе силы бороться с одиночеством, подтачивавшим его изнутри.

Некоторые исследователи отмечают, что Иван с малых лет много читал. Эдвард Радзинскии утверждает, что Иван Грозный был одним из наиболее образованных государей в Европе, добавляя, что он дивился самовластию своего отца и деда, читая о них в книгах. По всей видимости, книжные сентенции вкупе с сатанинскими раздражителями холодного и желчного детства взяли верх над всеми остальными ощущениями, направив все мысли Ивана Грозного в русло исступленного поиска для выхода накопившейся энергии. Ему хотелось не создавать, а жечь, он жаждал поставить всех на колени, продемонстрировать выдающиеся качества. В результате развитый изобретательный ум будущего самодержца вместо блистательных идей государственного преобразования и самосовершенствования изрыгал лишь сценарии издевательств и разрушений. В нем рано начала проявляться крайняя неустойчивость психики, выражающаяся в склонности поддаваться наговорам и влиянию, а также в неустанном поиске новых впечатлений при отсутствии привязанности к кому бы то ни было.

Пожалуй, годы отрочества стали определяющими в становлении будущего самодержца. Он то и дело капризничал, демонстрировал извращенность восприятия, совершая поступки один ужаснее другого, но взамен получал от бояр-опекунов только похвалы. Никто не одергивал юного великого князя, более того, некоторые хитроумные представители боярской знати только подзадоривали его, чтобы досадить другим. Поэтому

неудивительно, что прошло еще немного времени, и Иван с разгульной компанией сверстников, больше напоминавшей банду, начал носиться по Москве, зашибая лошадьми людей, наезжая на прохожих и не испытывая при этом смущения или угрызений совести. По свидетельству летописца, потерявший всякое понятие о приличии отрок грабил на улице «всенародных человеков, мужей и жен… скачуще и бегающе всюду неблагочинно». Более того, как потом рассказал Курбский, сначала один из близких людей великого князя, а после своего бегства из России от надвигающихся репрессий злейший враг и красноречивый обличитель тирана, в молодые годы Иван приказал замучить до смерти нескольких своих сверстников. Безнаказанность и вседозволенность сделали свое дело: появился новый маньяк вселенского масштаба.

Иваном долго манипулировали, не подозревая, что он также научается и делает свои страшные выводы. Нет сомнения и в том, что свое первое политическое убийство, имея четырнадцать лет от роду, малолетний царь совершил по науськиванию бояр, ловко сыгравших на его желании отомстить за смерть матери, лишение его кормилицы Аграфены и убийство Овчины-Оболенского, которого, будучи еще мальчиком, Иван справедливо считал своим защитником. А еще – за испытанные и испытываемые страхи перед опекуном и дальним родственником, не знавшим пределов в своих поползновениях: Андрей Шуйский ворвался однажды в столовую палату, и в присутствии великого князя Ивана его люди избили боярина Воронцова, а на митрополите Макарии изорвали роскошную мантию.

Эти действия опекуна хоть и испугали Ивана, но одновременно возбудили в нем ненасытную жажду крови и насилия. Именно эти ощущения припомнились будущему Ивану Грозному, когда он неожиданно приказал верным псарям схватить самого Шуйского и лишить жизни без положенных в таких случаях разбирательств. Молодой правитель уже упивался убийством, своим «узаконенным» правом государя вершить судьбы; он не только ликовал от ощущения, что вызывает ужас у окружающих, но и стал испытывать потребность унижать убивая. Ему все больше стал нравиться процесс падения человека в бездну; он жаждал увидеть вначале душевное смятение и шок от психологической атаки, превращение некогда сильного и авторитетного мужа в животное, всеми силами борющееся за жизнь. Самою смертью после ее частого повторения он пресытится, ему вскоре станет интересен сам процесс убивания, чтобы он был непременным автором сценария и главным зрителем. Иван-палач уже жаждал зрелища грубого насилия, по

всей видимости получая от этого наслаждение, не исключено – психосексуального характера.

На сексуальном подтексте издевательств стоит заострить внимание. Иван Грозный слишком часто казнил своих жертв обнаженными, как бы демонстрируя свое мужское доминирование над поверженными. Уже с первого убитого по приказу великого князя были сорваны одежды, после чего обнаженный труп бывшего опекуна два часа лежал на улице. Иван отомстил тому за свою заброшенность в детстве. Потом подобные вещи проделывались не раз, причем садистские методы царя все совершенствовались. Когда однажды к нему явились псковские жалобщики, он приказал облить их горячим вином и опалить бороды свечой, причем делал это самолично, а потом велел их «покласти нагих на землю». Что это, если не чудовищное сочетание насилия и психосексуальных отклонений?

Рано начала проявляться и Иванова некрофилия, странное безумное влечение к смерти. В юности он любил предаваться игре в покойника, вызывая негодование и раздражение богобоязненных бояр. Переодеваясь в саван и ложась в гроб, Иван требовал «отпевания», более всего забавляясь тем, что «покойника» собранные на отпевание девки должны были целовать в губы. Эротический инстинкт у молодого правителя самым неподобающим образом переплетался с инстинктом смерти, тем самым нарушая культурные традиции и преступая табу. Этот дикий симбиоз доводил молодого князя до исступления. Вполне естественно, что воспитанные на традициях частичного отказа от удовлетворения своих влечений влиятельные бояре пытались в резких тонах прекратить это шокирующее богохульство. Но неожиданно нарвались на звериную ярость отпрыска великих князей, приказавшего схватить нескольких знатных бояр (среди которых был и его дядя) и отсечь им головы у своего шатра. Примечательно, что одного из них, конюшего Федорова, великий князь нагого держал перед шатром. Иван Грозный совсем не считал нужным бороться с этими отклонениями, ибо зачем бороться с тем, что дозволено?!

Большим событием в жизни Ивана оказалось пребывание при нем (при содействии митрополита Макария) новгородского священника Сильвестра. Историки говорят о появлении религиозного лидера на жизненном пути царя ранее 1545–1546 годов, то есть еще до коронации, а может быть, и до первого убийства. Сильвестр, внушив Ивану трепетное отношение к Богу, не только серьезно подтянул образование княжеского недоросля, но и какое-то время служил сдерживающим фактором деструктивных проявлений. Религия на поверку оказалась

могучей силой, уводящей от насилия, правда, стоит сказать, что Сильвестр умело играл на самолюбии самодержца. В частности, велись нескончаемые беседы пророка и терпеливого ученика о миссии последнего и его божественном предназначении. Кроме того, советы Сильвестра оказались полезными для начавшейся семейной жизни монарха. Некоторые исследователи уверены, что царь Иван по-настоящему любил жену свою Анастасию. Но вряд ли стоит верить в такие гипотезы. Хотя любовь способна исцелять, Иван уже давно стал на путь зверств, которые щекотали его нервы намного сильнее, чем трепетно-нежные любовные чувства. Что сила любви в сравнении с разгулом диких инстинктов, испытанным ощущением убийцы и насильника?! Поздно! Он лишь загнал рано разбуженных демонов поглубже вовнутрь своей ненасытной утробы. На время. Можно даже поверить, что самодержец делал искренние попытки измениться. Но если это и было так, его дальнейшая кровавая история свидетельствует, что легче преступить через неписаные законы человеколюбия, чем заставить себя потом вернуться в лоно Природы, во второй раз родиться и осознать себя ее частью. В случае с Иваном Грозным это оказалось невозможным. Гиена проснулась, ее привлекала смерть и только смерть.

Властвование темных сил

Так или иначе, Иван был вынужден рано повзрослеть. К этому его подталкивала постоянная опасность быть низвергнутым коварными боярами, которые, как он считал, извели его мать и теперь ждали удобного случая расправиться с ним. В семнадцать лет Иван был вынужден возглавить военный поход на басурманов – с целью захвата Казани. Возможно, это была ловко спланированная акция кого-то из боярского окружения молодого царя, ибо таким образом столкнуть непрактичного и неопытного юношу с реальной, отнюдь не библейской жизнью было полезно. И не столько для того, чтобы задеть звонкие струны царского тщеславия, сколько для того, чтобы поставить его в такое положение, в такие рамки, в которых он почувствует себя бессильным и бездарным. Может, бояре надеялись, что после суровых походов царь станет более покладистым и внимательным к советам знати. Действительно, в течение всей жизни впечатлительная и излишне восприимчивая натура монарха легко поддавалась внушениям тех, кому он доверял. И если попытка добыть славу с оружием в руках была хитроумным ходом бояр, то акция удалась. Потому что неудавшаяся военная кампания и

бесславное возвращение царя обожгли его, как огнем. Кто-то сказал ему, что это наказание Божие за его грехи, повергнув государя в смятение, вызвавшее религиозно-психологическую депрессию. Это была едва ли не первая болезненная фрустрация, напоминающая о себе травма горе-властителя, сигнал о комплексе неспособности управлять, руководить, царствовать и побеждать.

В дальнейшем Иван IV организовал целую череду военных походов, с третьей попытки взяв Казань, покорив Полоцк и Ливонию, фактически с единственной целью – утвердиться как государь-полководец и достигнуть военной славы и признания на этом поприще. Но и тут, несмотря на формальные победы, преимущественно ставшие результатом длительных и кровопролитных военных сражений и безжалостного отношения к народу, самодержца ожидало больше разочарований, чем радостей. Как свидетельствуют историки, начиная с Казанской войны, когда терзаемый сомнениями двадцатидвухлетний правитель был вынужден слушаться старших, более опытных в военном деле бояр, он довольствовался, по словам Р. Скрынникова, «почетной, но на деле второстепенной ролью».

В конце концов, царь осознал, что не сумеет преподнести будущим поколениям себя в качестве образца выдающегося полководца, и это открытие угнетало его никогда не прекращающейся душевной болью. Взрывоопасная натура правителя искала выхода для накапливающегося пара и не находила ничего иного, как доказывать свое царское величие бесчисленными избиениями и смертями тех, кому он тайно завидовал и кто на войне оказывался более удачливым военачальником. В условиях неограниченных возможностей обычная мужская зависть принимала облик яростной мести и ненависти. Особенно она усиливалась в обстановке неуверенности в себе и в том, что завтра может не наступить из-за какого-нибудь изощренного заговора. Не стоит забывать, что практически все отличившиеся в сражениях воеводы и организаторы кампаний вскоре объявлялись изменниками и уничтожались. Так в разное время сложили головы Адашев и Горбатый-Суздальский, наиболее отличившиеся во время Казанской кампании, или князья Кашин и Репнин, проявившие себя во время взятия Полоцка – наиболее успешного военного эпизода за все царствование Ивана IV. Сначала таких были единицы, потом десятки, а в последние годы жизни царя – сотни. Деспот стирал с лица земли лучших, настойчиво пытаясь предать забвению их имена. Его бесили чужие достижения, но особенно досаждала, да так, что он впадал в ярость, чужая независимость.

Когда в войне с крымским ханом Девлет-Гиреем опальный воевода Михайло Воротынский разбил наголову противника, Иван Грозный, выждав определенное время, обвинил полководца в измене и после мучительных пыток горящими углями убил. Иван Грозный просто не выносил тех, кто в чем-то оказывался лучше его.

Тем не менее, несмотря на репрессии, Иван осознавал необходимость поиска новых союзников как в боярской среде, так и путем возвышения преданных сторонников, выдвинутых из более низкой социальной прослойки. Царю, которого довольно долго теснила во власти боярская знать, нужна была опора в виде третьей, зависящей лишь от него, силы. И эта сила нужна была ему, чтобы сокрушать, мстить, утверждаться на костях поверженных вассалов, которые обладали гораздо более яркими талантами, чем он сам. В первичном смысле убийства известных представителей русской элиты имели символический, даже сакральный характер: уничтожая лучших, правитель не только расчищал дорогу для себя – единственного блистательного человека в государстве, но как бы присваивал себе их качества, их имидж, их признанную силу. Монарх действительно делил власть с аристократией, на что указывают многие историки. И именно в этом следует искать причину проявлений ненависти и агрессии царя по отношению к боярам. Причиной конфликта с властной элитой было противоречие, которое Иван Грозный не мог разрешить долгие годы. С одной стороны, он нуждался в помощниках, с другой – от этих помощников, как ни от кого другого, он с напряжением и настороженностью ожидал подвохов и предательства.

Пожалуй, наиболее примечательным в жизни русского царя Ивана IV является так называемый период «тихого» правления, продлившийся около тринадцати лет. Некоторые ученые даже берутся утверждать, что в тот момент Иван внутренне изменился, стал «благочестивым», удивительно религиозным и трогательно заботливым. Но если внимательнее рассмотреть время затишья, станет ясно, что оно явилось отнюдь не следствием внутренних изменений, а прямым результатом действия таких могучих и взаимодополняющих ограничителей, как религия и семья. Сильвестр, призывая на помощь Небо и магические, почти сказочные заклинания, устрашил Ивана и сумел на время упорядочить его мышление. Анастасия, согласно летописям, единственная из восьми жен царя, имевшая на него определенное влияние, также внесла свою лепту в сдерживание губительных порывов мужа. Не прошли бесследно для царя и смерти его детей, которые, словно от сглаза, умирали или погибали. Вне всякого

сомнения, смерти двух дочерей, затем нелепая гибель наследника Дмитрия, потом рождение Ивана-младшего, опять смерть дочери и, наконец, появление неполноценного Федора не могли не расшатать и без того плохие нервы молодого правителя.

«Тихий» период закончился так же внезапно, как и начался. Анастасия слегла и, не дожив до тридцати, отправилась в мир иной, а тяжелая болезнь самого царя оказалась лакмусовой бумажкой в отношениях и с религиозным учителем, и с самым влиятельным и деятельным из бояр Алексеем Адашевым. Готовясь к смерти, Иван Грозный велел присягнуть в то время еще живому малолетнему Дмитрию. Но советники сделали ставки на двоюродного брата царя Владимира Старицкого. Неожиданно выздоровев, царь повел себя, словно очнувшийся от длительной спячки медведь-шатун. На Россию надвигался сумрак. Власть религии отпечаталась в душе разрушителя странным и зловещим образом: он отныне замаливал свои преступления, каялся, может быть, вполне искренне за хладнокровные убийства, от которых содрогнулась даже далекая Европа. Впрочем, возможно, эти жуткие покаяния были просто дикой насмешкой над прежними порывами склонить голову пред церковью. Ибо не совершались бы безумные акты насилия и леденящие кровь убийства прямо в церкви, порой на глазах у остолбеневшего люда.

Сначала, после удаления от себя Сильвестра и Адашева, самодержец занялся кровавой чисткой рядов приближенных, методично и последовательно истребив родственников и друзей Адашева. А уж затем организовал знаменитую опричнину, основанную на приближении и возвышении людей социально опасных, готовых ради милости царя и обогащения на любые преступления и имеющих в глазах самодержца лишь одну ценную характеристику – преданность. Опричнина была призвана стать не только непробиваемым кольцом личной защиты царя, но и неумолимым карательным органом для бояр, осмеливающихся смотреть Ивану прямо в глаза, без подобострастия и страха. Он желал раздавить горделивых аристократов, поэтому окружил себя отъявленными негодяями, готовыми из-за своих ужасных склонностей, раболепия перед хозяином, а порой просто из страха выполнить любое его злодейское желание, поучаствовать в любом, самом скверном действе, при этом прикрываясь якобы заботой царя о народе и государстве, демонстративным стремлением правителя навести порядок и укрепить мощь державы. Были тут и иностранцы, подавшиеся в бескрайнюю Московию в поисках альтернативы и новых возможностей для возвышения. Создавая личную гвардию по типу римских преторианцев, Иван Грозный сначала говорил о тысяче воинов, но

вскоре их число достигло шести тысяч. Возможно, этим шагом была создана первая в России универсальная машина для репрессий и организованных убийств, совершаемых против собственного народа от имени государства. Бесчинства этих людей (а они обладали широчайшими полномочиями) достигли небывалых масштабов, затмив все совершенные доселе преступления. Осуществлялись они с невиданным цинизмом, напоминали скорее фарс и сами по себе стали отражением мировоззрения Ивана Грозного, его страхов и жажды признания. То, чего царь был неспособен достичь как государственный деятель, он выбивал из своих подданных силой, вырывал у них в предсмертной агонии. «Холопий своих мы вольны жаловать и казнить» – так сформулировал свое самодержавное мировоззрение Иван Грозный в одном из многочисленных писем к ненавистному беглецу Курбскому, до которого не могла дотянуться его жаждущая мести рука.

Проклятие искателя кровавых приключений

Если пристально всмотреться в личность царя Ивана Васильевича, прежде всего бросается в глаза нарушение ее целостности, отсутствие плодотворного начала. Главная метаморфоза внутреннего мира царя выразилась в неспособности приобщиться к жизненным ценностям и счастью. Имея колоссальный потенциал, пользуясь исполинскими рычагами влияния и власти, московский средневековый правитель не сумел избавиться от болезненного напряжения, обрек себя на пожизненную неуверенность в себе, страх и тоску. Чудовищное неверие в собственные производительные силы и вечная тревога заставили Ивана Грозного ненавидеть, завидовать, искать врагов и бороться с ними, проявлять худшие человеческие качества в изощренных формах насилия и агрессии.

По своей натуре царь-мучитель всегда был трусом. Однажды, уже уничтожив своих блистательных военачальников, Иван Грозный столкнулся с внезапной необходимостью дать сражение подошедшему к Москве крымскому хану Девлет-Гирею (за год до того, как хана разбил Воротынский). Но вместо сражения царь трусливо бежал сначала в Коломну, затем – в Александрову слободу и, наконец, еще дальше – в Ярославль. А хан сжег город, уведя в Крым множество пленных и отправив московскому самодержцу насмешливое письмо – свидетельство его трусости и неспособности защитить родную землю. И это не единственный случай в истории правления Грозного. Когда воинственный венгр

Стефан Баторий отбил Ливонию и осадил Полоцк, царь Иван, находившийся с войсками вблизи города, вместо боя отступил и позволил ему пасть.

Именно из страха царь организовывал великие побоища. Уничтожая невинных людей десятками и даже сотнями, он пытался упредить естественное желание притесняемых сопротивляться террору. Иван IV всю жизнь жил в ожидании всеобщего мятежа и потому сильным воздействием на самые могущественные инстинкты – неодолимое желание выжить и страх смерти – держал в повиновении своих подданных. Как страх перед неведомым заставляет затравленное животное, у которого нет пути к отступлению, бросаться на врагов, так извечный страх гнал Ивана Грозного на погромы. Но даже и тут он проявлял трусость, неизменно сопровождавшую террор: кровавый Иван учинил дикое разорение Новгорода, во время которого опричники по его приказу жгли, секли и топили людей десятками, но побоялся осуществить давно задуманное побоище в Москве. Историки легко находят этому объяснение: в Москве расквартировывались стрелецкие полки, а хорошо вооруженные бояре могли поднять мятеж, если бы царь начал бесчинствовать в столице. Иван Грозный мог издеваться лишь над теми, кто не способен был защищаться. И он сам, и его псы-опричники отступали, как только сталкивались с дерзким сопротивлением. Показательно, что самый страшный царский прислужник Малюта Скуратов, когда во время одного из погромов вооруженные ножами люди начали сопротивляться и нанесли ему несколько ножевых ранений, тотчас отступил.

В течение всей жизни Иван Грозный демонстрировал потрясающую асоциальность. Порой кажется, что он не просто видел врагов во всех окружающих, но методично и планомерно создавал их, тасовал приближенных, как карты, все время меняя свое окружение, истребляя одних и выдвигая других на высокие должности. Причем последние он даровал преимущественно наименее влиятельным, худородным людям, очевидно полагая, что так они будут более преданны ему. Царю не нужны были близкие люди, с которыми можно было поделиться радостями и тревогами, а после Сильвестра не нужны были и посредники в общении с Богом. Возомнив себя полубогом, Иван Грозный желал восседать на троне в одиночестве, используя людей в качестве глины для лепки своих диких, шокирующих декораций. И в те моменты, когда он проникался осознанием, что слишком слаб как личность для исполнения взятой на себя роли властелина, внутренние противоречия вспыхивали в царе с новой неистовой силой, толкая на еще более жуткие преступления. Чем старше

Иван Грозный становился, тем больше напоминал людоеда, которому необходимо питаться человеческими душами, радоваться виду ужасающих страданий и слушать предсмертные вопли. Деформация психики царя к середине жизни достигла предела: он словно пытался выяснить, как много горя может принести остальным один человек. Если в юности для садистских приключений ему нужны были подыгрывающие участники безумного действа, то к старости царю-убийце уже никто не был нужен; он сам создавал сценарии преступлений и сам ими наслаждался. В первое время он искал подтверждения тому, что не только он испорчен, что не он один насильник и мерзкая тварь в людском облике, но и другие способны открыть в себе такие же ужасные качества, если только ободрить и настроить их на агрессию. В конце же жизни царь пребывал в твердой уверенности, что природа человеческая черна сама по себе. Все меньше ему нужно было делить с кем-либо свое сатанинское удовлетворение от разрушений и неодолимого стремления заглянуть в глаза ужасной старухе с косой, которую он сам отправлял в качестве последней гостьи к тому или иному вассалу.

Кажется, царь Иван Васильевич множество раз намеревался доказать, что черный цвет более всего подходит человеческой душе, что свирепость и самонадеянное желание уничтожать при благоприятных обстоятельствах могут принять характер бушующей эпидемии. Чтобы доказать это, царь все чаще прибегал к театрализации представлений различных обликов Смерти, очевидно, чтобы оставшиеся в живых его лучше запомнили. Расправляясь с двоюродным братом, царь приказал одного из его приспешников, ушедшего в монастырь, доставить в столицу и заживо поджарить на огромной сковороде. Другого искателя успокоения, бывшего командира стрелков, отличавшегося удивительной отвагой, Никиту Голохвастова он также велел «выковырять» из тихого монастыря и тут снова, как указывают летописи, разыграл гнусную трагикомедию. Он посадил Голохвастова на бочку с порохом, напутствуя его злорадным смехом и шуткой, что поможет взлететь к архангелу. Пожалуй, Голохвастова царь тоже убил из зависти и осознания своей неспособности проявить такую же доблесть, как этот смелый солдат.

Все биографы Ивана IV особо отмечают его театральное представление с князем Иваном Федоровым, одним из самых знатных бояр, которого царь обвинил в заговоре. Он велел Федорову надеть царские одежды и сесть на трон в парадном зале Большого Кремлевского дворца на глазах у членов Боярской думы и дворянской элиты. Затем неожиданно для присутствующих

встал на колени и приветствовал как царя: «Ты хотел занять мое место, и вот ныне ты – великий князь, наслаждайся владычеством, которого ты жаждал!» А после этих слов выхватил кинжал и первым нанес удар князю. Затем тело изуродованной ножами опричников жертвы потащили за ноги и бросили в навозную яму. Совершил ли очередное святотатство Иван Грозный в назидание и без того запуганным боярам? Скорее, он дал волю клокочущей ярости, упиваясь своими запредельными возможностями, чтобы таким образом заретушировать свою неспособность к истинному величию настоящего государственного деятеля.

Страсть к садизму у царя Ивана вследствие безнаказанности и потакания окружения достигла поистине потрясающих размахов. По его приказу жгли живьем, поджаривали людей на углях, сдирали кожу с живых, топили и секли саблями десятками, варили в кипятке… Кажется, разум этого человека окончательно помутился. Но это была не болезнь, это был особый вид сумасшествия – под влиянием бесчисленных раздражителей, пресыщения смертью и насилием. Он возомнил себя уже не Богом, а Сатаной. А еще он намеренно измерял уровень человеческого в человеке, которого задумал извести. Государь очень радовался, если перед ним пасовали. И мгновенно приходил в злобную ярость, если кто-то отказывался вымаливать жизнь унижением, оказывал сопротивление или бросал ему в лицо обвинения.

Во время разгула опричнины, когда самодержец бесстыдно грабил своих подданных, произошло зверское убийство одного из богатых новгородских купцов Федора Сыркова, построившего на свои средства в городе несколько церквей. Иван Грозный велел бросить его в ледяную воду, а затем с присущей ему злобной иронией спросил, что он видел в реке. Когда же бесстрашный человек ответил, что «побывал в аду и видел, что место для Ивана Васильевича там уже готово», озверевший царь приказал поставить купца по колени в котел и сварить на медленном огне.

Подготовил царь испытание и одному из лучших полководцев той эпохи Александру Горбатому-Суздальскому, ставшему после Казанских побед фактически первым человеком в Боярской думе. Иван Грозный, ненавидевший признанные обществом авторитеты, боролся с ними по-своему. Сфабриковав дело об измене, палачи притащили на эшафот князя вместе с сыном. Юношу хотели казнить первым, но престарелый воевода, не желавший видеть смерти сына, оттолкнул его и сам первым лег под топор. Летопись говорит, что юный князь поцеловал отрубленную голову отца, после чего мужественно принял смерть.

На именитого и уважаемого в аристократических кругах престарелого князя Михаила Репнина (отличившегося, кстати, при взятии Полоцка, что, по всей видимости, задело уязвленное самолюбие царя) Иван Грозный во время одной из попоек намеревался напялить маску скомороха. Когда же князь решительно отказался, гордо и с укором ответив царю, его убили прямо в церкви, куда тот пошел молиться…

Таких случаев было десятки, но самым большим ударом для Ивана Грозного стало противостояние с митрополитом Филиппом Колычевым, человеком небывалой воли и духа. Колычева царь уговорил стать митрополитом с огромным трудом. Известный по всей Руси игумен Соловецкого монастыря долго не соглашался оказаться в эпицентре опричных преступлений, но, видно, принял это как свою миссию в этом мире. Что же до Ивана IV, то такое упорное желание иметь возле себя знаменитого праведника наводит на мысль о желании «пощупать», насколько несокрушимыми являются лучшие человеческие качества, и узнать, не разрушатся ли они под страхом смерти, выдержат ли испытания душевными и физическими муками. Но Колычев выдержал, чем невыносимо унизил, просто наповал сокрушил царя-изверга. Истинное противостояние началось после неустанных укоров митрополита по поводу «льющейся христианской крови и напрасных смертях». Филипп первым из современников осознал глубинные душевные проблемы Ивана IV и просил его искоренить «многолетнее свое к миру негодование». Когда же митрополит стал откровенно указывать царю на его ответственность за убийства перед Господом и угрожать Страшным судом, Иван Грозный уже не мог сдерживать свой гнев. Ключевым моментом этой войны стал отказ митрополита в благословении царю в Успенском соборе; и хуже всего, что это произошло публично, перед народом. Царь был унижен и оскорблен как недостойный христианин, пусть и самодержец. С того момента вопрос убийства митрополита стал делом времени. Вначале опричники забили железными палицами старцев митрополита, очевидно желая запугать непокорного служителя Бога. Но Грозный, всегда пасовавший перед силой, в борьбе с несгибаемыми убеждениями Колычева и направленным на него презрением митрополита колебался и проявлял малодушие. Он затеял публичный процесс с подкупленными сановниками и запуганными представителями Боярской думы. Наконец, не без труда признав виновным митрополита, царь организовал его изгнание. И уж только потом подослал верного «чистильщика» Малюту Скуратова, чтобы тот задушил человека, которого всесильный государь не сумел сломить.

Женщины в жизни царя сыграли особую роль. Подобно Калигуле, царь хватал чужих жен и удерживал их у себя, терзая их до тех пор, пока пресыщение и бессилие не останавливали его. Но похоже, русский монарх превзошел даже римских цезарей, потому что в насилии он усматривал прежде всего унижение и демонстрацию власти. Примечательно, что Иван IV использовал женщин для доказательства своей власти над их законными мужьями. Так, нередко он приказывал своим приспешникам насиловать чужих жен у себя на глазах, с тем чтобы потом возвратить опороченную мужу. Но современники московского чудовища донесли до потомков и более печальные свидетельства. Например, когда он приказал вероломно захватить жену и служанку одного из своих секретарей, а затем, изнасилованных, велел повесить перед дверью мужа. Причем висели они «так долго, пока тиран не приказал перерезать [петлю]». Отобрав жену у одного из придворных, он насиловал ее, а затем, «после обладания ею до пресыщения отсылает обратно к мужу, а потом велит повесить ее на балке над столом, где муж ее с семейством обычно принимал пищу». А когда царь периодически женился, то под страхом смертной казни сгонял на предварительные смотрины до двух тысяч дев-невест. Честные летописцы зафиксировали, что самодержец часто брал приглянувшихся девственниц «на блуд». Потом их тихо выдавали замуж за придворных или вовсе отсылали к родителям, демонстрируя все ту же власть «всевышнего». «Всевышний», к слову, и не думал таиться, признавшись как-то, что растлил тысячу дев.

В этих актах Иван Грозный далеко вышел за рамки поиска экстремальных сексуальных наслаждений. Садисту доставляло удовольствие властвовать над мужчинами через их женщин, устанавливая порог терпения своих слуг. Он наслаждался уже даже не самим насилием, а низведением человека до животного, ликуя от звериного восторга, так как многие предпочитали не имеющее границ унижение смерти. Царь благоговел пред запретным и недозволенным, что только для себя лично переводил в ранг разрешимого. Не меньшее удовольствие сходящему с ума государю доставляло превращение людей в зверей. Он делал это методично, как будто прошел подготовку у самого Сатаны, ибо постепенно открывал перед когортой приближенных все новые и новые грани недозволенного. Сначала было надругательство над невинными и беззащитными, затем насилование оголтелой толпой и убийство, позже изощренное убийство с особо жестокими пытками и, наконец, убийства без разбора десятков людей. При царе его палачи начинали ощущать себя властителями мира, людьми, шагнувшими в ад и в рай

одновременно. Царь не только позволял, он поощрял, когда его слуги врывались в дома знатных и уважаемых москвичей, захватывали для насилия женщин и чинили оргии, достойные пещерных людей. Неизменно участвуя в одуряющих представлениях и ухмыляясь, царь задавал себе один-единственный вопрос: где граница, стерпят ли на этот раз? А когда понимал, что загнанные в щели, как мыши, горожане будут молча сносить все его издевательства, торжествовал и ликовал. А может, ненасытный и алчущий власти, он уже вынашивал планы новых, еще более омерзительных сцен…

Любопытно, что когда вседозволенность вконец ослепляла его вассалов, коварный царь Иван убивал их. С таким же диким пристрастием, как до этого чинили зверства они сами. И казнь прежних палачей, похоже, доставляла ему еще больше радости, чем убийства незапятнанных людей. Царь теперь пытливо вглядывался в глаза тех, кто только что властвовал вместе с ним, деля плотоядный оргазм власти. И так он возвышался над миром, с высот власти взирая на омертвевшее от ужаса государство. Лишь немногим удалось избежать казней. Адашев вовремя умер от горячки, Малюта Скуратов сам пошел под пули во время штурма крепости, но это были считанные счастливчики, прознав про смерть которых, царь грыз ногти от досады…

Хотя многие историки связывали содомию Ивана IV с душевной болезнью, по всей видимости, гомосексуальные наклонности царя проистекают не из болезни, а из тех же примитивных проб мира на прочность и на вкус. Тут, кроме самих плотских устремлений, на переднем плане отчетливо проявлялось желание властвовать над всем живым, и в том числе доминировать в сексуальных утехах. Не случайно от простого насилования женщин он со временем перешел в ранг организатора, учредителя и распорядителя оргий и изощренных убийств с пытками – царю нравилось приказывать и смотреть, знать и доказывать всем, что от него зависит жизнь и смерть, судьба и благополучие окружающих. Как и подавляющее большинство людей, не способных к созидательному творчеству и сделавших ставки на тиранию, Иван Грозный упивался раболепием окружающих, это была пища для его извращенной души.

У современных исследователей жизни Ивана IV нет сомнений в том, что он имел гомосексуальные контакты, по меньшей мере, со своим слугой Федором Басмановым. Более того, тот же Л. Клейн не исключает, что отец и сын Басмановы (Алексей Басманов был известным воеводой, приближенным к царю) в борьбе за царскую милость сознательно разжигали в государе

соответствующие желания, зная восприимчивость и подверженность Ивана Грозного различным мимолетным впечатлениям. Возможно, сыграли тут роль и сексуальные предпочтения Василия III, которые царь наверняка желал испытать. Сведения о содомии Ивана IV сообщают слишком много современников, чтобы ими можно было пренебрегать. Прямо писали об этом более поздние историки, например Н. Карамзин. Согласно его представлению ситуации, когда князь Дмитрий Овчина-Оболенский (сын того самого князя, который был фаворитом матери Ивана) неосмотрительно упрекнул Басманова-младшего в том, что он служит царю «гнусными делами содомскими», молодого князя царь приказал убить. Дабы слухи о его пристрастиях не расползались по столице. Л. Клейн отмечает, что мало с кем Иван IV был близок так долго, как с Федором Басмановым. При этом ученый совершенно уверен, что Иван Грозный «не сопрягал эту любовь с унижением, скорее с весельем и отдыхом». Далее Клейн продолжает: «Если что особенно и привлекало его в любви с парнем, то разве что именно ее запретность, ее греховность, соблазняли именно поучения святых отцов против нее. Видимо, ему доставляло удовольствие сознавать, что для него нет ничего недоступного». Несмотря на весомость таких аргументов, стоит сказать, что, хотя для начала XXI века однополая любовь не представляется особым грехом, а геи давно не являются изгоями общества, однополая любовь сама по себе и содомские влечения Ивана Грозного – явления совершенно разного порядка.

А в том, что содомия не занимала особого места в жизни Ивана IV, Л. Клейн, безусловно, прав. Ведь не случайно, когда связь с Федором надоела царю, он решил испытать, чего больше в его любовнике – животного или человека. И не ошибся: по приказу царя Федька (но конечно же, не из плотской любви к Ивану Грозному) убил своего отца.

Своих родственников Иван Грозный тоже ни во что не ставил, а единственным человеком, о ком он сохранил теплые воспоминания, была его мать. К женам царь относился не просто пренебрежительно, но порой с чудовищной жестокостью. По мнению Л. Клеина, из восьми жен Ивана только первая – Анастасия – да еще Василиса пользовались расположением деспотичного монарха, и то «Анастасия лишь поначалу обладала сексуальной привлекательностью для него». Три другие жены, продолжает Л. Клейн, рано умерли, одну он убил, двух заточил в монастырь и еще одну намеревался упрятать туда же, но супруга опередила его, уйдя из жизни. Не научившись любви и заменяя ее поиском все новых форм боли, Иван Грозный находил утешение в

способности и возможности для себя причинять страдания. Он освоил роль палача и этим довольствовался, похоже, единственно этим жил и удовлетворялся. Абсолютная доступность во всем, и в том числе в сексуальной сфере, развратила царя окончательно, сделав отступником от социальных норм и вековых традиций. Но это-то и запомнилось человечеству, именно поэтому его образ так четко запечатлелся в коллективном сознании.

Но самую худшую сторону своей натуры Иван Грозный проявил в отношении к детям. Пытаясь развить в старшем сыне Иване властолюбие и способность к величественно немилосердным поступкам, царь рано вовлек его в оголтелые оргии с изнасилованиями и убийствами. Похоже, стареющий монстр на троне своего добился, ибо Иван-младший во всем старался походить на отца, без сомнения истязая, насилуя и калеча беззащитных. Но судьба сыграла с Грозным злую шутку. Меняя жен сыну по своему усмотрению и с твердостью, не подлежащей обсуждению, царь отправил в монастырь двух невесток и сосватал, наконец, третью. Однако и тут переменчивый характер государя, непредсказуемые смены настроения и эмоциональных состояний привели однажды к безудержной вспышке гнева, когда он избил в спальне несчастную беременную женщину. У Елены случился выкидыш, а вступившийся за нее Иван-младший получил смертельный удар царским жезлом в висок и скончался через десять дней. Впрочем, современный исследователь Эдвард Радзинский не склонен верить легенде, распространенной папским послом Поссеви. Опираясь на мнение академика Герасимова, осуществлявшего анализ останков через несколько столетий и так и не сумевшего восстановить череп Ивана-младшего из-за слишком больших повреждений, писатель уверен, что «Иван не просто убил – он убивал…» Вступившийся за царевича боярин Борис Годунов был изранен до неузнаваемости, а «зверское избиение» царем своего сына закончилось смертью последнего. Похоже, фобии стареющего деспота превратились в навязчивые полубредовые состояния, и даже родной сын попал под подозрение как возможный зачинщик переворота. Впрочем, некоторые современники царя в переписке указывали, что после новгородского побоища между отцом и сыном наметился явный раскол, и не исключено, что у напряженного до предела от страхов и маний Ивана Грозного нервы не выдержали – произошло чудовищное убийство собственного отпрыска.

В заключение короткого представления царя Ивана IV стоит вспомнить замечательную и емкую оценку С. Соловьева: «Как государь Грозный совершил величайшее преступление: он

развратил народ, уничтожая в нем всё выдающееся, героическое, славное». Ученый удивительно точно подметил, что зараза деструктивного способна распространяться и даже принимать характер эпидемии. В какой-то степени можно говорить о столь высокой подверженности человека негативному влиянию производных самых низменных инстинктов, что это явление при определенных условиях может превратиться в психотропное зомбирование. Именно этим деструктивные мотивации опаснее всего, в них заложена безумная страсть человека к самоуничтожению. В этой связи нельзя не вспомнить точную и поучительную оценку Н. Карамзина, сравнившего правление Ивана IV с монголо-татарским нашествием.

Пройдя по жизни бесплодным, несостоявшимся творцом, царь-убийца, лишившийся даже здорового наследника, понимал, что его жизнь не удалась, что его имя, которое он хотел прославить в веках, уже навечно проклято тысячами убитых и замученных и будет с ужасом и болью проклято потомками. И поэтому как последний крик души добровольного изгоя слышен мучительный предсмертный стон послания того, кто мог, но не сумел сохранить целостность своей личности и святость любви: «А я, пес смердящий, кого могу учить и чему наставлять и чем просветить? Сам вечно в пьянстве, блуде, прелюбодеянии, скверне, убийствах, грабежах, хищениях и ненависти, во всяком злодействе…»

Иосиф Сталин (Иосиф Джугашвили) (21 декабря 1879 года – 5 марта 1953 года)

Диктатор Советской империи (1929–1953 гг.) и символ тирании

Высшее наслаждение – выявить врага, приготовиться, порядком отомстить и затем спокойно спать.

Слова Иосифа Сталина, сказанные во время неформальной беседы с Каменевым и Дзержинским

Будьте уверены, что у нас не дрогнет рука.

Иосиф Сталин в телеграмме Ленину

«Появившиеся после смерти Сталина многочисленные разоблачительные материалы не оставляли никаких сомнений относительно того, что его имя войдет в историю как символ тирании», – написал в начале своего детального исследования феномена Сталина американский историк Роберт Такер.

Так с кем же мы имеем дело в лице Иосифа Джугашвили-Сталина? С поразительно целенаправленным человеком, не обладавшим выдающимися талантами, однако прошедшим путь от крестьянских низов до руководителя крупнейшей державы-империи, которой он единолично, как царь, управлял более тридцати лет? С мрачным безумцем, для которого власть и властвование были единственной ценностью и который для укрепления своих позиций создал и активно использовал машину истребления людей? С великим преступником, проводившим в отдельно взятой, отгороженной от всего мира стране геноцид против своего народа? Но кем бы он ни был в коллективном восприятии потомков, речь идет, прежде всего, о появлении в якобы цивилизованном мире гигантского дерева агрессии и

насилия, проросшего из маленького упрямого ростка, о смеющемся над миром «злом гении», более опасном, чем смертоносный гриб ядерного взрыва.

Детство: точка преломления

Иосиф был единственным уцелевшим ребенком из четырех детей в семье Виссариона и Екатерины Джугашвили, что, несомненно, сыграло ключевую роль в становлении характера будущего руководителя Советского государства. Важным штрихом к его появлению на свет явился тот факт, что его молодая мать (когда родился Иосиф, ей было немногим больше двадцати лет) уже успела похоронить троих детей. Это предопределило удивительно трепетное отношение матери к своему Сосо, вечную боязнь потерять его и даже превращение процесса воспитания мальчика в настоящий культ. Благоговейное отношение к отпрыску еще больше усилилось после того, как тот перенес тяжелую оспу. А еще позже, когда мальчику было десять или одиннадцать лет, в толпу людей, в которой находился и он, на полном ходу врезался тяжелый фаэтон. Ошарашенная случившимся, Екатерина едва не сошла с ума от ужаса, боясь потерять и четвертого ребенка: она разразилась дикими воплями, когда в дом доставили не приходящего в сознание Сосо. Но все обошлось, и напоминанием о жутком случае, чуть не ставшем трагедией, Иосифу до конца жизни служил не до конца сгибающийся локтевой сустав левой руки.

Если с матерью будущего диктатора связывала глубокая привязанность и любовь, то к отцу он испытывал чувства скорее противоположные. Виссарион отличался крайне непримиримым и даже злобным нравом. В то время как Екатерина в упорных попытках поправить сложное материальное положение семьи ночи напролет просиживала за швейной машинкой, ее беспечный муж преспокойно пропивал большую часть заработанных в мастерской денег. А затем нередко избивал и жену, и маленького сына, что вряд ли способствовало появлению у Иосифа чувства уважения и любви к отцу.

Что же вынес Иосиф Джугашвили из сурового детства, пронизанного нищетой и семейными ссорами, насильственно-садистскими выпадами отца и беззаветной любовью матери? Как ни странно, женской идентификации не произошло, поскольку в силу национальной традиции мать, ободряя сына в любых начинаниях, не позволяла себе чрезмерной, бросающейся в глаза опеки. Последнее было бы недопустимым и вызвало бы насмешки

в кругу сверстников Сосо, где он неизменно был лидером и заводилой.

Эдипов комплекс у Иосифа был обострен до крайности и порой находил выражение в открытой борьбе с отцом, на что очень редко отваживаются мальчики. Однажды он даже бросил нож в отца, убежал из дому и спрятался у соседей. Однако, как это ни прискорбно, характер Иосифа постепенно впитал ненавистные ему садистские замашки отца, его злобность и взрывоопасность. В этом, несмотря на мучительные угрызения совести, он стал отражением своего родителя.

И мать, и отец, каждый по-своему, рано заставили его почувствовать себя мужчиной, причем уверенным в себе и идеализировавшим себя. С одной стороны, он ощущал себя другом и защитником матери, пользовался ее абсолютным доверием и жил ее установками на успех. С другой – он выиграл символическое сражение с отцом, который неожиданно умер от ножевого ранения, полученного в пьяной драке. Хотя отец умер, когда Иосифу было лишь одиннадцать лет, говорят, он не испытывал никакого чувства скорби или сожаления. Родной отец, с которым он вел борьбу за мать, ушел со сцены, канул в небытие, то есть в восприятии мальчика проиграл. Это еще больше укрепило его уверенность в своей силе и несокрушимости; втайне он гордился, что отныне становится единственным мужчиной и хозяином в семье. Но, возненавидев отца, Иосиф усвоил именно его мужские принципы – суровую бескомпромиссность и грубость в борьбе. К ним прибавилось еще и устойчивое желание мстить, взращенное в период бессильной ярости от отцовских побоев, когда он был не в состоянии противостоять силе взрослого мужчины. Иосиф надолго запомнил согревшее его тайное ощущение удовлетворения, посетившее его со смертью буйного родителя, словно это не случай, а он сам отомстил за мать. Впрочем, жажда мести также была свойственна и Виссариону Джугашвили, осетину по национальности, несшему в крови скрытую страсть к вендеттам.

Есть еще один любопытный нюанс, имеющий отношение к детским годам Сталина. Дочь Сталина Светлана рассказывала, что мать, бывало, сама колотила сына за проступки. Такие взаимоотношения в семье, где и мать, и отец достигали результата путем причинения физической боли, породили акцентуацию Иосифа на грубых насильственных актах по отношению к соперникам и конкурентам. Постоянная жажда испытывать завораживающее чувство власти над другими стала с некоторых пор корректировать поведение Иосифа. Детство дало ему несколько мощных раздражителей в виде стремления к чужой

боли, желания мстить за любой акт несогласия и критики. Хуже всего, что эти раздражители были впущены в его подсознание на фоне вытеснения любви; хотя ему и окружающим казалось, что мать является бесспорным объектом любви Иосифа, на самом деле, рано развившиеся эгоцентризм и нарциссизм потеснили все, что не касалось его собственной особы. Это множество раз проявлялось в революционные годы и особенно в период диктатуры.

Крайне важным, если не одним из ключевых моментов становления Иосифа Джугашвили было приобщение к книгам. Хотя предпочтение на первых порах отдавалось грузинским авторам (а потрясение от книги Александра Казбеги привело даже к появлению псевдонима Коба), вскоре он, как и его товарищи по духовной семинарии в Тифлисе, оценил положительную сторону принудительной русификации. Русский язык дал сознанию Иосифа колоссальный объем пищи для размышления, причем на смену русским авторам и переводам популярных европейских писателей вскоре пришла и запрещенная литература, которая, естественно, пользовалась повышенным спросом у молодежи. Поэтому неудивительно, что на смену Руставели, Гоголю, Чехову, Гюго и Теккерею скоро пришли более чем прогрессивные произведения о французской революции и, наконец, труды Дарвина, Маркса и Ленина.

Закономерным кажется и эпилог учебы в семинарии. Джугашвили оставил учебное заведение, как только осознал, какие неожиданные перспективы открывает карьера профессионального революционера. Его подкупала свобода действий в организации нападений, его возбуждал кровавый террор, аргументированный необходимостью достижения равноправия сначала для обитателей отдельно взятого города, страны, а потом всей планеты. Это была удивительная идея, которая могла маскировать все – любые стремления, любую агрессию, любую жестокость. Это был масштаб, ради которого стоило рисковать, вгрызаться в глотки врагов и, если надо, уничтожать соратников. Это было такое поле деятельности, где повсюду распространяется власть инстинктов, которые безраздельно властвуют над разумом и диктуют свои законы. И это, ко всему прочему, был колоссальный, красиво аргументированный маневр: внедряясь в мировую сеть расползающегося марксизма, можно было легко расширить границы своих владений, перейти от маленькой Грузии к большой России. А может быть, выйти на европейский или даже на планетарный уровень влияния. Одно представляется бесспорным: представляя себя героем своего времени, Иосиф

Джугашвили мыслил с размахом, масштабно, оперировал исполинскими категориями. Он стремился владеть, причем в своих тщеславных помыслах собирался владеть очень многим, потому твердо решил помалкивать о своих желаниях и планах в среде, где подавляющее большинство было озабочено более насущными задачами.

Путь к власти. Асимметричная война с конкурентами

Приход Иосифа Джугашвили в лагерь революционеров стимулировался как суровой неотвратимостью унизительного социального положения, так и сильными психологическими установками на лидерство. Низкий социальный статус на фоне растущих амбиций и внушенной матерью уверенности в своих талантах был в сознании молодого Джугашвили самым мучительным грузом.

Учеба в духовной семинарии с почти тюремными правилами, жесткими ограничительными рамками, способствовавшими смирению, претила склонной к смуте натуре Сталина. В детстве познавший такие мощные раздражители, как физическая боль, насилие и доминирование в социальное группе, Иосиф Джугашвили уже не мог добровольно отказываться от поиска границ действия этих раздражителей. Поэтому когда в духовной семинарии он услышал о тайно действующих революционно настроенных кружках молодежи, то тотчас примкнул к ним. Первое время участие в этих замаскированных очагах свободы сводилось к отвержению существующего миропорядка и получению знаний об альтернативном развитии общества. Однако с появлением специальных знаний неуклонно возрастало и желание молодых людей принять участие в изменении мироздания, выделиться и занять новые позиции на социальной лестнице. Лидер по натуре, Иосиф Джугашвили тонко уловил, что эта деятельность в силу своих рисков, постоянной опасности и угроз может позволить ему выдвинуться и занять особое место в революционной иерархии. Растущая тревожность горца, затянутого в смирительную рубашку семинариста, требовала разрядки. Ему, с одной стороны, было необходимо поле для геройства и признания, а с другой – его подсознание, как сверхточный локатор, искало удовлетворения щемящего желания вновь почувствовать силу тех раздражителей, которые он вынес из раннего периода формирования своей идентичности. Засевшие глубоко в памяти, эти противоречивые ощущения тайно стремились к выходу наружу, возможному лишь в условиях

адекватного восприятия поступков общественным мнением.

Революционное движение для молодого Джугашвили, его кипящего сознания сыграло роль своеобразного клапана: он нашел в нем и необходимые духовные символы, и революционный дух, и ориентиры на будущее в виде судеб признанных обществом борцов, которыми восхищались и из которых в общественном сознании лепили образы героев. На революционеров равнялись не только семинаристы. Тот же Ладо Кецховели, ранее высланный из Тифлиса за подрывную деятельность, стал путеводной звездой для многих из числа восприимчивой к новым политическим веяниям молодежи. Гибель этого несгибаемого грузина только подняла дух остальных, настроив на волну непримиримой борьбы. Но, борясь, Иосиф Джугашвили искал свое личное счастье. Идея перестройки миропорядка представляла интерес, но лишь в контексте личного возвышения и всеобщего признания, причем гораздо более широкого, чем у борцов типа Ладо Кецховели. Он не желал так легко сложить голову и искал иной путь, который бы привел к первенству в рядах единомышленников. Изворотливый ум Джугашвили уже выдвигал новые схемы возвышения, основанные на утверждении своей позиции лидера силой и агрессивным напором, направленным на своих же соратников. Ради перспективы возвышения он также не жалел сил и в приобретении марксистских знаний. Когда необходимость борьбы диктовала свои условия, он мог сосредоточиться и впитывать в себя новые знания, ведь это было его оружие в борьбе за первенство среди своих. Действительно, стоит признать высокий уровень организованности молодого человека. Уже через несколько лет после присоединения к революционному течению он овладел завидными знаниями по теории марксизма, детально познакомился с трудами Ленина, Плеханова и ряда других «апостолов революции». Он без раздумий оставил семинарию и активно включался во все революционные проекты, которые сулили признание. Публичная «просветительская» деятельность в среде рабочих, участие в выпуске газеты «Брдзола», постоянные выступления в кружках стали неотъемлемой частью продвижения в вожаки.

Впрочем, и в это время, и позже Иосифу Джугашвили чего-то не хватало для того, чтобы реально стать признанным всеми лидером. Не исключено, что проблема заключалась в изначальной психологической установке на приобретение пространства силой, на распространенную в среде горцев ставку на физическое и психологическое превосходство и необходимое для этого давление на окружающих. Вполне возможно, что

захватнические мотивации, как и более поздние стремления реализовывать свои планы непублично (из-за кулис), усиливались физическими недостатками. Действительно, непригодный к службе в армии из-за негнущегося локтевого сустава, молодой человек ростом не выше 160 см, с изъеденным оспой лицом и пожизненным акцентом, должно быть, чувствовал себя не особо уютно в кругу глубоко увлеченных самообразованием и размышлениями над серьезными проблемами мироздания интеллектуалов. Во всяком случае, гипертрофированная агрессивность Джугашвили проявлялась всегда, а Дж. Кеннан даже не исключает возможности участия молодого революционера «в актах бандитизма и шантажа» на начальном этапе революционного движения. Неизвестно, на чем основано такое предположение исследователя, однако оно вполне отвечает характеру самого Джугашвили и его подходам к самореализации.

В какой-то мере Джугашвили сдерживала и необходимость говорить по-русски, а также отсутствие присущего интеллектуальной элите воспитания, основанного на глубоком понимании психосоциальных процессов и причинно-следственных связей. В силу этого у молодого профессионального революционера всегда были могучие соперники из среды колоритной интеллигенции, в его мозгу, как темные тени, витали болезненные навязчивые мысли о том, что многочисленные соратники-конкуренты только и ждут момента, чтобы оттеснить его от лидерства, выдавить с занятых позиций. Эти фобии очень скоро стали мрачными пожизненными спутниками Иосифа Джугашвили: вечный ужас утраты будущего величия из-за соперничества и развитое вследствие этого стремление мстить мнимым обидчикам уязвленного тщеславия.

Оценивая «кавказский период» революционной деятельности Иосифа Джугашвили, следует подчеркнуть, что он уже тогда начал строить свою тактику не столько на актах против власти и укреплении очагов коммунистического движения, сколько на агрессивных нападках на соратников, ущемлении прав и возможностей отдельных групп революционного движения. Он уже тогда прослыл отъявленным смутьяном, оказался замешанным в сомнительных внутриорганизационных конфликтах и даже обвинялся в клевете на товарищей, а также противодействии избранию рабочих в управленческие структуры. В силу конфликтов с товарищами ему даже пришлось оставить Тифлис и переехать в Батум. Тем не менее, в целом радикальная деятельность Джугашвили позволила ему произвести на участников революционного движения на Кавказе впечатление несгибаемого бойца и вполне обоснованно рассчитывать на

позиции одного из лидеров. Он действительно зарекомендовал себя непримиримым и геройски настроенным борцом (согласно энциклопедиям советского периода, до революции 1917 года он восемь раз был арестован, семь раз попадал в ссылку и шесть раз бежал из Сибири). Впрочем, западные авторы находят этому и другие объяснения. В частности Дж. Кеннан если и не склоняется к этой версии полностью, то все же говорит о веских основаниях полагать, что в период между 1906 и 1912 годами Сталин являлся осведомителем тайной полиции. Среди аргументов исследователь называет заметную лояльность полиции к подрывной работе этого революционера в этот период и, напротив, демонстрацию жесткой позиции после 1912 года (именно в 1913 году он был осужден и сослан в отдаленное место на севере Сибири, где провел долгих четыре года, вплоть до освобождения в результате государственного переворота 1917 года). Но если Джугашвили и содействовал полиции, то вовсе не из-за денег или желания смягчить свою участь. Единственное, что безраздельно владело его помыслами, была власть, и если царские ищейки могли помочь ему продвинуться в рядах революционеров, теоретически он мог бы принять такое рискованное предложение. А вот после 1912 года, когда Сталин неожиданно был избран в Центральный Комитет, контролируемый большевистской партией, связь с полицией, если таковая имела место, становилась ему явно невыгодной. Таким образом, из этого не до конца проясненного эпизода в биографии будущего тирана можно сделать один вывод: он, бесспорно, был готов жертвовать ради власти и признания всем, его маниакальное стремление к лидерству отметало в сторону не только опасности и риски, но и любые принципы морали и дружбы.

Крайне важным для понимания натуры Сталина является следующее замечание многих исследователей его жизни: будни коммунистического строительства не только не приносили ему никакого успеха, но даже отодвигали на задний план в сравнении с другими партийцами. Впрочем, не только будни. Будущий исполин советского строя был совершенно дезориентирован в период революции. До приезда Ленина он даже настаивал на сотрудничестве с Временным правительством. А во время самого Октябрьского переворота от этого человека не последовало ни одной инициативы, он не совершил ни единого шага, который позволил бы считать его причастным к преобразованиям миропорядка. Сталин был во время ленинской революции лишь скромным наблюдателем за происходящим, изредка выполняющим поручения политических лидеров.

Иосиф Джугашвили всегда был и ощущал себя слабее тех, кто

так же, как и он, претендовал на роль лидера пролетарского движения. Уровень Ленина казался недосягаемым, впрочем, не только для него. Троцкому Сталин заметно уступал в широте взглядов, динамике и диапазоне мышления. Зиновьев, Каменев и особенно Бухарин выигрывали своей интеллигентностью и широтой интеллекта. Свердлов был куда более авторитетным администратором партии. Рыков, занявший формальный пост председателя Совнаркома после смерти Ленина, казался более гибким и динамичным в отношениях с товарищами по партии. Более того, даже партийцы типа Кирова, Фрунзе или Дзержинского порой выглядели привлекательнее в восприятии властной номенклатуры, чем непримиримый грузин. Казалось, сама среда, предполагающая межличностную коммуникацию в своем же социальном окружении, была ему чужда. Но Джугашвили-Сталин в конце концов сумел переиграть всех. И сделал он это благодаря напористости, последовательности и бульдожьей хватке во всем. Затаенная злоба и зловещая молчаливость выжидающего в засаде хищника, а также демонстрация показного спокойствия позволили этому человеку, фанатично устремленному к власти, победить. Теперь он мог наметить планы окончательного уничтожения своих соперников и начать последовательную многоуровневую и многоплановую борьбу с ними. Его, как смертельную опасность, просмотрели все, кроме Ленина, но последний в то время был уже безнадежно болен, чтобы бороться с надвигающимся злом.

Превращение посредственного Иосифа Джугашвили в могучего и непоколебимого вождя Сталина осуществилось благодаря одному из феноменов, присущих деструктивным личностям: в то время, когда претенденты на лидерство совершенствовали свои стратегии, направленные на успех партийной деятельности и достижение реальных результатов в массах, на внутриполитическом поприще и внешней арене, Джугашвили-Сталин вел поиски совсем в ином направлении. Размышления над своей самореализацией всякий раз уводили его мысли к схемам ликвидации конкурентов. А совершенствование своих возможностей и оригинальных инициатив, которые могли бы выделить его как бесспорного лидера, оказывались в этих схемах на втором или даже третьем плане. Хотя было бы неверным считать, что партийные лидеры Страны Советов всю свою энергию устремляли только на процветание нового государства, именно Сталин привнес в соперничество за роль преемника после смерти Ленина яркую деструктивную составляющую, разросшуюся до масштабов катастрофы для всех проигравших.

Единственный человек, которого он временно не рассматривал как врага, был Ленин. Однако тут и проявилась главная хитрость Сталина: признавая Ленина как бесспорного вождя и лидера, тихий и сдержанный, но мрачно-решительный Сталин постарался сблизиться с ним и стать надежным товарищем, способным выполнять любые, даже самые деликатные поручения. И, по всей видимости, развитая интуиция и природная изворотливость не подвели Иосифа Джугашвили, потому что Ленину были нужны преданные и проворные люди, которые способны на продвижение самых радикальных проектов, часто без учета норм морали. Ведь и сам Ленин прошел долгий путь острых дискуссий с тем же Троцким, и Ленину для утверждения себя в качестве вождя также необходимы были преданные сторонники. Впрочем, чем ближе Ленин узнавал Сталина, тем меньше человечности вождь пролетариата обнаруживал в своем молодом сподвижнике. Зато Сталин с лихвой компенсировал свои недостатки рвением в выполнении особых поручений и миссий. Сталин решил очень много собственных проблем за счет беспрецедентного сближения с вождем. Находясь на третьих ролях, он сумел максимально использовать имидж и придать некоторое величие своей неколоритной фигуре.

Из всех большевистских лидеров лишь Ленин понимал, какую опасность представляет собой Сталин, и готовил к XII съезду партии «бомбу» в виде отстранения Сталина, но здоровье не позволило ему осуществить свой план. Зато именно на этом форуме в 1923 году проявил себя Троцкий, который неожиданно откровенно продемонстрировал, что готовится занять место Ленина после его смерти. Но в качестве целей Троцкий почему-то недальновидно выбрал не Сталина, а Зиновьева и Каменева, что позволило Сталину виртуозно сыграть на стороне последних против Троцкого. Сталин использовал старые подпольные методы борьбы, например, руками преданных помощников распространял антитроцкистскую литературу. Он опубликовал также старые письма Троцкого, в которых тот нелестно отзывался о вожде пролетариата. Удар Сталина оказался на редкость точным и эффективным: если до смерти Ленина и до начала его культа это могло рассматриваться как вполне естественные элементы политической дискуссии, то после 1924 года это выглядело предательством и кощунством. В итоге, создав мощный блок против Троцкого, этого претендента номер один за каких-то два года раздавили, превратив в политический труп. Длительная подковерная работа Сталина способствовала созданию в восприятии партийцев нового понятия – «троцкизм», которое по своему значению становилось противоположностью «ленинизма».

Троцкий не выдержал напора многочисленных и тщательно продуманных атак, подав в отставку с поста наркома обороны. Но пока довольные Зиновьев и Каменев потирали руки, Сталин уже плел паутину для них, параллельно сближаясь с набравшим политический вес Бухариным. Маневрирование Сталина происходило так незаметно и маскировалось таким партийно-политическим пафосом, что неискушенному среднему звену партийцев и чиновников очень сложно было заподозрить Сталина в том, что во главу угла всякий раз были поставлены его личные интересы. Например, для полного уничтожения левой оппозиции во главе с Троцким (к которому примкнули слишком поздно разгадавшие замысел Кобы Каменев и Зиновьев) Сталин использовал шумные партийные дебаты об индустриализации, объединившись в этой борьбе с Бухариным. Уже в 1926 году Сталину удалось вывести Троцкого, Зиновьева и Каменева из состава Политбюро, а еще через год, во время проведения XV съезда партии, исключить из ее членов (то есть отлучить от управления государством) не только основных игроков во главе с Троцким, но и более 70 наиболее видных представителей оппозиции. Среди прочего, это был суровый урок всем тем, кто шел по пятам за лидером и подумывал, на кого сделать ставку в карьере. И если Сталин всегда слыл опасным и неумолимым, то именно в 1927 году он впервые так явно продемонстрировал собратьям по социалистическому строительству, кто есть кто.

Как только с Троцким было покончено, Сталин с присущей ему предельной осторожностью принялся за подготовку уничтожения Бухарина. Это был последний крепкий орешек, которому подчинялось правительство (в лице его председателя Рыкова), профсоюзы (в лице их руководителя Томского), могучая партийная газета (главным редактором которой оставался сам Бухарин) и, наконец, Московская парторганизация (возглавляемая Углановым). Но этим позиционным преимуществам Сталин традиционно противопоставил беспринципность и радикализм в методах и формах борьбы, которые опирались на притянутые за уши ленинские догмы. В личной борьбе за власть он всегда оперировал такими понятиями, как «раскол» и «предательство дела партии». В стычке с бухаринцами краеугольным камнем стал вопрос «раскулачивания», но на самом деле таким вопросом мог оказаться любой другой, который мог бы развести Сталина и его умеренных соперников по разные стороны баррикад. Оппозиционеры потерпели поражение как раз из-за своей умеренности, рационализма и сосредоточения на самом предмете дискуссии, а не на борьбе. Сталин же, действуя беспощадно и

бескомпромиссно, благодаря своей бульдожьей хватке сумел привлечь громадное число сторонников и выдавить оппозиционеров из всех занимаемых ими управленческих клеточек в партии и государстве. Нет сомнения, что большинство присоединившихся к Сталину сделали это из чистого страха оказаться в числе поверженных: осознавая правоту Бухарина и его сторонников (как раньше правоту Троцкого с левым оппозиционным крылом), они, тем не менее, ощущали животный напор генсека и поддались ему. Так к своему пятидесятилетию, которое было с помпой отмечено партией в декабре 1929 года, Сталин единолично встал у штурвала партии и империи. Именно с этого момента должность генерального секретаря партии стала ключевой.

Как указывает Дж. Кеннан, на Сталина все время давило тяжелым грузом «бремя личной незащищенности». Сталин, сам ненавидя весь мир, считал, что к нему этот мир относится так же. Именно это толкало Сталина на совершенно неожиданные для его соратников неадекватные действия. Прошло совсем немного времени с момента приобретения абсолютной власти в государстве, и Сталин встал на открытый путь уничтожения своих былых соратников. Теперь, когда любые его действия неизменно трактовались как благо для государства и защита партии, он был опьянен безнаказанностью. На поверхность начали всплывать те раздражители, которые он до этого прятал от окружающих. Теперь пришло время вспомнить о тех людях, которые когда-то не подчинились ему или чем-то обидели его самолюбие, а также о тех, кто мог затмить его своей оригинальностью, яркостью и способностью генерировать привлекательные и действенные идеи.

Но самым губительным и вечно свербящим раздражителем деструктивной натуры Сталина стала его боязнь несоответствия навязанной миру собственной роли и того, что было в действительности. Он содрогнулся от ужаса, что кто-то недостижимый (например, за границей) или его неблагодарные потомки сумеют разглядеть его реальные устремления. Этот жуткий голос изнутри толкал Сталина на все новые преступления, на уничтожение целого поколения, которое с детства не испытывало животного страха перед его именем. Этот подтачивающий сознание червь заставил Сталина пойти на геноцид 1932–1933 годов, чтобы на деле реализовать свои подходы к национальному вопросу и заставить бояться целые нации и народы. И эта же неизлечимая болезнь оказалась стимулом для формирования совершенной машины репрессий под названием ГУЛАГ, которая, среди прочего, давала Сталину

дешевую рабочую силу для создания памятников себе в виде каналов и городов, возведенных на костях заключенных.

Многочисленные чистки рядов партии помогали Сталину решать многие задачи одновременно. Во-первых, он устранял конкурентов на лестнице власти. Во-вторых, он ликвидировал всех тех, кто знал человека Иосифа Джугашвили, оставляя в живых лишь тех, кто готов был принимать вождя Сталина. И в-третьих, Сталин путем устрашения и создания империи ужасов воздействовал на инстинкты своих приближенных и всего народа, не оставляя никаких иных моделей поведения, кроме почитания и рабского благоговения.

И все же почему, став Сталиным, Иосиф Джугашвили повел тайную непримиримую борьбу против своих соратников? Ведь, по логике вещей, он мог бы выдвинуться на первые позиции за счет дальнейших успехов в борьбе с врагами. На первый взгляд, стратегия Сталина выглядит странной и лишенной здравого смысла. Но если вглядеться в структуру личности этого человека, многое станет понятным и совершенно логичным. Внедрившись в ряды большевиков и надев на себя маску борца за идею, воинственный, гордый и мстительный потомок горцев очень быстро ощутил гигантский разрыв между своим узким внутренним миром и широтой взглядов интеллектуалов международного коммунистического движения. Его неспособность к креативному мышлению на фоне их ярких идей давила и унижала его, вызывая все те же ощущения ущербности и углубляя фрустрацию непризнанности.

Стратегия аппаратной войны и интриг. Особые свойства сталинской деструктивности

Любопытно, но Сталин почти на всех этапах захвата власти партией и в управлении государством проявил себя никчемным менеджером и бездарным организатором. Пожалуй, ни одно дело, за которое он брался лично, не увенчалось успехом. Он прозевал революцию и долго не мог приклеить свое имя к этому знаменательному для партии событию, он провалил работу на Царицынском фронте, он напрочь загубил порученный ему Лениным Рабкрин, затем прошел через цепь гигантских провалов на внутриполитическом поприще социалистического строительства. Первый пятилетний план привел СССР к глубокому и продолжительному кризису, спасение от которого Сталин усматривал в импорте европейских средств производства. Позже ему пришлось методом жестокого кровопускания

собственному народу внедрять в массовое сознание мысль, что проблемы индустриализации вызваны активной подрывной работой и шпионажем западных государств. Множество пропагандистских судилищ стало вынужденной кровавой декорацией к сталинской индустриализации.

Самым же потрясающим, гигантским по размаху оказался просчет Сталина в его ставке на дружбу с Германией. Осознав, какую ошибку он совершил и в какую катастрофу вверг страну, мнимый лидер всех времен и народов впал в тяжелую депрессию. Лишь через три часа после сообщения о нападении Германии Сталин сумел дать команду обороняться. А выступить лично перед народом смог только через 10 дней после начала войны. Р. Такер выдвинул уникальную гипотезу, которая, по всей видимости, является верной. Он утверждал, что Сталин прятался за дружбу с Германией, ибо не верил, что обескровленный им и истощенный Советский Союз выстоит в борьбе с агрессором. Неумолимый и беспощадный захватчик боялся большей силы, чем представлял он сам. Косвенным подтверждением гипотезы знаменитого исследователя является то, в каком отчаянии и удрученном состоянии был Сталин после того, как узнал о стремительном захвате Франции.

Но террор с его показательными процессами продемонстрировал и нечто другое: отсутствие какой-либо ответственности за чудовищное истребление миллионов невинных людей. Новым приятным открытием советского лидера оказалось то, что он сумел вызвать всеобщий панический страх своей деятельностью. Сталин не преминул воспользоваться страшным оружием, испытывая, вероятно, от массового садизма едва ли не физическое наслаждение. Когда он порой лично указывал, каким образом организовывать пытки, то как будто мстил окружавшим его людям за унижения детских лет и за пренебрежительное отношение к себе во время борьбы за власть. Стоит вспомнить, что Сталин оказался первым, кто после прихода к власти партии большевиков приказал пытать политических заключенных. Именно с этого момента он позволил себе открыто наслаждаться людской болью, заменив садистскими устремлениями присущую человеку жажду любить и творить.

Его деструктивное, как гигантский солитер, выползло на свет божий и показалось миру.

Особое удовольствие диктатору доставляло наблюдение за внешними изменениями и внутренней психологической борьбой своего ближайшего окружения. Как указывает Виктор Шейнов, он устраивал высшим функционерам партии чудовищные испытания на верность делу и преданность ему лично, арестовывая их

близких и творя по отношению к ним произвол. К примеру, в лагерь была отправлена жена Молотова, а жену Калинина пытали, чтобы «выбить» компрометирующие мужа показания. Таких случаев бесчисленное множество, и ключевым моментом в их понимании является то, что Сталин явно наслаждался унижением людей. Впрочем, что касается Полины Молотовой, то она была последней, кто имел доверительный разговор с женой Сталина Надеждой перед ее самоубийством (или убийством), а Сталин хорошо знал, что взрывная и почти неконтролируемая эмоциональность женщин может сильно ему навредить. Вообще, он, по всей видимости, считал женщин менее управляемыми и менее подвластными его дьявольской методике «сладкой мести», потому избегал общения с ними, а тех, кто знал хоть что-то о его темной стороне, предпочитал либо держать подальше, либо просто уничтожал. Кроме, конечно, тех сладострастных случаев, когда женщина служила объектом воздействия на конкурентов-мужчин. Так, он впервые не удержался и позволил себе насладиться давлением на больного Ленина с помощью грубого оскорбления Крупской. Но тогда ему еще приходилось лавировать между другими лидерами партии, а вот после смерти своей жены и особенно после убийства Кирова Сталин уже совершенно безбоязненно предался своей страсти всепоглощающего доминирования над людьми и пространством. В этом проявилось ужасающее деструктивное начало деформированной личности Джугашвили, последовательно лепившего из себя великого революционера и государственного деятеля Сталина. Диктатор, на самом деле ощущавший неуверенность в себе, нуждался, как больной диабетом в инсулине, в постоянных подтверждениях своего величия. Болезненная неуверенность проявлялась даже в таких мелочах, как ношение обуви на высокой платформе (чтобы казаться выше ростом) или стремление стать на ступеньку выше в групповом фото. Так или иначе, Сталина постоянно жгла мысль, что мантия великого человека, которую он вознамерился на себя надеть, слишком велика для него.

Несмотря на то, что медики однозначно ставят Сталину безрадостные диагнозы: от прогрессирующих шизоидных черт и приступов паранойяльного психоза (Личко) до прогрессирующей паранойи с определенно выраженной манией преследования (Бехтерев) – величайший вождь всех времен и народов в своей борьбе против мира продемонстрировал редкую последовательность. Сначала он уничтожил старых большевиков, знавших революционера Кобу, порой незадачливого и недалекого, затем он сменил руководство карательного органа – НКВД, убрав оттуда чекистов из старой большевистской гвардии, а заодно и

сумев замести следы предыдущих преступлений. Наконец, чтобы обезопасить себя от возможного военного переворота, он истребил всех военачальников, кроме нескольких преданных ему лично командиров, чьи организаторские способности вызывают большие сомнения. Это были люди типа Ворошилова и Буденного, которые ничем не проявили себя как военные специалисты, кроме готовности кричать «ура» во время атаки. Сталину было выгодно окружить себя верными посредственностями – на их фоне его личность в восприятии окружающего мира современников приобретала ореол особой значимости.

Еще одной плоскостью проявления деструктивного в личности Сталина стало его отношение к собственной семье. Несомненно, семья была тем необходимым довеском, который служил фоном для идеального борца за счастье рабочего класса. Кроме того, почтительное и почти благоговейное отношение к Сталину Надежды Аллилуевой, девушки из семьи профессионального революционера, которая была моложе его на тринадцать лет, первоначально и служило той необходимой энергетической подпиткой болезненному самолюбию, требовавшему постоянного подтверждения величия. Но, лишенный способности любить и развивающий в себе лишь жажду поглощения, Сталин со временем начал демонстрировать откровенную враждебность и вопиющую грубость к близким. Сына от первого брака Якова он просто игнорировал, чем чуть не довел до самоубийства (попытка Якова застрелиться имела место), к детям от второго брака практически не проявлял интереса. Жену он довел до самоубийства, чем окончательно подтвердил, что в семье не нуждается. Он даже не появился на ее похоронах и ни разу не навестил ее могилу. Знаковым моментом является тот факт, что время расправы с женой совпадает со временем начала активного действия культа личности. То есть Сталин отыскал иное, более действенное и более масштабное подтверждение своего величия, чем могла дать семья. А развитая с годами асексуальность, возникшая, по всей видимости, в силу направленности энергии на достижение власти, а также неспособность учитывать чьи-либо потребности, интересы и желания привели к вытеснению семьи как таковой из сознания как фактора, который мешает продвижению его главной идеи-фантома – властвования над миром. Это подтверждается и некоторыми оценками медиков. Например, руководитель отделения Московского научно-исследовательского института психиатрии профессор Гофман при изучении личностных характеристик тирана особенно акцентировал внимание на его

холодности к детям и внукам, а также на отсутствии привязанности к кому бы то ни было.

Стоит также обратить внимание на чрезмерное увлечение Сталина атрибутами так называемого приобретенного, или формального, авторитета. Он прекрасно понимал, что воздействие на массы осуществляется как раз этими символами, которые выступают заменителями его личности. И если свою личность с посредственными качествами он тщательно прятал, то его болезненное тщеславие требовало выпячивать эрзацы, ставшие заменителями реального человека. Он инициировал присвоение себе звания Героя Социалистического Труда и Героя Советского Союза, присвоил себе сначала звание маршала, а затем и генералиссимуса. Любопытно, что даже через много лет после его смерти мало у кого возникали вопросы по поводу того, как человек, который никогда не служил в армии, получил высшие военные звания. Не менее интересным для понимания глубинных проблем личности Сталина является его желание не только реально, но и формально иметь статус полного правителя государства: перед войной с Германией он вдруг стал еще и председателем правительства, а с началом войны – председателем Государственного Комитета Обороны и Верховным Главнокомандующим. Кризис государства и народа он мастерски использовал для основательного укрепления своего статуса, пытаясь привить поклонение имени Сталина даже будущим поколениям. Но стоит ли говорить, что все эти действия, присвоения и искусственная масштабизация образа были вызваны одним-единственным: горьким осознанием своего несоответствия исполняемой роли, требованием вечно гонимого, приглушенного тщеславия получать все новые формальные подтверждения состоятельности личности. Как и все деструктивные личности, в глубине души осознающие неискоренимость собственных психологических проблем, он обожал всякие видимые, материализованные признаки собственного величия, которые, как он полагал, могут надежно прикрыть отсутствие духовного развития. А практическим подтверждением ощущения неполноценности являются факты, указывающие на преклонение Сталина перед авторитетами мирового значения. Он, например, не посмел уничтожить Булгакова и ежился от боязливой мысли, что Горький однажды выскажется о нем нелестно. Всю жизнь во власти он посвятил тому, чтобы приблизиться к лежащему у Кремля Ленину, тайно мечтая о месте рядом с ним. То ему чудилось, что он на пороге вечности, то он, как мальчик-коллекционер, собирал автографы у признанных политических лидеров других стран.

Как всякая деструктивная личность, Сталин не ведал иного способа влияния на мир, кроме реального физического воздействия. Известный сталинский вопрос: «Сколько дивизий у Папы Римского?» – говорит о многом, и в частности об отсутствии духовного мерила величия и абсолютном непонимании сути гуманитарного влияния на мир. Человек, не способный к созиданию, он усматривал роль сильного исключительно в физическом могуществе, доминировании над более слабым. Чуждый понимания того, что истинное величие человека может быть выражено лишь в созидательных продуктах раскрепощенного и свободного разума, Джугашвили-Сталин сам загнал себя в узкие рамки лишенной перспектив тупиковой формулы жизни: «подавить и заставить бояться – господствовать». В глубине души, осознавая эфемерность своих усилий, этот стоящий над страной и моралью человек в течение всей жизни тайно презирал себя – за неспособность стать великим творцом. Это ужасное и мучительное ощущение порождало ненависть ко всему остальному миру, став источником едва ли не самых грандиозных и чудовищных преступлений за всю историю человечества.

Адольф Гитлер (20 апреля 1889 года – 30 апреля 1945 года)

Основатель Третьего рейха, преступник, до сих пор приковывающий внимание миллионов

Как женщина, которая предпочитает подчиняться сильному мужчине, а не господствовать над слабосильным, так же и массы любят повелителя больше, чем просителя, и внутренне их гораздо больше удовлетворяет доктрина, не допускающая никакого соперника, чем благодеяния либеральной свободы; часто они не знают, что делать с этой свободой, и чувствуют себя покинутыми.

Адольф Гитлер. «Майн Кампф»

Любопытно, но об Адольфе Гитлере написано и снято несоизмеримо больше, чем о любом подлинном творце, о любом действительно великом преобразователе, несущем в мир красоту, любовь и радость. Этот феномен искаженного восприятия действительности массовым сознанием достоин пристального внимания и тщательного исследования, ибо крайне опасным для будущего человечества является восхищение убийцами и разрушителями. Мы не откроем ничего нового, если заметим, что именно страх перед грозной и неведомой силой чьего-то несгибаемого духа, пусть злого и отвратительного, заставляет мир преклоняться пред мрачной и неистребимой волей властвовать и сокрушать. От фигуры Гитлера исходит опасность, и, с одной стороны, люди проникаются беспокойством, думая о возможности появления нового исчадия ада, а с другой – их подкупает ощущение силы, несущей, как ураган, беспощадное истребление всему живому и вызывающей завораживающее ощущение сладкого ужаса. Ведь каждый из живущих знает, что глубоко внутри его естества также упрятаны демоны, дремлющие

или глубоко спящие, или скованные, однако одним своим присутствием толкающие к познанию бездны…

Детство, раскалывающее надвое

Адольф Гитлер появился на свет в семье мелкого буржуа, в которой жизнь главы семьи служила доказательством возможности изменить социальный статус благодаря настойчивым усилиям, трудолюбию и уважению к долгу. Судьба матери, напротив, оказалась тривиальной демонстрацией примитивной женской роли в провинциальном обществе австрийской глубинки. На двадцать три года моложе своего довольно уважаемого в округе мужа, она сначала прислуживала в доме при жизни его прежней жены. Более того, она состояла в родстве с Алоисом Гитлером и, по всей видимости, была племянницей своего будущего супруга, потому что для заключения брака потребовалось специальное разрешение духовенства. Этот нюанс важен еще и потому, что из шестерых детей этой странной пары выжили лишь двое: Адольф и его младшая сестра. Скорее всего, смерти его троих предшественников, как и смерть младшего брата, довлели над мальчиком уже в детском возрасте, заставляя невольно размышлять над тем, каким образом он один остался в живых и не является ли этот факт каким-то небесным знаком. Уже в детские годы Адольф отдавал должное таинственному Провидению, которое, как он полагал, было явно на его стороне. Отразилось на формировании характера мальчика и двусмысленное положение его матери, которая, как отмечают биографы Гитлера, так и не сумела стать полноценной хозяйкой дома, ощущая себя то приближенной служанкой строгого таможенного служащего, то родственницей, которую попросили присмотреть за домом. Очень похоже, что это болезненное ощущение неполноценности, усиленное ужасом очередной потери ребенка, стали предвестником тех страхов и фобий, которые предопределили пожизненные истерию и многочисленные комплексы будущего первого нациста в истории, ту ущербность, которую он будет компенсировать в течение всей своей жизни.

Действительно, само появление Адольфа на свет казалось неким не подвластным анализу чудом. Поэтому, когда незримые и могущественные силы спасли четвертого мальчика, ему неожиданно досталось все то, что предназначалось разделить на четверых. Мать потакала всем желаниям сына, всячески и незаслуженно одобряя любые его действия. Она внушила сыну

непоколебимую веру в его исключительность, заодно развив нетерпение к любому промедлению в выполнении его желаний, потому что такие случаи сопровождались припадками ярости и истерии. Но с ее смертью в самом Адольфе навсегда умерла едва зародившаяся способность любить. Некоторые исследователи, например, Джин Ландрам, отмечают, что он обожал ее до религиозного фанатизма и постоянно носил с собой ее портрет. Этот портрет стоял на тумбочке перед его кроватью до конца жизни, и его нашли в подземном бункере в Берлине после того, как вождь нацистов покончил с собой. Стоит обратить внимание еще на одну деталь, которую приводит Иоахим Феста: «…Потеряв столько детей, она [мать Гитлера] обратила всю свою заботу на двоих оставшихся, забота же эта обычно проявлялась в материнской слабости и податливости, и сын вскоре научился хорошо этим пользоваться». Исследователь нашел ответ на вопрос о первопричинах зарождения гигантского эгоцентризма и чудовищного себялюбия в маленьком мальчике, который с каждым годом становился все более неуправляемым. Скорее всего, старшие дети Алоиса от первого брака не имели на мальчика никакого влияния, потому что он надолго был огражден заботливой матерью от какого-либо воздействия извне. Юное ненасытное создание поглощало все ее энергию и силу, любовь и ласку. Если для нее, кроме выжившего сына, ничто не имело большего значения – ведь в этом крылось доказательство ее женской состоятельности для супруга, которого она боязливо называла «дядя Алоис», – то для самого мальчика ее любовь давала возможность ощутить себя маленьким божеством, посланником Неба, для которого открыто и доступно все в этом мире. Похоже, что чувства Клары еще более усилились, когда появившийся вслед за Адольфом мальчик вскоре умер. Выжившей же дочери Пауле при наличии потрясающе непримиримого Адольфа, заслонившего собой все остальное и всех остальных, уже ослабевшая от постоянных родов мать просто не могла дать столько же энергии и любви. Фактически все ее силы, как и вся ее материнская любовь, достались сыну.

Когда она умерла, Пауле едва минуло десять, тогда как характер восемнадцатилетнего Адольфа уже сформировался. Именно огромная материнская любовь и способствовала появлению у взрослеющего Гитлера удивительно устойчивой и высокой самооценки, которую не смогли сломить и разрушить или даже пошатнуть его многочисленные неудачи. Падая на дно общества, он всякий раз умудрялся с гордо поднятой головой смотреть вверх, отказываясь признавать себя представителем низшего социального слоя.

Довольно важной представляется информация американского психоаналитика Вальтера Лангера, который по заказу американской разведки осуществлял исследование личности Гитлера. Опираясь на свидетельства информаторов в Германии, он отмечал, что отец Гитлера был очень привязан к первому сыну (которого тоже звали Алоис), рожденному за семь лет до Адольфа, но мачеха всяческими ухищрениями настраивала его против старшего сына, стараясь обратить его внимание исключительно на своего любимого Адольфа. В конце концов, она даже сумела убедить своего мужа не отправлять Алоиса на учебу в техническую школу, а «сэкономить деньги для образования их сына Адольфа». Разумеется, маленький Адольф не мог не ощущать своего исключительного положения в доме и фанатической опеки матери, которые сформировали его непостижимый, поистине дикий эгоизм.

Смерть матери поразила и привела Адольфа в состояние растерянности, но не изменила его мрачных наклонностей и устремлений. Если отец был всегда слишком поглощен собой и гораздо больше заботился о внешнем восприятии своего облика окружающими, нежели о проявлении реальных чувств, то мать напитала его силой своей любви, которая и поддерживала на плаву этого с виду чудаковатого молодого человека. Сиротство, надо полагать, усилило его разрыв с окружающим миром. Но с сиротством он получил и некоторые ресурсы, позволяющие парить определенное время в невесомости. Несмотря на полный провал двух поступлений в художественную школу в Вене, он, величая себя то художником, то писателем, то начинающим архитектором, слонялся по австрийской столице, со странной бессистемной старательностью изучая архитектуру, беспрестанно посещая театры и музеи, бездельничая и все больше погружаясь в мир своих восхитительных фантазий. В них он неизменно был героем, преображающим мир, а тем временем пропасть между реальностью и миром его ощущений все возрастала, и Адольф в глубине души осознавал это, потому что абсолютно исчез из поля зрения родственников.

Отказавшись от понятных среднему человеку ориентиров, на которые указывал ему отец, и не найдя новых, Гитлер испытывал смутный стыд, все еще веря в свою исключительность и величие. Со временем, когда иссякло небольшое наследство, Гитлер все больше стал ощущать двойное давление. Снизу его уже поджимал страх скатиться в бездну нищенского существования, а сверху тяжелым прессом давило желание проявить себя, доказать свою состоятельность и получить признание. Он жил в вопиющей дисгармонии, которая наполняла его душу озлобленностью и

ненавистью. Оценивая период становления Гитлера, Эрих Фромм дает панорамную картинку деформации личности будущего предводителя нацистов. «В своей жизни Гитлер как бы поднимался по ступенькам неудач: нерадивый учащийся, исключенный из средней школы, провалившийся на экзаменах абитуриент, изгой, отлученный от своего класса, неудавшийся художник – каждое поражение все глубже ранило его нарциссизм, все больше его унижало. И с каждой неудачей он все дальше уходил в мир фантазии. В нем нарастала ненависть, крепло желание мстить, развивалась некрофилия, уходившая корнями, по-видимому, еще в детские инцестуальные наклонности».

В значительной степени на формирование характера будущего диктатора повлияло противоречивое отношение к отцу и скрытый конфликт с ним. С одной стороны, он глубоко внутри признавал достижения своего родителя, дослужившегося до должности старшего таможенного чиновника, с другой – жаждал для себя больших масштабов деятельности. Есть еще один важный нюанс в тайном соперничестве Гитлера со своим отцом. В самом начале пути взрослеющий Адольф, взирающий на себя как на будущего великого человека, с явным пренебрежением относился к достижениям предка, которые могли быть оценены лишь на бытовом, или обывательском, уровне. Любая чиновничья карьера имела свой потолок и потому отвергалась самонадеянным юношей; ему нужно было нечто, дающее право находиться в стороне и выше той мелкой буржуазии, которую он презирал и которая не принимала его, отвергая за неприспособленность и непрактичность.

На дне. Путь к социальному статусу

На «венский период» жизни Гитлера приходится пик его фрустрации. Когда иссякло родительское наследство и он уже не мог пребывать в состоянии невесомого дремотного парения над пространством и временем, а падение на дно общества, в беспросветную нищету и тьму с каждым днем стало неотвратимо приближаться, он был вынужден начать действовать. Положение стало угрожающим для самооценки и целостности личности, поэтому с этого момента размытые дилетантские размышления и мечтания о перестройке Вены, сооружении гигантских мостов и создании выдающихся художественных произведений отошли на второй план, освободив место более четким планам в направлении сохранения своего социального статуса. Когда обнищавший и обтрепавшийся Гитлер неожиданно обнаружил

себя в ночлежке и, наконец, осознал, что период изысканного мотовства с вальяжным посещением опер отошел в прошлое, ошалевший, он с головой окунулся в ремесленничество. Теперь Гитлер на время позабыл барские привычки и трость из слоновой кости; его в это время занимали дешевые картинки, которые малевались для единственной цели – прожить и обеспечить свое физическое выживание. Как справедливо подчеркивает Фест, «социальное неуважение было для Гитлера намного тягостнее, нежели социальная нищета, и если он и впадал в отчаяние, то страдал не из-за отсутствия порядка в этом мире, а из-за недостаточной роли, которая выпала на его долю». За непризнанность и отвержение Гитлер все больше ненавидел окружающих и весь мир, но именно эта ненависть заставляла молодого нигилиста искать нечто, что могло бы лечь в основу его идеи.

В то же время не стоит недооценивать действий Гитлера в тяжелый «венский период», длившийся три с половиной года и ставший чередой угнетающих падений. Уже в это время молодой Гитлер размышлял не только над своими полубредовыми планами перестройки городов, направленными на возвеличивание собственного имени. Он, хотя и бессистемно, но довольно настойчиво искал нишу для себя, ежедневно перелистывая газеты и отдавая предпочтение радикальным воззрениям некоторых современников. Он соприкоснулся с Вагнером, Ницше, Шопенгауэром, Дарвиным, Лебоном, но не для изучения, а для поиска необходимых для создаваемой им новой теории аргументов. Это то, что Фромм назвал «учебой по цитатам», он занимался натаскиванием самого себя для тщательной маскировки невежества. Гитлер пристально наблюдал за колебаниями общественного мнения, его более всего интересовали устремления масс, и угнетаемый собственной никчемностью молодой человек с восторгом принимал для своей будущей идеологии некоторые понятия типа расовой непримиримости и ненависти к евреям. Пожалуй, главным в «венском периоде» скитаний оказалось то, что он уловил подспудное деструктивное начало в людских массах, а также понял, что эту темную сторону человеческого естества легче всего пробудить именно в массах, которые в своем коллективном стремлении к разрушению существующих табу способны легко преодолеть любые каноны нормальности. Он, и возможно, небезосновательно, полагал, что тот зверь, который сидит в нем и изнутри подталкивает его показать миру злобный оскал, также присутствует и в душах многих других, особенно у неудовлетворенных, примитивно тщеславных и лишенных идей

людей. Не исключено, что таких большинство, и освобождение обывателя от рамок дозволенного возможно лишь в толпе, где теряется чувство ответственности и размывается страх перед наказанием за преступления. Вот что ему нужно – возглавить оголтелые толпы, как и он, жаждущие признания и возвышения. Ведь сам он не страшится ответственности, он – воитель и вождь. Он почувствовал в себе готовность навязать миру новую систему ценностей, основанную на безжалостном насилии и истреблении слабых.

С самого начала жизни, с момента самоидентификации и до последнего момента Адольф Гитлер был занят только собой; его исключительный, не поддающийся коррекции или влиянию нарциссизм и поражающий масштабами эгоцентризм стимулировали лишь к одному: изыскать возможность властвовать, покорять, заставить весь мир поклоняться себе как идолу. Обретя на войне социальную идентичность, подкрепленную солидным списком наград, он мог двинуться дальше лишь по единственному пути – восхождению по милитаризованной лестнице, где воля разрушителя ведет к достижению военной и политической власти, компенсирующей жизненную ущербность, творческую неполноценность и человеческую несостоятельность. Именно Первая мировая возвратила ему социальный статус, а ревностное исполнение своих обязанностей предопределило серьезную трансформацию характера. Хотя он проявлял свое женское мазохистское начало готовностью подчиняться и исполнять поручения старших по должности, тем не менее, психоаналитики отмечают заметные изменения в структуре его личности. Например, если раньше его вполне устраивало нахождение среди грязи и отбросов общества, то на войне он становится необыкновенным, поражающим сослуживцев чистюлей. Возвращаясь из окопов, Гитлер часами чистит мундир, вызывая недоумение и насмешки других солдат. Он же подсознательно намеревался очиститься от прежней грязи, от своих комплексов и мазохистских наклонностей. Несмотря на преобладающее среди исследователей феномена восхождения Гитлера мнение о том, что после прихода к власти он искусно сфабриковал ряд легенд о своих подвигах и утроил список наград, будущий фюрер действительно был хорошим солдатом. Он обрел новую реальность, на войне его фантазии впервые вплотную приблизились к подлинному миру. И хотя один из офицеров позже признавался, что никогда не назначил бы «невротика Гитлера» командовать даже маленькой группой людей, для «ефрейтора Гитлера» война послужила новым отсчетом времени. Более того, поражение Германии и подписание

унизительного для Берлина Версальского договора Гитлер воспринял очень лично, как пощечину, и, похоже, именно с этого времени сообразил, что его идеология может и должна базироваться на возвышении Германии. Идея изменения миропорядка вряд ли понятна широким массам, а вот идея возрождения Германии, которую поставили на колени, должна быть с ликованием воспринята ущемленными немцами.

Именно на войне офицеры приметили удивительные способности Гитлера убеждать своих сослуживцев, и в результате по окончании военных действий его направили на курсы, после которых он силой своей пропаганды должен был укреплять сознание солдат в правильности навязываемой идеологии. Отныне работой бывшего бродяги и исправного солдата становится политическая демагогия, которая все больше захватывала его по мере роста аудитории. В ходе этой работы Гитлер забрел на собрание ДАП – Немецкой рабочей партии, основанной Антоном Дрекслером. Присоединение к политическому течению и успешный вывод его в публичное русло благодаря все той же зажигательной смеси демагогии и яростных призывов к тяжеловесным баварцам сорвать с себя маски добродетели определили сначала центральное место Гитлера в партии, а затем и его лидерство. За три года он сумел сделать партию реальной политической силой (переименованной в НСДАП – Национал-социалистическую рабочую партию через полгода после появления в ней Гитлера).

Взлет и падение жаждущего смерти

Он двигался к власти с маниакальной страстью, что позволило оттеснить соперников и добиться безоговорочного успеха во время массовых мероприятий. Именно Гитлер настоял и написал программу партии, именно он определил врагов отечества и взял в руки карающий меч. Простому же немцу, задавленному кризисами и падением экономики начала 1930-х годов, предлагалось счастливое существование и стабильный рост благополучия, чего они не могли не принять с благодарностью и благоговением. Многие факты свидетельствуют если не о мировом доминировании, то о гигантском скачке настроений в пользу пангерманизма и создания нового рейха. Один из самых красноречивых – приезд Гитлера в Вену после аншлюсса (включения Австрии в состав Германии), где, вопреки опасениям, его встречали толпы ликующих австрийцев. Исследователь феномена восхождения Гитлера Йозеф Штерн вполне справедливо

настаивает на том, что личность фюрера и готовность масс воспринимать простой и понятный каждому образ его мышления и заявления способствовали созданию прочного взаимообогащающего единства. И после тщательного анализа ситуации кажется не таким уж удивительным, что толпы безработных (в феврале 1932 года число безработных превысило 6 млн) усмотрели в фигуре Гитлера весомую альтернативу сложившейся ситуации.

Американские психоаналитики в своем исследовании определили Гитлера как невротического психопата, которого преследуют постоянные фобии, а жизнь похожа на вечный фильм ужасов, просматриваемый в одиночестве. Именно эти ужасы толкали Гитлера на действия, суть которых сводилась к тому, чтобы любой ценой обрести значимость в обществе и забыть о своей ущербности, непризнанности и связанном с нею удушающем ощущении неполноценности. Ведь не случайно он стремился стать то художником, то архитектором, то величал себя писателем. Это было не столько враньем, сколько попыткой фантазера навязать окружающему миру миф о своей значительности.

Чтобы понять личность Гитлера, следует обратить особое внимание на его отношения с женщинами, ибо они являются отражением его общей психологической установки. Был ли в действительности фюрер развратником и извращенцем, остается большим вопросом. Подробное исследование немецкого журналиста Нерина Гана отношений нацистского вождя с противоположным полом, и особенно с Евой Браун, не только не содержит подобных утверждений, но даже лишено намеков такого плана. В то же время Мюллер – Хегеманн в исследовании психологии главного немецкого фашиста отмечает его «импотентность и крайнюю асоциальность». Другой исследователь, Макнайт, более осторожен в формулировках, называя импотенцию Гитлера «предполагаемой», а мазохистские извращения «приписываемыми». В то же время Хлебников, ссылаясь на якобы имевшую место исповедь дочери сводной сестры Гели Раубаль, с которой Гитлер имел интимную связь, указывает на его «стойкий интерес к моче, фекалиям и слизи», а также на сексуальные предпочтения «урнинга (т. е. гомосексуалиста) и мазохиста». Многие авторы упоминают эпизод с киноактрисой Ренатой Мюллер, которую он вынуждал пинать себя обнаженного ногами в страстном порыве мазохистского акта. В этой связи представляется удивительным, что Ева Браун, воспитанная в духе строгих пуританских ценностей и религиозности, могла бы решиться на подобные

сексуальные игры. Еще более невероятным кажется, что такое большое число женщин – а у Гитлера в итоге было немало любовниц – решилось на участие в извращениях. Впрочем, можно предположить достоверность этих данных, потому что Гитлер демонстрировал совершенно новую форму вовлечения в свое пространство: представая героем, он, как спрут, обволакивал понравившуюся женщину нежностью и обходительностью. Человек, который в юности страшился даже заговорить с девушкой, а во время Первой мировой войны был едва ли не единственным в своем подразделении, кто вообще не получал писем, вместе с властью обрел гипертрофированную потребность в женщинах. «Женщины любят героев. Герой дает женщине ощущение безопасности», – объяснял он доступность для себя представительниц противоположного пола, ведь сам он представлялся себе всесильным бойцом, идолом и пророком в одном лице. И ему верили…

Очень ценным для понимания внутреннего мира Гитлера представляется предположение Эриха Фромма о том, что «с женщинами, стоявшими ниже его, сексуальные отношения складывались по анально-садистскому типу, а с женщинами, вызывавшими его восхищение, – по мазохистскому». Независимо от сексуальных предпочтений ключевой составляющей отношений Гитлера с женщинами являлся их социальный фактор. Скорее всего, не заводивший никаких романов до своего утверждения в НСДАП Гитлер не мог не чувствовать своей ущербности как мужчина. Его желаниям мало способствовали полунищенское существование и неясный социальный статус. Когда же он достиг влияния и власти, его зажигательная сексуальность и жажда страсти вместе с вулканическим потоком энергии убеждения вырвались наружу. Женщины не могли не чувствовать эту притягательную жизненную силу, томившуюся в течение долгих лет, как в темнице, внутри его ущемленного естества, и потому многие из них откликались на эти импульсы, завораживающие их вместе с ощущением близости к беспредельной власти, внешними атрибутами мужского превосходства и непременной галантностью, на которую не скупился лидер нацистов.

Вполне можно сделать предположение, что восприятие Гитлером женщин как бы раздваивалось. Для него существовали две категории женщин: первые ему были необходимы для получения сексуального наслаждения, вторые – для доказательства своего величия, как обрамление некоего геройского действа и победоносного шествия. К первым относились такие женщины, как Хенни Гофман, Гели Раубаль, Ева

Браун или Юнити Митфорд, и их главными качествами были собачья преданность, покладистость и готовность удовлетворять любые желания фюрера. Для них он был всесильным и имел статус бога, а сексуальное наслаждение имело больше оттенков властвования, обладания, слишком мало напоминая любовь. В жизни Гитлер относился к ним пренебрежительно. Гели Раубаль покончила с собой, не выдержав оков золотой клетки. После двух выстрелов в голову ушла из жизни и англичанка Юнити Митфорд. За два года до окончания войны выбросилась из окна еще одна страстная почитательница фюрера – Инге Лей. Пыталась повеситься и Мария Рейтер – юная любовница Гитлера периода восхождения к власти. Несколько покушений на собственную жизнь осуществляла и Ева Браун, пытаясь привлечь внимание того, кого она обожествляла. Со временем именно она стала единственной приближенной фавориткой, и Гитлер даже изменил ее статус – диктатора покорила невероятная, фанатическая преданность этой глуповатой и весьма примитивной женщины. Ева Браун стала женой Гитлера потому, что сама согласилась на смерть с тем, кого считала мистическим воплощением зла. Он же, уже разрушенный до основания духовно и физически, решился осуществить акт бракосочетания за день до смерти, ибо все его зло, вместе с актом смерти, было задумано им как великий фарс и позерство, призванные запечатлеть жаждущую признания фигуру в истории.

Другая когорта женщин принадлежала к высшему свету, они были узнаваемы, обладали редкими талантами, острым умом и были неприступны для обычных мужчин. С ними не было необходимости заводить романы, потому что их присутствие на официальных приемах и застольях должно было подчеркивать высокий статус лидера немецких фашистов, их лояльность и улыбки служили пищей для его ущербного, уязвимого самолюбия. Биографы тирана упоминают имена таких неординарных женщин, как жена богатого фабриканта Елена Бехштейн, жена авторитетного издателя Эльза Брукман, сестра влиятельного и близкого к Генри Форду Эрнста Ганфштенгля Эрна, известные актрисы Ольга Чехова и Лили Дагобер… Одним словом, Гитлер старательно использовал представительниц прекрасной половины человечества для своего позиционирования и создания привлекательного обрамления к портрету. Расположение женщин было необходимо ему не меньше, чем присоединение земель, победы на полях сражений и низвержение миллионов себе подобных. Он упивался даже не властью, а процессом властвования. Поэтому к сильным женщинам его тянуло, а слабых он сам манил, как гигантский магнит.

Женщины, как и весь остальной мир, оставались лишь материалом, необходимым Гитлеру для достижения своей цели – властвования. Он в течение всей жизни был и оставался лишь разрушителем, только в демонстрации колоссальной силы и способности становиться эпицентром потрясений усматривая для себя смысл жизни. Не стоит покупаться на некоторые его идеи, кажущиеся конструктивными, такие как, например, содействие автомобильному производству «Фольксваген» и строительству автобанов. И эти задачи, и им подобные, даже реализованные якобы для блага Германии, как, например, расширение жизненного пространства за счет возвращения ранее аннексированных земель, а затем Австрии и Чехословакии, имели первой целью не обеспечение лучшей жизни немцам, а закрепление его личных достижений, замешанных на все растущих способностях ущемлять интересы ближних. Еще в своей программной книге «Майн Кампф», за десятилетие до прихода к власти, Гитлер возвестил о планах захвата России, прикрывая это необходимостью борьбы с евреями. «Широкие массы слепы и глупы, они не ведают, что творят» – в этом заявлении Гитлера отражена его модель отношения к окружающему миру.

Стратегия одержимого иррациональным

Надо признать, что в ходе бескомпромиссной борьбы за власть Гитлер проявил себя умелым тактиком, а порой и виртуозным игроком. Заигрывание с властью и хитроумное варьирование ролями, вплоть до смиренного и покладистого блюстителя законов, всегда были частью игры лидера НСДАП, запутывая и конкурентов, и саму власть. «Я же не могу заявить им, что намерен их расстрелять», – заявил он как-то соратникам по партии, указавшим на успех крайнего радикала Людендорфа. Несмотря на свои агитационные заявления, он очень даже умел тихо договариваться и многое обещать тем, в чьей поддержке нуждался. Так, едва его партия оказалась второй на выборах в парламент, а сам он превратился из зарвавшегося выскочки в реального влиятельного политика, Гитлер тотчас предпринял неафишируемую поездку по всей стране с целью проведения серии встреч с промышленниками и финансистами.

Адольф Гитлер достаточно хорошо усвоил законы психолингвистики и влияния на массовое сознание. Труды Гюстава Лебона стали его настольной литературой задолго до того, как он вознамерился встать во главе партии. Зажигая аудитории разного калибра, этот одержимый властью фанатик с

достаточно ограниченным умом всегда уверенно оперировал безапелляционными и резкими формулировками, поражая воображение публики. Он ошеломлял простотой изложения, подкрепленной энергией уверенности, командным тоном и сложными модуляциями голоса. Это не было даром небесным, это были способности, развитые продолжительными тренировками, чтением, изучением опыта ораторов-современников и размышлениями. Гитлер очень скоро овладел искусством воздействия на самую чувствительную область восприятия путем создания жестких и даже омерзительных картин, неизменно вызывая шокирующие ассоциации, которые хорошо запоминались аудиторией и побуждали к действиям в силу отсутствия альтернатив. Так, максималистские призывы типа «Либо утром в Германии будет национальное немецкое правительство, либо мы будем мертвы» стали его постоянными спутниками во время многочисленных митингов и демонстраций. Естественно, что свои речи Гитлер строил на поиске и уничтожении «врагов», которыми поочередно выступали то евреи, то «банды пиявок» – спекулянтов и ростовщиков, то советский режим, то трусливое правительство или унизительный для нации Версальский договор. Распекая евреев, Гитлер предрекал мировою опасность и смертельную перспективу для человечества, которое может оказаться «в объятиях этого полипа». А характеризуя Советский Союз, он оперировал такими ярлыками, как «команды красных мясников» или «коммуна убийц». Уже достигнув высшей власти, он признался: если бы евреев не было, то их следовало бы выдумать. «Нужен зримый враг, а не кто-то абстрактный».

Нередко он прибегал и к фальсификациям, среди которых видное место занимали откровенные провокации. Например, в подконтрольной партии газете он велел напечатать одно якобы французское стихотворение с повторяющейся, как рефрен, строчкой: «Мы поимеем, немцы, ваших дочерей». А перед началом войны с Польшей фюрер организовал театрализованное нападение эсэсовцев, переодетых в польскую форму, на немецкую территорию. С теми, кто пытался с ним спорить, он расправлялся такими методами. Например, участвующим в дискуссиях женщинам он указывал на дырку в чулке, орал, что их дети завшивели, и всяческими иными способами выставлял на посмешище.

При этом лидер НСДАП демонстрировал поистине сногсшибательную работоспособность. Как указывает Ирина Черепанова в своем исследовании суггестивных аспектов языка, только во время одной из последних избирательных кампаний перед приходом к власти он провел не менее 180 тысяч (!)

митингов. А первую часть книги «Майн Кампф» Гитлер создал всего за три месяца, стуча, как заговоренный, «двумя пальцами на допотопной машинке».

Написание книги решило сразу несколько задач. Во-первых, его узнавали по всей стране (его популярность росла пропорционально усилению реального политического влияния НСДАП и ее лидера). Во-вторых, он заявил о создании новой модели мира, который намеревался строить, разрушив существующие устои, и наконец, он ловко преобразовал свою биографию, представив ее как долгое восхождение через тернии нищенского и одинокого существования, борьбу с непреклонным отцом-угнетателем и нескончаемые усилия на поприще самообразования. Перекроив свою биографию, устранив из нее все свои многочисленные поражения и промахи, Гитлер представил себя героем, готовящимся и закаляющимся для решения глобальных проблем, для выполнения миссии, дозволенной свыше. Несмотря на суровую критику специалистов, насмешки над витиеватым и излишне вычурным стилем, книга решила поставленные задачи. Более того, исследователи утверждали, что немалые гонорары за издание наряду с растущими субсидиями из партийной кассы позволили ему даже купить и перестроить дом. Последнее свидетельствует о том, что реклама имени Гитлера действовала отменно уже во второй половине 1920-х годов, способствуя внедрению идей в головы миллионов немцев даже в тех случаях, если книга просто просматривалась.

Возвеличивание себя и отождествление своего образа с образом мессии у Гитлера уже ко времени достижения власти превратилось в навязчивую идею. Однако все насмешки и упреки исследователей рассыпаются, как песочный домик, если вспомнить, что беспрестанные напоминания Гитлера о своей миссии и исключительном историческом значении на фоне реальных достижений в виде превращения Германии в первое государство в Европе сделали свое дело. Заявления типа «Я выполняю команды, которые мне дает Провидение», «Божественное провидение пожелало, чтобы я осуществил исполнение германского предназначения» или «Но если зазвучит Голос, тогда я буду знать, что настало время действовать» стали обычной формой влияния на окружение. И эта форма оказывалась особо действенной, когда приходилось иметь дело с умными и образованными людьми. Таинственное и неведомое, наделенное гигантскими силами и могуществом, обезоруживало интеллектуалов и безотказно действовало на инстинкты масс, превращая их в покорные стада, ожидающие своего поводыря.

Однажды Гитлер заявил Раушнингу: «Мои товарищи по партии не имеют никакого представления о намерениях, которые меня одолевают. И о грандиозном здании, по крайней мере фундаменты которого будут заложены до моей смерти. Мир вступил в решающий поворот. Мы у шарнира времени. На планете произойдет переворот, которого вы, непосвященные, не в силах понять… Происходит нечто несравненно большее, чем явление новой религии».

Адольф Гитлер почти постоянно апеллировал к символике, упоминая свою божественность и предначертанность деяний. Он часто использовал слово «вечность», и вслед за ним это слово заговорщицки повторяли все глашатаи величия фюрера. Решившийся шагать по Европе рейхсканцлер уже в 1935 году называет погибших при Фельдхенхалле «мои апостолы». Позже с пафосом Гитлер провозгласил себя «знаменосцем веры», а слово «аминь» не раз повторял в своих экзальтированных речах. Вообще, в публичной жизни Гитлер исповедовал максимальную театрализацию событий. Пребывать в зоне внимания публики стало ненасытной потребностью его ущербной натуры, поэтому любое его перемещение сопровождали кортежи блестящих автомобилей, фанфары и оркестровая музыка. Он входил в залы под звучный марш и громогласные выкрики «хайль», всячески стараясь произвести впечатление, потрясти внешним блеском и атрибутами власти. Любую, даже самую маленькую победу он умел превратить в громадное событие, поражающее позерством актеров. Конечно же это производило впечатление на окружающих и способствовало пополнению рядов его приверженцев, преимущественно из числа неспособных к иной самореализации, кроме как через чины, высокие должности и достижение такого социального статуса, когда можно устрашать ближних.

Начав войну, фюрер облачился в военную униформу, чем подчеркивал, что все в рейхе, включая первое лицо, перешли на чрезвычайное положение военного времени. На самом деле тут была еще одна причина: человек, который поднялся до высшей власти за счет кризисов и катастроф, чувствовал себя уютнее и комфортнее в форме, отвечающей времени потрясений. Чем сильнее лихорадило мир, тем радостнее были ощущения главного поджигателя своего века. Процесс угнетения и ощущения себя всемогущим эксплуататором мирового масштаба доводил его ликование до умопомрачительного экстаза.

Адольф Гитлер всегда уделял серьезное внимание подбору ближайшего окружения, которое должно было с самого начала его восхождения воссоздавать образ большого двора с королем и

множеством придворных. И они же потом превратились в высокопоставленных и влиятельных чиновников Третьего рейха и глашатаев его величия. Кажется, именно способностью беззастенчиво восхвалять Гитлера обеспечил свое беспрецедентное возвышение Геббельс. А прикрыванием своим телом фюрера от холостых выстрелов – Гимлер. Борману Гитлер мог доверить любое, даже самое гнусное дело. Зато самодостаточные личности его пугали, и он безжалостно уничтожал их, как, например, Рэма. Любопытно, что единственным критерием Гитлера при отборе кадров была личная преданность фюреру, чего он никогда не скрывал. Относительно воров и преступников, окружавших его, он многозначительно заметил: «Их частная жизнь меня не касается». Гитлер никогда не придавал большого значения моральным качествам своих соратников и позволял им творить все, что заблагорассудится. Концлагеря, истязания неугодных, истребление конкурентов – им поощрялось все дьявольское, что прорывалось наружу у приближенных, потому что тут он с удовлетворением констатировал сходство со своими иррациональными, зверскими побуждениями. Пробудив чужих демонов, он не мешал им расти, возможно даже испытывая наслаждение от того, что взрастил и развил деструктивное в человеке в противовес вытравленному чувству любви к ближнему. Он не протестовал и против странных пристрастий своих приближенных. Кажется, его даже забавляло, что, например, Рэм и Гесс были гомосексуалистами, ненасытный и практичный Борман в любом деле, пусть даже за счет угнетения немцев, имел коммерческую выгоду, а Геринг и Геббельс, люто ненавидя друг друга, отчаянно плели интриги. Одним из методов управления людьми у Гитлера было расширение до безумных масштабов полномочий своих вассалов. Он позволял им совершать поступки, обнажающие нечеловеческое, то, что составляло часть их дремлющих подсознательных стремлений и побуждений, на реализацию которых они никогда бы не решились, если бы не были опьянены ощущением, что им дозволено все и расплаты не будет. Однако фюрер не забывал им напоминать, что он может в любую минуту уничтожить их. Были и редкие чистки, например, через год после прихода к власти он учинил кровавое «очищение» партии от тех элементов, в чьей преданности сомневался. Память об этом времени всегда напоминала приспешникам Гитлера, что его показная либеральность является лишь игрой, а его милость в любой момент может обернуться казнью.

Так в чем же феномен возвышения Гитлера? Не в том ли, что, пробуждая свое собственное деструктивное, он задевал такие же

струны, глубоко спрятанные в каждом слушателе его зажигательных речей и дьявольских призывов к расправам?! Он мастерски вызывал из глубины человеческого естества до того посаженных на цепь демонов смерти и вседозволенности, между строк обещая безнаказанность, возведенную в абсолют, для тех избранных, которые пойдут за ним. Он стал для мира жестоким и кровавым тестом, и человек XX века не устоял перед соблазном превратиться в пожирающее жизнь чудовище, которое живет в каждом, но его сдерживают моральные рамки и жажда созидания и любви. И если такой отъявленный фанатик с ограниченным умом, противопоставивший созиданию красоты и величию творчества решительное устремление воли к власти и разрушению, доказал миру возможность утверждения своих отвратительных принципов, значит, человечество еще не сумело создать такую могучую систему ценностей, которая при широком диапазоне свобод и возможностей самореализации личности отказывалась бы впустить в мир то, что несет мучения, разрушения и смерть.

Саддам Хусейн (Саддам Хусейн аль-Тикрити) (28 апреля 1937 года – 30 декабря 2006 года)

Президент Ирака (1979–2003 гг.), символ современной деструктивной власти

Если мы хотим править Ираком не только сейчас, но и в будущем, определять наши действия должен ум, а не чувства.

Слова Саддама Хусейна, обращенные к одному из его министров

История взлета и падения Саддама Хусейна несет в себе серьезные уроки. Пожалуй, наиболее интересными в этом смысле являются постепенные и последовательные изменения его личности. Достигнув высшей власти в государстве, он стал по мере укрепления своего положения терять чувство реальности и связи с окружающим миром. К концу царствования власть окончательно разложила его личность. Развращенный и ослепленный мифом о собственном величии, он казался сам себе несгибаемым титаном, неустрашимым посланником Небес, выполняющим важную миссию. Превращение в преследуемого человека в связи с падением режима стало для него самым большим и самым болезненным стрессом для этого человека, а показательное судилище – публичным разрушением монумента, который он создавал четверть века. Но еще более важен этот урок для остального человечества: мнимые гиганты, кичащиеся своим величием, исчезают, как песчинки, просеиваемые сквозь сито жизни, не оставляя ничего после себя, что могло бы воспламенять людей, порождать новые идеи и наполнять мир щедрым светом.

Закалка нищетой и ненавистью

Появление на свет Саддама в бедствующей крестьянской

семье в достаточно удаленной от Багдада провинции способствовало формированию в нем крайней агрессивности. Жизнь сулила ему слишком много страданий и слишком мало радостей. Вряд ли будет преувеличением утверждать, что первые годы жизни будущего диктатора были временем между жизнью и смертью, а весь период детства оказался длительной болезненной фрустрацией, банальной борьбой за физическое выживание, лихорадочным поиском своего места в мире, где его никто не ждал. Нищета в семье была настолько беспросветной, что мальчика не могли обеспечить самым необходимым, он рос, не имея даже нижнего белья.

Одним из основополагающих факторов формирования жестокого характера Хусейна и его неодолимой склонности к мести и методичному истреблению бывших соратников и друзей послужила смерть отца и жуткие притеснения ребенка отчимом. Отец, представитель беднейшей прослойки населения страны, умер еще до рождения сына. Согласно существующей традиции, мать выпша замуж за брата умершего мужа. Саддам был первенцем в семье, и на это стоит обратить внимание, потому что ему, по сравнению с другими детьми, досталась несоизмеримо большая часть материнской любви, но одновременно и беспрецедентная по величине доза жестокости и психологического насилия со стороны отчима. Он был как растение, которое если и получало живительную влагу, то тут же отравлялось смертоносным огнем. Можно только удивляться тому, что человек, лишенный способности любить, даже в зрелом возрасте вспоминал мать с невиданной нежностью. В то же время биографы говорят о том, что отчима маленький Саддам люто ненавидел, ибо нескончаемые оскорбления и побои были главным воспоминанием его безрадостного детства. Конечно, тут присутствовал и пресловутый Эдипов комплекс: мальчик не находил себе места от мысли, что ненавистный ему, почти чужой человек обладает его матерью, силой оттесняя его самого от объекта любви, унижая его достоинство и гордость. Озлобленность истязаемого звереныша постепенно перерастала в нем в непримиримую потенциальную враждебность ко всем окружающим и жажду мщения. Многие выдающиеся личности в истории испытывали в детстве нужду, и это давало им импульс к самостоятельности, развивало способности к выживанию в экстремальных условиях и генерированию собственных блистательных идей. Однако очень немногие люди, испытавшие в детстве унижение и неприятие, нашли в себе силы сосредоточиться на развитии собственной личности и двигаться по пути созидания, а не разрушения. Преодоление своей детской

ущербности и попытка доказать собственную самодостаточность путем еще большей агрессии, чем та, с которой довелось столкнуться в детстве, становятся гораздо более частыми попутчиками униженных и оскорбленных, и Саддам Хусейн пополнил их ряды, может быть, еще и потому, что у него просто не было особого выбора, не существовало иных альтернатив. И если, например, Бетховен, кроме побоев, пьянства и притеснения со стороны отца, знал еще и чудесный мир музыки, то Саддам не знал ничего, что помогло бы ему преодолеть фрустрации другими способами, кроме как с помощью разрушительной силы.

В раннем возрасте имела место женская акцентуация Саддама, она обеспечила быстро взрослеющему мальчику высокую самооценку, вскоре переросшую в фальшивое самомнение. Но в силу восточных традиций она все же не могла иметь решающего значения. Восприятие окружающего мира и себя самого в нем было заметно скорректировано властолюбивым и отчаянным дядей, у которого мальчик воспитывался приблизительно с девятилетнего возраста (часть биографов уверена, что дата рождения Саддама Хусейна не соответствует действительности). Если мать пыталась любовью ободрить сына и вселить в него уверенность в себе, то дядя наделил мальчика дополнительным зарядом ненависти и жажды отмщения за нищету и убогость мира, в котором они обитали. Похоже, что именно с дядей ассоциировался у него образ отца. И стоит отметить, что дядя, бывший армейский офицер и отъявленный националист, был склонен к авантюрным, даже крайне рискованным поступкам, а перед тем, как забрал Саддама к себе, провел несколько лет в тюрьме за участие в государственном перевороте.

В результате психологического и идеологического воздействия дяди из маленького Саддама вскоре получился непримиримый, готовый к бескомпромиссной борьбе и суровым испытаниям, нечувствительный к чужой боли человек, фанатично верящий в свою правоту и исключительные возможности. Ему внушили главную мысль: счастье возможно лишь в одном случае, если он вырвет его из рук других. Его детским героем стал знаменитый полководец Средневековья Салахаддин, родившийся в тех же местах и знаменитый тем, что изгнал христиан из Иерусалима. Из мусульманского сказания о выдающемся историческом персонаже будущий тиран вынес представления о необходимости быть безжалостным и терпеливым, а также готовность действовать до конца, не удовлетворяясь полумерами и ни с кем не разделяя победы. Нечеловеческие условия обитания и ориентация на инстинкты научили Саддама быть не просто

осторожным, но и крайне недоверчивым к окружающим. Он стал нелюдимым интровертом и думал о том, как сокрушить преграды, которые мешают изменить его жизнь. А история дяди и его рассказы служили Саддаму подтверждением, что он должен самоутвердиться в сообществе, в котором человек человеку волк. Действительно, в стране нищих и дезориентированных людей с исковерканными судьбами, жизнь которых ничего не стоила, существовал лишь один перекресток: в одну сторону от него шла дорога «медленного» самоубийцы, который позволяет довести себя до состояния тягловой клячи и, постепенно теряя силы, угасает; а в другую – дорога авантюриста и убийцы, сокрушающего все на своем пути и силой добывающего благополучие. Дядя внушил ему, что второй путь сулит больше возможностей, а мать вбила ему в голову мысль, что он справится с любым делом.

Об образовании Саддама Хусейна сказать что-то определенное трудно. Неграмотный крестьянский сын сумел освоить чтение и письмо лишь после переезда к своему дяде, поскольку в провинциальном местечке вообще не было школы. Живя у дяди, Саддам окончил шестилетний курс начальной школы и первый класс неполной средней. Зато с первых лет жизни мальчик начал осваивать ее главную школу – умение выживать. Его воинственно-злобный характер не нравился многим сверстникам, что нередко приводило к потасовкам и дракам. Железный прут, который он бесстрастно использовал для устрашения сверстников, стал первым действенным уроком жестокости и агрессии. Мальчику нравилось, что его силу уважают и боятся, и он мало задумывался над адекватностью применения своего оружия. Когда целью становится выживание и утверждение в сложном и достаточно агрессивном социуме, человеческий мозг перестает доминировать, зато инстинкты начинают диктовать правила поведения зверя в бесчувственной к чужим страданиям стае.

При поддержке дяди по достижении семнадцатилетнего возраста Саддам перебрался в столицу, бурлящую политическими страстями. Египетская революция и выдвижение ее лидера Абделя Насера потрясли не только Саддама, но и очень многих, даже менее горячих голов. Египетские события 1952 года, произошедшие за два года до появления Саддама в Багдаде, казались молодым иракцам яркой вспышкой молнии, свидетельством того, что изменить мир можно и нужно, что человек будет мириться со своим положением ровно столько, сколько это устраивает его самого. На фоне резкого возрастания политической активности молодежи молодой Хусейн вскоре стал

членом Партии арабского социалистического возрождения (БААС) и потенциально был готов к повторению пути своего дяди. С этих пор главным воспитателем Саддама Хусейна становится улица. И надо заметить, что багдадская улица 50-х годов XX века была настоящей экзотикой для современной цивилизации. Ибо в то время, когда развитые страны строили спутники и готовились покорять космические пространства, а оправившаяся от войны Европа восхищалась новой волной гуманистической философии и экзистенциализма, проникая вслед за Фрейдом в глубины человеческой психики, на улицах Багдада умирали от изощренных средневековых пыток. На глазах Саддама людей разрывали грузовиками на части, а других, привязанных за ноги, возили по городу до тех пор, пока их тела не превращались в кровавое месиво. Ненависть и враждебность довлели над этим миром. Перед взором молодого баасиста разворачивались картины свержения монархии и зверских убийств членов королевской семьи, непримиримая борьба панарабистов и коммунистов, мусульман и христиан, курдов и туркменов. Не остался незамеченным для Хусейна и характерный эпизод внутреннего соперничества во власти, который оказался хорошим практическим уроком для будущего властителя. Когда после убийства короля власть в государстве захватил Абдель Касем, его правая рука – вице-премьер-министр Абдель Ареф – затеял смуту, но вместо смертной казни был в последний момент помилован и отправлен послом в Западную Германию. Однако Ареф вскоре вернулся, через несколько лет сверг Касема и приказал убить его, не позволив уехать за пределы страны и отказав в проведении суда над бывшим правителем и соратником.

Саддам сделал из происходящего свои выводы. Он уяснил, что борьба за власть – это зона жестокости, превосходящей все мыслимые пределы. Сыгравший в благородство Касем поплатился жизнью, а звереющих от запаха крови и безнаказанности людей можно держать в повиновении только страхом перед еще большими зверствами. Боязнь даже не самой смерти, но жесточайших истязаний должна воздействовать на инстинкты и предостерегать от борьбы, решил молодой Хусейн. Но это были рецепты на будущее, сам же Саддам, по мнению аналитиков, не имел шансов на выдвижение в число лидеров партии, даже несмотря на то, что его дядя был близко знаком с партийным руководством, в том числе и с будущим президентом аль-Бакром. Главной причиной этого было отсутствие должного образования. «Необразованный, даже неотесанный юнец, вымахавший, правда, под метр девяносто, он годился только для того, чтобы запугивать политических противников. Саддам сколотил отряд штурмовиков

(их называли за глаза «саддамистами»), которые терроризировали всю округу», – так описывает политическое становление Саддама Хусейна автор исследования взлета и падения диктатора Геннадий Корж, добавляя, что в борьбе с коммунистами Саддам придерживался радикальных методов и сам застрелил лидера коммунистической организации Тикрита, получив у соратников звание «человека дела». А вот на жизнь Хусейн зарабатывал, трудясь кондуктором в автобусе, ибо его движение вперед по партийной лестнице тормозилось отсутствием образования, что не позволяло надеяться на большее. Скорее всего, Саддам чувствовал себя человеком второго сорта, поскольку не мог рассчитывать на самореализацию даже при колоссальной поддержке влиятельного родственника. Его ярость и жестокость к людям в период партийного становления объяснялись неспособностью подняться вверх благодаря интеллекту и занять то место, на которое он мог претендовать. Чтобы выделиться в среде достаточно жестоких и суровых людей, безудержно стремящихся к власти, необходимо было продемонстрировать совершенно ошеломляющие веши: готовность бесстрашно идти под пули, прибегать к нечеловеческим пыткам и не испытывать душевного волнения перед убийствами. Именно таким набором качеств намеревался прославиться двадцатидвухлетний Саддам, которого партия все же заметила и «пригласила» поучаствовать в покушении на премьер-министра Касема.

Теория максимализма и непреклонности

Три года Саддам Хусейн потратил на то, чтобы получить образование. Находясь в Каире, он настойчиво учился в школе и на юридическом факультете университета. Биографы отмечают, что «подвиги» приверженца панарабской идеи не остались незамеченными специальными службами Объединенной Арабской Республики, тем более, что учеба в зрелом для этого дела возрасте принесла хорошие плоды. Саддам знал, для чего он старается. Стоит сказать, что некоторые биографы упоминают о контактах Саддама Хусейна в этот период с ЦРУ. Если это так, то молодой Хусейн определенно выделялся из среды оппозиционеров власти, а его склонность к максимализму импонировала многим из тех, кто надеялся с помощью агрессивного лидера влиять на политику в богатом энергоресурсами Персидском заливе. Но, возможно, реальной связи с американской разведкой и не было, хотя в пользу такой версии говорят антикоммунистические настроения Саддама

Хусейна и борьба США и СССР за влияние на Ирак.

Положение на удивление активного радикала не особо изменилось после свержения баасистами премьера Касема, против которого он так отчаянно боролся и рисковал жизнью во время покушения. Политическая жизнь Ирака напоминала перекидной календарь, после каждого переворота прежняя власть уходила в небытие, а на смену ей появлялись новые временщики. Свергнутого Касема и его окружение быстро расстреляли без суда и следствия, а власть захватил некогда помилованный им Абдель Ареф. Последний готовил переворот совместно с генералом аль-Бакром, близким другом дяди Саддама. Говорят, переворот удался благодаря поддержке ЦРУ, опасавшегося, что Касем сделает ставку на Советский Союз. Но если этот слух соответствовал действительности, то это лишь подтверждает серьезность подходов самих заговорщиков, которые представляли уже реальную политическую силу. Так или иначе, но Абдель Ареф стал президентом, а аль-Бакр – премьером. Несмотря на близость Саддама к руководству партии, после государственного переворота он не получил никаких серьезных предложений, возможно, по двум причинам: вследствие молодости и того факта, что он не был непосредственным участником путча. И тут он снова вспомнил об испытанном способе, позволяющем обратить на себя внимание. Поначалу ревностно исполнявший обязанности тюремщика, благодаря редкой жестокости молодой партиец добился возможности стать одним из главарей отрядов национальной гвардии, рыскавших по стране в поисках бывших сторонников Касема и приверженцев коммунистического режима. Как и прежде, Саддам Хусейн сделал ставку на шокирующую окружающих беспощадность и нечеловеческие пытки. Этим он не только выслуживался перед новым режимом, но и самоутверждался. Это была его роль, в которую он легко вжился, имея непреодолимые влечения к садизму и обосновывая его необходимостью не только искоренения врагов, но и устрашения потенциальных сторонников левых сил. Кроме того, Саддам по опыту знал, что жестокость ассоциируется во властных кругах с решимостью и отвагой бойца, которому можно доверить любое дело. Его нисколько не волновала сомнительная репутация, а приобщение к насилию уже распалило воображение, пробудило желание повторять жестокие опыты с людьми снова и снова. Ему импонировало, что чужие боятся его больше смерти, а свои узнают и уважают. Это был его путь к признанию, и он нравился Хусейну все больше.

Но на пути к власти его ждала еще одна неприятная преграда. Арефу больше не нужна была поддержка партии БААС,

набирающей силу и влияние в государстве. Поэтому меньше чем через год он при поддержке военных силой отстранил партийцев от власти. В результате активный Хусейн угодил на некоторое время в тюрьму, впрочем, вскоре он при загадочных обстоятельствах бежал. О его тюремном периоде ходили противоречивые слухи, но, заметая следы после прихода к власти, он уничтожил практически всех сокамерников – так легче было перекраивать свою биографию. Период подполья активист БААС также использовал довольно удачно. Не имея знаний, статуса, признаваемый руководством партии лишь в качестве бескомпромиссного убийцы, Саддам сделал ставку на аль-Бакра и стал искать способы приблизиться к нему. Сам он еще не способен был играть роль лидера и свои пробелы компенсировал готовностью исполнять любые поручения более опытного и более способного к организации захвата власти человека. Саддам Хусейн стал правой рукой аль-Бакра именно благодаря этой показной преданности и демонстративной непримиримости к противнику. Еще Саддам отличался очень острым чутьем на опасность, это было проекцией его собственного стремления к власти. Продвигаясь к вершине, он предусмотрел появление соперников, таких же черствых и нечувствительных, как и он сам. И потому приучил себя уничтожать наиболее вероятных противников загодя, еще до того, как они обретут возможность напасть. И не щадить никого – это стало девизом и жизненным кредо будущего диктатора. Убивать, уничтожать и устрашать, расчищая дорогу, делая ее абсолютно свободной. Только так, полагал он, можно добиться успеха. А самым большим жизненным уроком для Саддама стал опыт Касема, не убившего, а выславшего Арефа из страны, и опыт самого Арефа, пощадившего аль-Бакра после отстранения от власти. Сам Саддам не совершит таких промахов, он будет уничтожать наверняка.

Жизнь Саддама Хусейна коренным образом изменилась, когда очередной путч закончился удачно, а отстраненного президента Арефа отправили за пределы страны. Хусейн сполна воспользовался плодами своей преданности: своему доверенному лицу новый президент аль-Бакр поручил патронировать государственную безопасность. Пожалуй, эта должность для Саддама оказалась более весомой, чем министерский портфель в правительстве, ибо открывала широкие возможности для проведения интриг и активной закулисной борьбы. Такая деятельность больше всего соответствовала натуре Саддама, который не был склонен к усилиям для возрождения утопающего в крови государства, зато серьезно занялся всесторонним обеспечением своей власти, укрепляя позиции откровенным

террором. Ни судьба Ирака, ни самореализация на поприще успешной политической деятельности не заботили этого человека; единственный предмет во власти, который его занимал, была сама власть. Очень быстро Саддам избавился от основного политического балласта – премьер-министра и министра обороны. Только что пришедшим к власти партнерам не дали даже перевести дух: их правление продлилось все лишь две недели. Кажется, эта успешная операция обеспечила Саддаму дополнительный пост вице-президента.

Эксперты по вопросам Ближнего Востока отмечают, что Саддам Хусейн практически впервые в истории страны поставил орган госбезопасности над армией, сумев таким образом при помощи относительно небольшой группы преданных людей (часто набираемых из земляков) контролировать достаточно большую армию. Он лично занялся кадровыми чистками и перестановками, осторожно и последовательно строя кадровую политику исключительно «под себя». Например, очень скоро его сводный брат Барзан стал курировать создаваемую разведку Мукабарат, а сын того самого дяди-покровителя был назначен министром обороны. Саддам поставил себе недвусмысленную цель добиться высшей власти в государстве и готов был ради этой мечты на любые жертвы. Пока голова президента аль-Бакра была занята идеей поднять уровень жизни в Ираке и обрести таким образом популярность, пользуясь ею как предохранителем, его вице-президент думал совсем о другом – как устранить опасных конкурентов и «обложить» самого аль-Бакра. Президент действительно добился значительных успехов, и в частности национализации «Ирак Петролиум Компани», что резко увеличило нефтяные доходы государства и заметно подняло уровень благосостояния народа. А вот Саддам действовал совсем в ином направлении. Первый удар он нанес по наиболее популярному в стране человеку – аль-Самараи, идеологу партии и приверженцу масштабных реформ в пользу расширения прав низших слоев населения. Глава госбезопасности отдал приказ арестовать известного партийца, а на партийной конференции объявил его предателем. В это время Саддам Хусейн еще не смел открыто уничтожать ненавистных ему конкурентов и даже сталкивался с определенным сопротивлением как в партии, так и в правительственных кругах. Но это длилось не долго.

Сокрушающий удар был нанесен через одиннадцать лет после переворота. Тихой сапой Саддам по-кошачьи подбирался к власти. Голова президента уже давно была в невидимой петле, которая с каждым годом затягивалась все туже, пока летом 1979 года окончательно не сомкнулась на шее стареющего лидера

нации. Любопытно, что Саддам, ненавидящий всех, кто превосходил его интеллектом и положением, не стал уничтожать оппонента. И вовсе не потому, что он сам изменился или проявил не свойственную его натуре жалость к человеку, который изменил его жизнь и привел на вершину власти. За годы нахождения рядом с аль-Бакром вице-президент, поднаторевший в управленческих делах и в манипулировании массовым сознанием, вполне справедливо рассудил, что отправка президента на пенсию «по состоянию здоровья» будет наиболее логично вписываться в создаваемую им собственную овеянную славой биографию. Таким образом, все сделанное для Ирака аль-Бакром будет ассоциироваться и с его именем, словно они вместе подняли благосостояние народа, наладили импорт технологий и подготовку профессиональных кадров в различных областях. Он попросту присвоил себе достижения президента, позаимствовав у него и часть имиджа труженика и радетеля за народ. Наконец, аль-Бакр, который был на добрую четверть века старше его, казался безвредным и слишком старым для продолжения борьбы в ситуации, когда в руках самого Саддама были спецслужбы, гвардия и армия. Может быть, сыграла роль и позиция дяди, которого новоявленный президент сделал мэром Багдада. Он уже чувствовал себя всесильным, хотя и не терял бдительности. Саддаму Хусейну на момент захвата высшей власти в государстве было сорок три года… «Если он принимал решение, то настаивал на нем – независимо от того, правильное оно или нет». Это замечание личного врача Саддама Ала Бапшра говорит о крайней негибкости президента Хусейна. Он совершенно был не способен переносить критику, и если кто-то не понимал этого, то в лучшем случае лишался своего положения. Но чаще Саддам Хусейн просто уничтожал критиков и отступников – спокойно, безжалостно и нередко такими способами, от которых холодела кровь у его окружения. Чувство опасности у иракцев, привыкших к ней за годы кровавых переворотов, несколько притупилось, и, похоже, Саддам поступал рационально, намеренно вызывая страшные, поражающие воображение ассоциации. Нередко он приказывал расчленить тело жертвы и затем в мешке отправить родственникам. Так, например, случилось с одним незадачливым министром, когда в начале войны с Ираном Саддам ошарашил членов правительства коварным вопросом, не отречься ли ему на время от власти. Недальновидного министра, который высказался за такой план, в тот же вечер доставили домой в брезентовом мешке в расчлененном виде. Или, как сообщает Г. Корж, великий мститель использовал ванны с кислотой и катки для укладки асфальта. Даже если он не был садистом, смакующим чужую

боль, маска мучителя за годы сознательного угнетения многомиллионного народа вросла в него, став частью лица, неотъемлемой характеристикой личности.

Став президентом, Саддам Хусейн бесстрастно и последовательно расправился со всеми, кто мог создать хоть мало-мальски видимую конкуренцию его власти. Прежде всего он организовал неожиданную и поражающую коварством расправу над соратниками по партии БААС. Очевидно, запугав генерального секретаря партии и вынудив его в обмен на жизнь «признаться в подготовке заговора», Саддам добился, чтобы в качестве заговорщиков были названы более двадцати наиболее авторитетных баасистов. Все они, как и генеральный секретарь, были уничтожены. Небезынтересно, что уже в этот период «рыцарь арабской нации» обнаружил желание подавлять противников абсолютно, не просто убивать, но подавлять, расплющивать психику еще до физической смерти человека. Он, вероятно, испытывал наслаждение, когда после ареста «заговорщиков» в соседние камеры были брошены их дети, которых пытали на глазах родителей, насиловали малолетних девочек, уничтожали целые роды и семьи. Это была его месть партийцам за то, что они посмели возражать ему в те времена, когда он был еще только вторым. Затаив обиду и жажду расправы, он дождался своего часа и с тайным ликованием истребил всех, кто имел хоть небольшой авторитет в обществе и мог составить ему конкуренцию. Говорят, что нередко, чтобы убедиться в моральном падении тех, кого он считал врагами, Саддам сам участвовал в пытках и руководил зверскими убийствами. В нем самом давно уже пробудилось чудовище, стремящееся получить наслаждение от властвования и возвышения над ближними.

Под общий шумок Хусейн приказал отправить на тот свет и идеолога партии аль-Самараи, которого он долго держал в тюрьме. Новый президент не был сторонником амнистий, по всей видимости считая, что лучший способ избавиться от головной боли – гильотина. Другое дело, что конкурентом и потенциальным заговорщиком этот мнительный и преследуемый фобиями человек считал каждого, кто по своему желанию или невольно высовывался из-под его огромной, раскинувшейся над страной тени.

Поэтому жестокие расправы следовали одна за другой, а палачи были всегда наготове.

Но жажда признания в глазах народа и международного сообщества гнала Саддама Хусейна на все более масштабные преступления и кровопролития. Избиение своего народа казалось ему уже явно недостаточным для достижения беспримерного

величия. Нужны были акции, которые поставят президента Ирака выше лидеров других арабских государств, создав плацдарм для распространения влияния во всем регионе, а затем, если это окажется возможным, и во всем мире. Не стоит сомневаться в том, что неуемные аппетиты одержимого властью человека распространялись далеко за пределы Ирака. Они оказались, в итоге, точно соответствующими его представлениям о своих силах. В своем безудержном желании подняться над временем и пространством Саддам Хусейн спровоцировал рост напряженности в отношениях с соседним Ираном, а затем развязал войну. И потому, когда блицкриг не удался, он не мог заставить себя отступить, ибо это означало бы признать поражение. Гораздо легче Саддаму Хусейну было заставлять умирать на поле брани тысячи соотечественников. Война, затянувшаяся на восемь лет, принесла разруху и голод, она уничтожила тот уровень благосостояния, что был достигнут при аль-Бакре. В результате неудавшейся попытки самоутверждения президента Хусейна в регионе улицы большинства иракских городов оказались заполненными нищими и калеками, психика многих тысяч людей была разрушена, практически каждый дом посетила смерть.

Но диктатора это мало заботило, он уже вынашивал планы новых военных операций. Болезненное тщеславие Хусейна выдержало лишь два года, после чего он, несмотря на экономический кризис и подавленный моральный дух армии, предпринял попытку оккупировать соседний Кувейт. Ему хотелось решить многие вопросы, получив нефть и богатства этой страны. После второй неудачной войны терпение народа лопнуло: надеясь, что разбитая и обескровленная армия не сможет заниматься восстановлением порядка, шииты на юге и курды на севере подняли восстание против режима Хусейна. Произошел выброс долго накапливавшейся энергии противостояния. Но последствия оказались ужасными для восставших: порядка ста тысяч человек было истреблено. Именно во время этих расправ Хусейн отдал приказ применять отравляющие вещества. Тиран довел свой народ до такого состояния, что люди стали, как звери, бросаться друг на друга, процветало дикое мародерство и беспричинные убийства. Ала Башар в качестве типичного эпизода приводит ситуацию, когда в аварию попал автомобиль, в котором, кроме мужа и жены, было пятеро детей. Мужчина и двое детей погибли, а прибежавшие люди вместо помощи тяжело раненным детям и женщине стали грабить их, стаскивая даже одежду. А через несколько минут с машины были сняты колеса. В отдельно взятой стране Саддам Хусейн построил ад и сумел заглянуть в его

темную бездну.

В конце концов, Саддам Хусейн пришел туда, куда так настойчиво стремился. Влечение к разрушению и смерти привело его самого в петлю, ведь он вызывал зависть, ненависть и презрение у слишком многих людей. Клубок низменных побуждений своей души, которому он позволил раскручиваться, породил такие же низменные страсти у его приближенных, и вскоре все его окружение было охвачено жаждой безмерной власти, влечением к насилию и агрессии. Эта разрушительная деструктивная энергия, долгое время выбрасываемая в одной точке земного шара, привлекла к себе внимание более сильных противников. Нефтяные ресурсы Ирака и стремление влиять на их распределение определили интерес к Саддаму Соединенных Штатов, его же покровительство террористическим группировкам и проявленная во время Кувейтской кампании военная слабость укрепили решимость американского лидера утвердиться за счет низвержения иракского диктатора.

Падение режима, истощенного войнами и международным противодействием, было предопределено, Саддам Хусейн слишком долго находился у абсолютной власти, чтобы поверить в свою уязвимость. В этом еще раз проявилась его оторванность от реального мира, ослепление теми завораживающими атрибутами власти, которых он добился благодаря террору по отношению к собственному народу. Яд иллюзорного ощущения всесильности отравил Саддама гораздо раньше, чем взяли в плен диктатора американские солдаты, и, естественно, раньше, чем рука палача затянула петлю на его горле.

Уроки деструктивной власти

По достижении высшей власти в государстве Саддам Хусейн пребывал в состоянии постоянного страха перед заговором. Кому, как не ему, знать низменную человеческую натуру, сегодня пресмыкающуюся перед сильным лидером, а уже завтра с восторженной готовностью предающую и разящую в спину. Но фобии президента Хусейна распространялись гораздо дальше обычного страха – ежедневно он ожидал нападения, едва ли не в каждом человеке ему мерещился враг, жаждущий его крови. Презрение к смерти исчезло, теперь президенту было что терять, и потому крайняя степень осторожности, предусмотрительности и суеверности стала едва ли не главной его чертой. К примеру, если во время войны с Ираном он намеревался отправиться на передовую, то теперь даже появление черной кошки на дороге

приводило к отмене плана. Фобии охватили его нездоровую душу, как удав обхватывает жертву, и кольца страха сжимались с каждым годом пребывания во власти все сильнее. Как средневековый король, он до безумия страшился отравления, заставляя многочисленных телохранителей пробовать пищу, проверять и менять туалетные принадлежности, белье и одежду (даже посетителей принуждали мыть руки в трех специальных дезинфицирующих жидкостях).

Отношению Саддама Хусейна к своему происхождению стоит посвятить несколько дополнительных строк. Некоторые биографы диктатора приходят к выводу, что низкий статус предков не просто беспокоил президента Ирака, но стал навязчивым раздражителем для его крайнего тщеславия. Это ощущение становилось еще более болезненным после воспоминаний о том, что ни его отца, ни отчима не уважали даже в их убогой среде. С таким положением вещей он никак не мог выстроить идеальный облик своего великого и безупречного «я». С этим Саддам Хусейн не намерен был мириться и, подобно многим другим тиранам, занялся рихтовкой своей биографии. Так из сказочной пелены рождался новый, овеянный славой предков, возвеличенный собственными «достижениями» человек. Кроме того, массированные фальсификации и создание легенд о «подвигах» лидера нации были совершенно необходимы для организации семейной диктатуры, к построению которой Саддам приступил, еще будучи помощником президента аль-Бакра.

Но, ослепленный властью, Саддам в отчаянном желании приукрасить свой образ начал совершать глупости, присущие инфантильным или теряющим чувство реальности людям. Он, например, заставил своих официальных биографов вещать, что корни семейного клана Аль-Тикрити ведут не куда-нибудь, а к имаму Али, зятю пророка Мухаммеда. А однажды, уже на закате агонизирующего режима, президент исключил из рядов партии власти ряд видных соратников – за незнание его биографии. И конечно, нет смысла упоминать о том, что, подобно Сталину, он увешал страну своими портретами. Неизлечимый параноик, Саддам жаждал быть в восточном мире всем. Для достижения этой высшей, как ему казалось, цели он готов был пожертвовать миллионами жизней и изнурить себя тяжким трудом. В диком самомнении Саддам дошел до того, что назначил себя «высшим религиозным лицом в вопросах мусульманского права», а по ночам, одержимый великой миссией, занимался собственным толкованием Корана. Лидера небольшого государства в Персидском заливе заботила великая историческая роль Ирака, но только в контексте собственного мессианского предназначения

на политической сцене XX века. Говорят, он разработал план провозглашения Багдада столицей халифата, а себя – эмиром всех правоверных. Хорошо понимая роль религии, он вознамерился соорудить самую большую в мире мечеть высотой 1800 метров, возвеличив себя в глазах мусульман всего мира. Любопытно, что и свои поражения он списывал на Небо; когда военная кампания в Кувейте завершилась неудачей, Саддам заявил, что это Аллах, а не он, принял решение оккупировать страну. Эти штрихи к портрету Саддама Хусейна являются красноречивым подтверждением глубоких проблем его личности, которые жгли его каждый день, как раскаленные угли, требуя признания величия, которого на самом деле не было. Сам президент осознавал хрупкость выстроенных замков и вопиющее несоответствие своих представлений о себе и того, что о нем думают окружающие его люди. Его фантазии и иллюзии заходили слишком далеко, являясь в то же время лишь преломлением устремлений древних властителей и свидетельством скудости ума, не способного породить центростремительную идею, которая могла бы объединить вокруг себя раздираемый нищетой и разрухой народ Ирака. Но до жизни народа Саддаму не было дела, а возможно, он даже мстил ему – за свое нищенское детство и отсутствие должного воспитания, вылившееся в негибкость и неспособность стать дальновидным политиком или хотя бы говорить на равных с цивилизованным миром.

Саддам Хусейн занимался коррекцией собственного образа всеми доступными средствами. Он неустанно напоминал окружению, как много прочитал книг во время тюремного заключения – так можно было «закрепить» мнение о себе в обществе как об интеллектуале. Конечно, как и многие другие, желающие увековечить свой образ, он уделял внимание не только дворцам, но и написал автобиографическую книгу «Люди и город», средства от продажи которой пошли на борьбу с бедностью. Саддам всегда был очень старательным, когда лепил собственный монумент.

Как это часто бывает, безнаказанность и вседозволенность для одного ведет к взрыву деструктивных проявлений в его окружении, которому дается карт-бланш. Иногда кажется, что президент Хусейн ободрением и намеками на преступления своего окружения просто проверял, насколько далеко может зайти человек в своих низменных устремлениях. Он, возможно, с удивлением и тайной радостью наблюдал за падением своих приближенных, не исключено, сравнивая их с самим собой. Для них осталось только одно табу – личность президента и его семьи. С самого начала Саддам приближал к себе только тех, кто

отличался особой жестокостью при пытках, кто мог отодвинуть на второй план даже интересы собственной семьи. Впрочем, беспощадный Саддам не оставлял выбора, сардоническим взглядом взирая на ошеломленных людей, делающих выбор между роскошной и престижной жизнью наверху и смертью родственников.

Показательным примером может служить эпизод так называемой «семейной разборки». Речь идет о бесславной истории, связанной с бегством двух зятьев Саддама Хусейна вместе с женами в Амман. Сделав ряд шокирующих международное сообщество заявлений, они не сумели найти надежного и комфортного убежища за пределами родины. В это время их и навестил посредник коварного Саддама, который убедил двух близких к президенту мужчин вернуться в Ирак, гарантировав, что вождь не тронет их. Саддам действительно не тронул их. Зато переговорил с их родным дядей, тем самым «химическим Али», который во время восстания курдов применял химическое оружие. Было решено, что зятья опозорили Ирак, но это «дело семейное». И дядя организовал осаду дома, в котором засели его родной брат и двое племянников. Их сумели перебить лишь после двенадцатичасовой перестрелки, за которой с жадным любопытством наблюдали оба сына президента. Алчущие зрелищ убийств и пыток, они стали гнусным отражением своего отца: перестрелки и убийства неугодных, похищение девушек, насилие и даже наличие собственных тайных тюрем – вот лишь малые штрихи к портретам этих двух людей, которые все свои бесчинства творили, прикрываясь всесильным отцом. Вокруг президента Хусейна действовала целая орда бесстрастных палачей, и возможно, способность к уничтожению близких порой и становилась главным критерием приближения к первому лицу. Причем к нему стремились приблизиться именно те, кто жаждал хотя бы на миг почувствовать себя властелином мира, повелевать, ставить на колени, заставлять кричать от нестерпимой боли во время пыток. Саддам давал им такую возможность, и они старались максимально воспользоваться ею, не страшась даже печальной статистики ротации приближенных. Одни палачи быстро сменяли других, чтобы через некоторое время самим кануть в небытие… И все же почти никто не отказывался от преимуществ власти, что, похоже, немало забавляло Саддама Хусейна. Сам же он, одолеваемый ложными представлениями о себе, вселял иллюзии в головы своих приближенных.

В конце концов почти вся страна стала ареной пыток: группка обезумевших людей издевалось над людской массой, исчисляемой миллионами, которая корчилась от боли и

страданий.

Был ли Саддам Хусейн психически нормален? Хотя есть мнения президента Египта Хосни Мубарака, назвавшего иракского лидера «психопатом», и короля Саудовской Аравии, уверенного в его «психической неполноценности», а также выводы пожелавших быть неназванными английских психиатров о том, что его оценка окружающего мира связана с ложным представлением о себе, не все так однозначно. Действительно, очень хочется поверить в то, что этот безумно любивший власть человек, которого кое-кто считает «злокачественным нарциссом», не просто потерял чувство реальности, но имел психические отклонения. Но скорее всего, как и в других случаях господства деструктивных влечений над разумом, мы имеем дело с разложением личности под воздействием вседозволенности и отсутствия ограничений. Абсолютная власть, давая мнимое ощущение обладания миром, несет в себе и чудовищную разрушительную силу, в эпицентре которой находится личность властителя. Словно гигантский червь, возведенная в абсолют власть высасывает из отдавшегося ей человека все лучшие качества, оставляя лишь всепоглощающую жажду доминирования и наслаждение возможностью повелевать. Именно отсюда проистекает потеря связи с реальным миром и притупление способности анализировать события, давать им реальные оценки.

Есть свидетельства, что Саддам Хусейн нередко не владел собой и впадал в совершенно безумную ярость. Во время таких припадков он мог убить кого угодно, даже собственного сына. Когда старший сын президента Удей, привыкший к вседозволенности, в порыве гнева ударил тростью по голове и непреднамеренно убил камердинера Саддама, тот всерьез намеревался расправиться с сыном. Сводный брат Саддама Барзан пребывал в абсолютной уверенности, что, попадись в этот момент под руку президенту его сын, участь его была бы решена. Ослепленный гневом, Саддам так ударил по стеклянному покрытию стола, что на нем появилась трещина, а из руки хлынула кровь. Ее пришлось зашивать… Этот эпизод, как и многие другие, связанные с семейной жизнью диктатора, свидетельствует о пропасти между внешними формами существования семьи президента, улыбающимися с многочисленных фотографий лицами и их внутренним содержанием. Занятый собой и своей единственной подругой – властью, Саддам Хусейн на поверку не был ни достойным мужем, ни хорошим отцом. Он не был верным жене, а в отношении детей единственной формой воспитания оказывалась полная вседозволенность. Саддам никогда не задумывался о счастливой

жизни для своих детей, и даже их благополучие без раздумий отодвигалось на задний план, если оно не вписывалось в формулу его личных интересов. Об этом свидетельствует и уже приводимый нами пример о том, с какой легкостью он спровоцировал уничтожение двух сбежавших из Ирака зятьев, хотя его родным дочерям этот акт сулил не только крушение личной жизни, но и несчастную дальнейшую судьбу. Одним словом, Саддам Хусейн был человеком, для которого семья значила очень немного, а в сравнении со своими интересами – и вовсе ничего. Патологический эгоист, поглощающий все блага мира и, как лазер, рассекающий преграды, Саддам Хусейн был готов разорвать весь мир на куски, если тот не желал служить его больному самолюбию.

Как все диктаторы, во всех сферах жизни Саддам часто проявлял невоздержанность, нетерпимость и бестактность. Он делал все, что ему вздумается. Это, безусловно, касалось и интимной жизни. Правда, будучи вначале женатым на дочери своего дяди, сыгравшего такую большую роль в его жизни, он не выпячивал сексуальных излишеств и признавал своими наследниками сыновей от нее Удея и Кусея. В то же время источники отмечают, что сыновья организовали убийство телохранителя Саддама за то, что последний поставлял их отцу любовниц. Сам Хусейн ни в чем не видел препятствий: так, встретив понравившуюся ему блондинку, Саддам тотчас сделал ее своей любовницей, хотя она была замужем за чиновником авиакомпании. Этот человек жил без ограничений и крайне удивлялся, когда наталкивался на непреодолимые преграды, например, в виде успешного противостояния Ирана или мощи американского оружия. Что же касается женщин, они просто не могли дать отпор диктатору из страха.

Четверть века Саддам Хусейн прожил как могучий самодержец, в своих фантазиях о собственной персоне не подозревая, что является всего лишь заблудшим смертным. Создавая миф о собственном всесилии, он оказался в безнадежном плену у собственных иллюзий, сформировав неодолимый разрыв, пропасть между реальным миром и своими нездоровыми представлениями. Он полагал, что, используя насилие, пытки и агрессию, сумеет добиться беспрецедентного влияния на мир и признания своего превосходства, однако изменчивая Фортуна нанесла смертельный удар по его чудовищным идеалам. В глазах же человечества он пополнил ряд тиранов, впечатляющих уродливыми стремлениями и расстройством представлений о развитии личности, заодно доказав своей жизнью, что деструктивное пока неистребимо в

человеке и побеждает влечение к прекрасному чаще, чем мы обычно склонны полагать.

www.badrak.kiev.ua
v_badrak@gala.net